С. Д. Половецкий
А. С. Ченцов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1920 – июнь 1941 г.)

2020

С. Д. Половецкий, А. С. Ченцов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1920 – июнь 1941 г.)

Монография

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2020

© Половецкий С. Д., Ченцов А. С., 2020
ISBN 978-5-6045558-3-5

УДК 94(47)084.5
ББК 63.3(2)61
П52

Рецензенты:

Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации,
старший преподаватель кафедры истории
доктор исторических наук, профессор
Попов Владимир Валентинович

Научный центр стратегических исследований
Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации,
начальник отдела (военно-исторического)
доктор исторических наук, доцент
Климов Андрей Алексеевич

П52 Половецкий С.Д., Ченцов А.С. Деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 – июнь 1941 г.) [Электронный ресурс]: монография. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. – 148 с. – URL: https://publishing.intelgr.com/archive/deyatelnost-organov-i-voysk.pdf.

ISBN 978-5-6045558-3-5

Монография представляет собой обобщающее, целостное исследование вопросов деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в межвоенный период. На основе архивных источников, значительная часть которых впервые введена в научный оборот, авторами выявлены особенности оперативно-служебного применения органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР на различных этапах борьбы с бандитизмом в регионе, исследован характер боевого применения войск ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР в борьбе с бандами, рассмотрены вопросы взаимодействия при проведении совместных операций с частями Красной армии, дана оценка эффективности проводимых органами и войсками ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР мероприятий, направленных на стабилизацию обстановки в Северо-Кавказском регионе.

Монография публикуется в авторской редакции

УДК 94(47)084.5
ББК 63.3(2)61

© Половецкий С.Д., Ченцов А.С., 2020
© Оформление. Издательство
«Наукоемкие технологии», 2020

ISBN 978-5-6045558-3-5

Научное издание

Половецкий Сергей Дмитриевич
Ченцов Алексей Станиславович

Деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 – июнь 1941 г.)

Монография
Электронное текстовое издание

Подписано к использованию 9.12.2020.
Объем издания – 2,8 МБ

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
https://publishing.intelgr.com
e-mail: publishing@intelgr.com
тел.: +7 (812) 945-50-63

ISBN 978-5-6045558-3-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава 1. РОЛЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК ВЧК – ОГПУ – НКВД В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг. 13

1.1. Бандитизм на Северном Кавказе в 1920 – июне 1941 г.: причины возникновения, состав, численность и способы действий вооруженных формирований 13

1.2. Система борьбы с бандитизмом и место и роль органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в ее функционировании 37

Глава 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И ВОЙСК ВЧК – ОГПУ – НКВД ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920 – ИЮНЕ 1941 г. 54

2.1. Участие органов и войск ВЧК – ОГПУ в специальных операциях по разоружению населения и борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в конце Гражданской войны и в годы нэпа (1920–1928 гг.)..... 54

2.2. Особенности действий органов и войск ОГПУ в борьбе с бандитизмом в период проведения коллективизации на Северном Кавказе..... 79

2.3. Оперативно-служебная деятельность органов и войск НКВД по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в 1935 – июне 1941 г. 96

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 105

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 109

ПРИЛОЖЕНИЯ 118

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших элементов государственной и общественной безопасности является борьба с проявлениями терроризма и экстремизма. Как показывает практика, нестабильная общественно-политическая и социально-экономическая ситуация способствует появлению в отдельных регионах групп, которые, используя террористические методы, пытаются запугать население и оказать давление на органы государственной власти с целью добиться принятия выгодных для них решений. Вместе с тем, имеющийся богатый исторический опыт борьбы с террористическими проявлениями может помочь выстроить грамотные и последовательные мероприятия, направленные на ликвидацию этого явления и стабилизацию обстановки.

В настоящее время проблема распространения терроризма крайне актуальна для нашей страны. Как отмечается в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются:

«деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование "цветных революций", разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1].

В этой связи одной из насущных задач общества и государства на современном этапе развития является борьба с терроризмом, основная цель

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 15.07.2020).

которой заключается в защите личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма[1].

Несмотря на принимаемые меры, террористические организации проявляют активный интерес к отдельным регионам Российской Федерации, стремясь создать условия для формирования террористического подполья. Кроме того, существует опасность проникновения на территорию России боевиков международных террористических организаций. имеющих опыт действий в вооруженных конфликтах в Сирии и Афганистане. В связи с этим важное значение имеет исторический опыт борьбы с бандитизмом на территории Советского Союза в 1920–1930-х гг., осмысление и использование которого может позволить скорректировать уже имеющиеся мероприятия по стабилизации общественно-политической обстановки в отдельных регионах Российской Федерации.

Следует отметить, что наиболее полно система мер противодействия бандитизму в СССР сложилась на территории Северо-Кавказского региона. Некоторые аспекты этой проблемы уже получили освещение как в исторической литературе, так и в материалах периодической печати. Однако в этих работах основной упор был сделан на действия государственных и военных органов по стабилизации обстановки в регионе. Деятельность органов государственной безопасности и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД, принимавших активное участие в ликвидации бандитизма на Северном Кавказе, в них освещена недостаточно полно.

Таким образом, **актуальность исследования** деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по ликвидации бандитизма на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. обусловлена следующим:

– недостаточным отражением в отечественной историографии места и роли органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе и, в связи с этим, отсутствием полной и достоверной картины борьбы с антисоветскими проявлениями в этом регионе страны;

– необходимостью, в связи с сохранением напряженной общественно-политической обстановки в отдельных регионах Российской Федерации в настоящее время, извлечения уроков и выводов из опыта деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по ликвидации бандитизма;

– отсутствием в современной исторической науке устоявшейся точки зрения на характер деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД. Оценка деятельности правоохранительных органов в 1920–1930-е гг. у большинства историков носит исключительно негативный характер. Однако именно в это время закладывались основы оперативно-служебной деятельности органов государственной безопасности и правоохранительных органов, а также служебно-боевой деятельности воинских формирований, предназначенных для обеспечения государственной и общественной безопасности, очерчивался круг задач, большинство из которых они продолжают выполнять и в настоящее

[1] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. 2009. 20 октября. С. 14.

время. Поэтому исключение односторонности в оценке действий органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД является одной из актуальных задач современной исторической науки.

Степень научной разработанности проблемы. Проведенный авторами историографический анализ показал, что вопросы оперативно-служебного применения органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД не являлись предметом отдельного комплексного исследования в отечественной исторической науке, несмотря на то, что ряд вопросов рассматривался в некоторых специальных работах.

Историографический анализ позволил выделить следующие периоды изучения вопросов борьбы с бандитизмом на территории Северного Кавказа – советский и современный. Причем авторы считают необходимым разделение советского периода на два этапа: начальный (1920–1940-е гг.) и послевоенный (1950–1980-е гг.).

Советская историография к вопросам борьбы с бандитизмом впервые обратилась сразу же после окончания Гражданской войны. Первые публикации по этой теме появились в сборнике Военно-научного общества при Академии Генерального штаба РККА «Красная Армия»[1]. В течение 1920-х гг. работы, посвященные вопросам борьбы с бандитизмом, публиковались и в ряде других военных изданий[2]. В них, в основном, были выявлены причины бандитизма в отдельных регионах страны, а также, на конкретных примерах, даны рекомендации по организации борьбы с этим явлением. К сожалению, авторы работ останавливались только на вопросах применения Красной армии и лишь в ряде случаев затрагивали проблему организации взаимодействия с органами и войсками ВЧК – ОГПУ в совместных операциях. Одновременно с этим можно отметить, что среди указанных статей лишь одна (Н. Стройло «Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа») посвящена анализу бандитизма на территории Северного Кавказа.

1920–1930-е гг. характеризуются выходом ряда работ, непосредственно посвященных борьбе с бандитизмом на территории Северного Кавказа, в которых подробно рассмотрены проводимые мероприятия государственных и

---

[1] Например: *Венцов С.* Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним // Красная Армия. 1921. № 9. С. 43–53; *Казаков А.* Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 29–42; *Стройло Н.* Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная армия. 1921. № 9. С. 54–67; *Трутко И.* Тактические приемы из опыта борьбы с бандитизмом. Уничтожение банды Богуславского // Красная Армия. 1921. № 3–4. С. 97–102 и др.

[2] Например: *Какурин Н.Е.* Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. Кн. 1. М., 1922. С. 81–98; *Леонидов Б.* Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Война и революция. 1922. № 14–15. С. 163–172; *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение политического бандитизма // Война и революция. 1926. № 7. С. 3–24; № 8. С. 3–20; № 9. С. 3–16; *Эйдеман Р.П.* Повстанчество и его роль в современной войне // Армия и революция. 1922. № 3–4. С. 97–108; *Его же.* К вопросу о борьбе с бандитизмом // Армия и революция. 1922. № 2. С. 55–60; *Его же.* Пятая годовщина одного урока // Война и революция. 1926. № 12. С. 33–39 и др.

военных органов[1]. Их главным недостатком является то, что деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ вновь осталась за границами исследований.

В период 1940-х гг. публикации о борьбе с бандитизмом на территории СССР практически не появляются. Причиной этого, по мнению авторов, становится повышенное внимание исследователей к проблемам борьбы с внешним противником и обобщению опыта Великой Отечественной войны.

На послевоенном этапе развития историографии основное внимание исследователей было обращено на причины широкого распространения бандитизма и борьбу с ним в начале 1920-х гг. Помимо этого, в ряде работ был проведен анализ социального состава банд, действовавших в различных регионах страны[2]. Одновременно появились исследования, посвященные классовой борьбе в деревне в период коллективизации сельского хозяйства, как правило, в масштабах всей страны. Общим недостатком всех исследований, исключая работу И.Я. Трифонова «Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.)», также являлось недостаточное освещение деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ в борьбе с бандитизмом.

Наиболее значимыми на указанном этапе стали работы Е.Ф. Жупиковой[3], посвященные вопросам борьбы с бандитизмом на Северном Кавказе. В них были раскрыты причины широкого распространения бандитизма как в русских, так и в национальных районах, показана деятельность советских, военных и правоохранительных органов по борьбе с ним. Однако эти публикации затрагивали в основном период с 1920 по 1926 г., не выходя за эти хронологические рамки.

---

[1] Например: *Авторханов А.* Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области: краткие очерки. Грозный, 1933; *Буйский А.* Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями и бандитизмом. М.–Л., 1927; *Лихницкий Н.Т.* Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931; *Павлович М.П.* На высотах Красного Дагестана. Из истории контрреволюции на Кавказе. М., 1921; *Столяров Н.* Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920–1921 гг. М., 1928; *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927; *Тодорский А.И.* Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1924 и др.

[2] Например: *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1920–1924 гг.). Л., 1978; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988; *Лоов И.Р., Пархоменко М.М.* Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы новой экономической политики (1921–1925 гг.). Грозный, 1974; *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. Л., 1964; *Его же.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; *Щетинов Ю.А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920–1921 г.). М., 1984 и др.

[3] *Жупикова Е.Ф.* Упрочение советской власти на территории Чечено-Ингушетии в период деятельности ревкомов (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Ее же.* Борьба против бандитизма в Чечне в 1920–1925 гг. // Ученые записки МГПУ им. В.И. Ленина. Вып. 439. М., 1971. С. 29–46; *Ее же.* Роль врангелевского «Комитета освобождения» в подготовке мятежа Н. Гоцинского // Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период социалистического преобразования народного хозяйства (1917–1937 гг.). Грозный, 1979. С. 83–100 и др.

В вышедших в 1950–1980-е гг. публикациях по истории правоохранительных органов и внутренних войск[1] в основном анализировалось их организационное строительство, а также основные направления оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности. Следует отметить, что в этих работах борьба органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД с бандитизмом на Северном Кавказе описывается довольно отрывочно и фрагментарно, хотя это и не снижало общей ценности данных публикаций.

Современная (постсоветская) историография обратилась к проблемам новой и новейшей истории Северного Кавказа в основном после начала боевых действий по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики в 1994 г. Причиной этого стала необходимость понять суть противостояния горских народов политике российского государства. В результате стали появляться работы, посвященные анализу как событий XIX в., так и советской истории[2]. В периодической печати публиковались статьи, основанные на анализе ранее закрытых архивных документов[3]. Выходили

---

[1] Например: Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. М., 1982; *Дорошенко И.А.* Деятельность органов и войск государственной безопасности в период построения фундамента социализма и ликвидации эксплуататорских классов (1921–1932 гг.). М., 1960; *Кривец В.Д., Холоден В.Ф., Штутман С.М.* История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.): краткий очерк. М., 1978; *Коротков С.П.* Участие внутренних войск в разгроме остатков сил внутренней контрреволюции в начале восстановительного периода (1921–1923 гг.). Л., 1980; *Моисеев В.В.* Партийное руководство внутренними войсками в борьбе с политическим бандитизмом в начале нэпа (1921–1922 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1979; Нам имя – Дзержинцы. М., 1984; *Некрасов В.Ф.* Внутренние войска Советской республики (1917–1977 гг.). М., 1980; *Его же.* На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. М., 1983; *Портнов В.П.* ВЧК (1917–1922 гг.). М., 1987; *Софинов П.Г.* Очерки истории ВЧК (1917–1922 гг.). М., 1960; *Ципуренко Н.И.* Внутренние войска в период борьбы за победу и упрочение социализма в СССР (1926–1941 гг.). Л., 1978.

[2] Например: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). М., 1998; *Даудов А.Х.* Горская АССР (1921–1924 гг.). СПб., 1997; *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сб. трудов. Т. 1. М., 2007. С. 114–319; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; *Кузьмин Ф.Н., Рунов В.А.* История военных действий российских и советских войск на Кавказе (XVII–XX вв.). М., 1995; *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М., 2006; *Полян П.* Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? М., 2008; Россия и Северный Кавказ: история и современность. М., 2006; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001; Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999; *Яблочкина И.В.* Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России (1921–1925 гг.). М., 2000 и др.

[3] Например: *Аптекарь П.* Война без конца и края // Родина. 2000. № 1. С. 73–74; *Его же.* Второе покорение Кавказа: большевики и чеченские повстанцы // Родина. 1995. № 6. С. 41–48; *Его же.* Повстанцы // Родина. 2000. № 1–2. С. 154–156; *Марченко Г.В.* Антисоветское движение в Чечне в 20–30-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138; *Пашков А.Ю.* 1925 год: спецоперация Красной Армии // Независимое военное обозрение. 2000. 21 апр. С. 5; *Симонова Т.М.* Беспощадное истребление, поголовное выселение. Такими мерами устанавливалась советская власть на Северном Кавказе в 1920-е гг. // Независимое

диссертационные исследования, посвященные проблемам противостояния населения Северного Кавказа мероприятиям советской власти, проводимым в 1920–1930-е гг.[1] Однако, как и на предшествующем этапе, при анализе мероприятий по борьбе с бандитизмом в регионе, преобладающее внимание уделялось действиям государственных органов и Красной армии, а деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД продолжала оставаться за гранью исследования. Исключение составляло только диссертационное исследование А.М. Плеханова, один из разделов которой посвящен борьбе с политическим бандитизмом в начале 1920-х гг.[2]

Специальная литература, посвященная истории органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД[3], чрезвычайно бедна материалами, характеризующими их деятельность по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в период 1920–1930-х гг. Особенно в этом плане выделялись книги по истории внутренних войск, в которых действиям на территории Северного Кавказа практически не уделялось внимания. Имеющиеся публикации, в которых сделана попытка отразить опыт участия войск в чекистско-войсковых операциях 1920–1930-х гг., часто не точны, не имеют ссылок на источники и практически не отражают роль войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в ликвидации бандитизма на Северном Кавказе в межвоенный период.

Следует отметить тот факт, что практически все работы, в которых рассматриваются вопросы борьбы с бандитизмом на территории Северного Кавказа, не раскрывают период с 1934 по 1941 г., считая, что в это время не

военное обозрение. 2002. 15 марта. С. 5; *Ее же.* «Просьба обезоружить весь Кавказ…» // Источник. 2001. № 6. С. 63–68; *Ее же.* Установление советской власти на Северном Кавказе (1918–1921 гг.) // Диалог. 2001. № 12. С. 61–66 и др.

[1] Например: *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: дис. … д-ра ист. наук. М., 2008; *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005; *Савенко Г.П.* Терроризм на Северном Кавказе: исторические предпосылки и региональная специфика: дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2008; *Савочкин А.А.* Массовые репрессии 30–40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008; *Филин М.В.* Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2007; *Черкасов А.А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии: дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2007 и др.

[2] *Плеханов А.М.* Деятельность органов ВЧК – ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.): дис. … д-ра ист. наук. М., 1993.

[3] Например: Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность. М., 1997; Внутренние войска. Исторический очерк. М., 2007; *Железко И.М., Кривенок В.И.* История внутренних войск МВД России. Саратов, 2003; История внутренних войск: в 5 т. Т. 2 (1917–1941 гг.). М., 2013; *Макоев Т.* Оружие не отбирать // На боевом посту. 2005. № 7. С. 39–40; *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). М., 2006; *Его же.* Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007; *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана: документальные очерки истории (1920–1945 гг.). Махачкала, 2000 и др.

происходило никаких столкновений с бандами, так как их большая часть была ликвидирована, а руководство бандгрупп скрылось в труднодоступных горных районах. Активизацию бандитизма в период Великой Отечественной войны большинство авторов связывает с началом германской агрессии против Советского Союза. Однако имеющиеся архивные документы позволяют сделать вывод о том, что подобные утверждения не совсем оправданны, так как банды в этот период лишь перешли на нелегальное положение, в связи с тем, что их действия не имели широкой поддержки среди местного населения.

Таким образом, актуальность проблемы и ее недостаточная изученность во многом определили выбор объекта, предмета, цели и задач монографии.

Объектом исследования являются органы и войска ВЧК – ОГПУ – НКВД на территории Северного Кавказа.

Предмет исследования – оперативно-служебная деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД Северного Кавказа по борьбе с бандитизмом в 1920–1930-е гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период от момента освобождения территории Северного Кавказа Красной Армией от белогвардейских войск весной 1920 г. до начала Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.). Авторы считают необходимым дать некоторые пояснения по выбору данных временных границ:

– во-первых, вооруженные выступления части населения Северного Кавказа против советской власти начались практически сразу же после освобождения региона от белогвардейских войск и к началу Великой Отечественной войны действия банд, благодаря согласованным действиям партийных, военных и правоохранительных органов, практически прекратились;

– во-вторых, деятельность органов и войск НКВД против бандитизма на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. существенно отличается от характера и способов их применения в 1920–1930-е гг., что выделяет ее в предмет самостоятельного исследования.

Цель исследования состоит в том, чтобы осуществить комплексный анализ оперативно-служебной деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в исследуемый период и ее влияние на стабилизацию общественно-политической обстановки в регионе.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

– рассмотреть причины возникновения бандитизма на Северном Кавказе, выявить его особенности, характер, задачи и способы действий банд в межвоенный период;

– проанализировать разработанную систему мер государственных, военных и правоохранительных органов по борьбе с бандитизмом в 1920–1930-е гг.;

– выявить особенности оперативно-служебного применения органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД на различных этапах борьбы с бандитизмом на территории Северного Кавказа;

– исследовать характер боевого применения войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в борьбе с вооруженными формированиями, а также рассмотреть вопросы

взаимодействия с подразделениями Красной армии в ходе проведения совместных операций;

– оценить эффективность профилактических и силовых мероприятий, проводимых органами и войсками ВЧК – ОГПУ – НКВД на территории Северного Кавказа в исследуемый период.

Источниковая база исследования включает в себя две группы:

Первую группу источников составили архивные материалы. Авторами были изучены фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА). При написании монографии также были использованы фонды Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации (ЦА ВНГ РФ) и Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации (ЦМ ВНГ РФ).

Вторую группу источников составили опубликованные документы государственных, военных и правоохранительных органов[1], а также опубликованные материалы по вопросам оперативно-служебного применения органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД[2]. При этом законы и нормативные акты, регулировавшие процесс деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД, подразделяются на два вида: государственные и ведомственные. К государственным относятся законы Советского Союза, постановления Совета Народных Комиссаров СССР, Совета Труда и Обороны при СНК СССР, материалы съездов, пленумов, заседаний ЦК ВКП(б), приказы и директивы Реввоенсовета СССР. Ведомственные законодательные акты представлены постановлениями Северо-Кавказского бюро ЦК ВКП(б), а также приказами и директивами ВЧК, ОГПУ и НКВД СССР.

Кроме того, авторами были использованы документальные материалы, опубликованные в различных периодических изданиях («Родина», «На боевом посту», «Источник», «Вопросы истории» и др.).

---

[1] Например: Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). Сб. документов и материалов. М., 2011; Директивы Главного командования фронтов Красной Армии (1917–1920 гг.). Сб. документов: в 4 т. Т. 3. М., 1974; Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ (1917–1991 гг.). М., 2003; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918–1939 гг.). Документы и материалы: в 4 т. М., 2000; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (1927–1939 гг.): в 5 т. М., 1999–2006 и др.

[2] Например: В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.). М., 1987; Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства (1922–1941 гг.). Документы и материалы. М., 1977; Внутренние войска Советской республики (1917–1922 гг.). Документы и материалы. М., 1972; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. Сб. документов. М., 1958; Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сб. документов. М., 1958 и др.

Глава 1. РОЛЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК ВЧК – ОГПУ – НКВД В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.

1.1. Бандитизм на Северном Кавказе в 1920 – июне 1941 г.: причины возникновения, состав, численность и способы действий вооруженных формирований

После победы Октябрьской революции в России советская власть столкнулась с активным вооруженным сопротивлением со стороны различных слоев общества. Уже 27 октября 1917 г. бывшим председателем Временного правительства А.Ф. Керенским и генералом П.Н. Красновым был поднят мятеж против новой власти[1]. Он стал первым в целой серии антисоветских выступлений, которые происходили в годы Гражданской войны, а в ряде регионов страны продолжались и в межвоенный период.

В советской историографии вооруженные выступления против власти в 1920–1930-е гг. определялись как «политический бандитизм», «повстанчество», «бело-зеленое движение», «крестьянские и кулацко-крестьянские восстания», «контрреволюционные мятежи», «мелкобуржуазная контрреволюция» и т.д.[2] Наиболее широкое распространение у историков получил термин «бандитизм», под которым выступления против советской власти в различных регионах страны вошли в официальные документы того времени.

В настоящее время ряд исследователей предлагает заменить термин «бандитизм» понятиями «белогвардейско-кулацко-эсеровская контрреволюция», «антигосударственные выступления», «антисоветские выступления», «антибольшевистские выступления» или «повстанческое движение»[3]. По мнению авторов, наименее удачен в определении действий групп, выступавших против советской власти в 1920–1930-е гг., термин «повстанческое движение» или «повстанчество». Согласно словарю С.И. Ожегова «повстанец» – «участник восстания»[4]; В.И. Даль считает, что

---

[1] *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). С. 11.

[2] Например: *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1920–1924 гг.); *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1.; *Его же.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР; *Щетинов Ю.А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920 – 1921 г.).

[3] Например: Россия и Северный Кавказ: история и современность; *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.); *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.); *Верт Н.* Государство против своего народа // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1998. С. 61–258 и др.

[4] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2005. С. 529.

«повстать (повставать)» – «встать поголовно»[1]. Однако количественный и качественный анализ бандитизма на территории Советской России и Советского Союза в 1920–1930-е гг. показывает, что далеко не все население принимало участие в антисоветских восстаниях или оказывало поддержку действиям бандитских групп.

Исследователь вопросов бандитизма в 1920-е гг. на территории Северного Кавказа Е.Ф. Жупикова в связи со сложностью разграничения понятий «контрреволюционное восстание», «мятеж», «политический и уголовный бандитизм», частым переходом одной формы вооруженного противостояния в другую, предлагает использовать термин «бандитизм» уже по традиции, сложившейся в отечественной историографии[2]. Некоторые современные исследователи в своих работах оперируют терминами и «повстанчество» (подразумевая под этим все вооруженные выступления против советской власти), и «бандитизм» (определяя этим термином только проявления уголовного бандитизма)[3].

По мнению авторов, для более точного определения действий групп, выступавших против советской власти в 1920–1930-е гг., необходимо обратиться к историческому анализу юридической составляющей понятия «бандитизм».

Термины «бандитизм», «бандит» происходят от итальянского слова «bandito» – «разбойник». Понятие «бандитизм» получило широкое распространение в русском языке после Польского восстания 1864 г., во время которого повстанцы называли свои вооруженные отряды «партиями» и «бандами»[4]. Однако термин «бандитизм» как определение действий вооруженной группы людей, объединившихся для нападений на отдельных лиц или организации, в дореволюционный период не получило широкого распространения. Вместо него употреблялись понятия «разбой», «разбойник», а группы вооруженных людей, ставившие своей целью совершение указанных выше преступлений, назывались «шайками»[5].

После Октябрьской революции по отношению ко всем вооруженным противникам, ведущим борьбу в тылу Красной армии, стал применяться термин «бандитизм», отражавший резко негативное отношение большевиков ко всем антисоветским силам. Появляются новые трактовки происхождения и смысла этого термина. Так, Н.Е. Какурин в 1922 г. писал: «Слово бандитизм, бандит – не русское, но великолепно передает сущность этого явления; оно является испорченным французским словом «banny», что означает изгнанник (по-

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 147.

[2] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 158.

[3] Например: *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах; *Яблочкина И.В.* Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России (1921–1925 гг.).

[4] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 2а. СПб., 1891. С. 873.

[5] Там же. Т. 39. СПб., 1903. С. 98.

древнерусски «изгой»), то есть человек в силу тех или иных причин отколовшийся от известного социального строя»[1].

Анализ источников и литературы позволил авторам сделать вывод о том, что впервые в советском законодательстве определение бандитизма как преступного деяния было сформулировано в декрете ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» – «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоев и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки»[2].

Уголовный кодекс РСФСР, принятый 1 июня 1922 г., относил бандитизм к преступлениям против порядка управления, которые были направлены «к нарушению правильного функционирования… органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам советской власти, с препятствованием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы или авторитета власти»[3].

Сам бандитизм определялся как «организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами или ограблениями или не сопровождались»[4].

На основании положений Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. появилась ***классификация бандитизма***, которая выделяла уголовную и политическую составляющие этого явления. *Уголовный бандитизм* характеризовался преступными действиями сообщества вооруженных людей, которые были направлены исключительно ради личной наживы[5]. Как отмечает большинство исследователей, характерной чертой уголовной преступности в первые годы существования советской власти стало «перерастание ненасильственных форм имущественных преступлений в насильственные, а этих последних и, в частности, грабежа и бандитизма, в антисоветские выступления – в контрреволюционные восстания…»[6].

Уголовный бандитизм был нередко связан с *политическим бандитизмом*, который определялся как «зачаточная, неорганизованная форма вооруженной политической борьбы, или как результат вырождения определенных политических движений»[7], и довольно часто переходил в эту форму. Нередким был и обратный процесс – перерастание политического бандитизма в

---

[1] *Какурин Н.Е.* Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований. С. 82.

[2] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). С. 299.

[3] Уголовный кодекс РСФСР, введенный в действие Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

[4] Там же. Ст. 76.

[5] Большая Советская энциклопедия: в 65 т. 1-е изд. Т. 4. М., 1926. С. 606.

[6] История советского уголовного права. М., 1947. С. 52–53.

[7] Большая Советская энциклопедия. Т. 4. С. 605.

уголовный. Характерной чертой политического бандитизма было то, что его участники выступали в основном под политическими лозунгами, прикрывая ими свои уголовные деяния (грабежи, разбойные нападения, диверсии, убийства и др.)[1]. Ответственность за организацию вооруженных банд, действовавших под политическими лозунгами, определялась статьей 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

Следует отметить, что в ряде регионов страны (в том числе и на Северном Кавказе) в рассматриваемый период не существовало политического или уголовного бандитизма в чистом виде, а происходило их тесное переплетение. Так, в ходе широкомасштабных выступлений, поддержанных населением, в основном провозглашались политические лозунги, а после разгрома основных сил банды совершали обычные уголовные преступления – налеты с целью грабежа. В результате проведенного анализа деятельности банд на территории Советского Союза в период 1920–1930-х гг. авторы пришли к выводу, что в настоящее время необходимо выделение подобного рода бандитизма в самостоятельный вид – *комбинированный*.

После выхода в свет Уголовного кодекса 1922 г. в юридической литературе выделяются критерии, позволяющие отличить банду от другой преступной группы. Так, сама банда определялась как «соглашение между собой нескольких лиц на постоянное совершение преступных действий»[2]. Главным ее признаком являлась четкая внутренняя структура и организованность участников[3]. При этом количественный состав банды определялся не менее чем в три человека, а под постоянным совершением понималось выполнение бандой хотя бы одного нападения[4].

Нападением считалось агрессивное противоправное действие, совершаемое с какой-либо преступной целью, и создающее реальную и непосредственную опасность немедленного применения насилия как средства достижения этой цели. Причем цель нападения могла носить корыстный или другой характер (например, изнасилование, террор населения и др.)[5].

Одной из важнейших черт банды была ее вооруженность. Под вооруженностью юристами понималось наличие у членов банды как собственно огнестрельного и холодного оружия, так и предметов хозяйственного назначения, применявшихся для убийств или запугивания при нападениях[6].

Именно на основании этих критериев (нападение, четкая внутренняя организованность участников, устойчивость и вооруженность) в советском уголовном праве и формулировалась принадлежность того или иного преступного деяния к бандитизму. Действия антисоветских групп на территории

---

[1] Большая Советская энциклопедия. Т. 4. С. 605.

[2] *Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С.* Курс уголовного права: в 5 т. Т. 4. М., 2002. С. 417.

[3] *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923. С. 204.

[4] Уголовный кодекс. Практический комментарий. М., 1925. С. 110–111.

[5] *Пионтковский А.* Советское уголовное право: в 2 т. Т. 2. М., 1928. С. 284.

[6] *Змиев Б.* Уголовное право. Часть Особенная. Казань, 1925. С. 80.

Северного Кавказа в период 1920–1930-х гг., даже действовавших под политическими лозунгами, в соответствии с уголовным законодательством того времени по всем признакам полностью подходили под определение «бандитизм».

Первые группы, выступавшие против советской власти, появились на Северном Кавказе сразу же после ухода белогвардейских войск и продолжали свою деятельность вплоть до начала Великой Отечественной войны. Активная работа государственных и партийных органов и привлечение Красной армии и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД не смогли в полной мере решить проблему бандитизма в регионе. Причины этого необходимо искать, прежде всего, в особенностях этого явления на территории Северного Кавказа.

В ходе Северо-Кавказской операции к апрелю 1920 г. Красная армия вышла к границам закавказских республик[1]. 2 апреля 1920 г. Г.К. Орджоникидзе сообщал В.И. Ленину из Грозного: «Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставропольской, Терской и Дагестанской областей стало свершившимся фактом»[2]. В тот же день В.И. Ленин телеграфировал в Реввоенсовет Кавказского фронта: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще»[3].

Однако эти указания не смогли предотвратить антисоветских выступлений в регионе, на возможность которых указывал еще 8 января 1920 г. главнокомандующий Вооруженными Силами Республики С.С. Каменев в докладе председателю Реввоенсовета Республики о плане предстоящей операции по овладению г. Грозным. В нем отмечалось, что войскам необходимо учитывать предстоящую борьбу с беспокойными горскими племенами Кавказа, мало воспринимающими государственный режим[4].

Анализ общественно-политической обстановки на Северном Кавказе в 1920 – июне 1941 г., действий банд в этот период позволил авторам выделить ***три периода, которые характеризуют развитие бандитизма в регионе в эти годы***:

1-й период – 1920–1928 гг. – активное вооруженное сопротивление противников советской власти в казацких и ряде национальных районов Северного Кавказа; всплеск политического и уголовного бандитизма на территории всего региона; его активная поддержка со стороны иностранных государств;

---

[1] Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987. С. 536.

[2] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 207.

[3] *Ленин В.И.* Телеграмма Г.К. Орджоникидзе и записка Л.Д. Троцкому от 2 апреля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 175.

[4] Директивы Главного командования Рабоче-Крестьянской Красной Армии (1917–1920 гг.). Сб. документов. М., 1969. С. 724.

2-й период – 1929–1934 гг. – вооруженные выступления населения против политики коллективизации сельского хозяйства;

3-й период – 1935 – июнь 1941 г. – снижение активности банд как политического, так и уголовного характера; резкое сокращение их численности; переход на нелегальное положение; действия, в основном, в труднодоступной горной местности; попытки организации вооруженных выступлений населения против советской власти.

Проведенный анализ военно-исторической литературы показал, что одним из первых к вопросу о ***причинах бандитизма*** на Северном Кавказе обратился руководитель Северо-Кавказской секции отдела бандитизма Военно-научного общества Генерального штаба РККА Н. Стройло. По его мнению, самой главной причиной широкого распространения этого явления являлось наличие в тылу Красной армии большого числа деникинских войск: «Деникин далеко не все свои силы смог эвакуировать в Крым, значительная часть их осталась рассеянной по степям и горам Кубанской области»[1]. Именно они создавали на территории Северо-Кавказского военного округа банды различной политической направленности. По данным Т.М. Симоновой, после эвакуации А.И. Деникина на Кубани, Северном Кавказе и в Причерноморье осталось до 20 тыс. активных белогвардейцев, находившихся на нелегальном положении[2].

Однако, по мнению авторов, наличие белогвардейских сил в тылу Красной армии могло объяснить распространение бандитизма только в казачьих районах. Именно на казачество была направлена пропагандистская деятельность агентов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля на Северном Кавказе. Но белогвардейская пропаганда не получила широкого распространения среди горских народов. Наоборот, лозунги, провозглашаемые большевиками, имели у них больший успех. Еще 10 июля 1919 г. Г.К. Орджоникидзе докладывал в СНК РСФСР: «Можно сказать без всякого преувеличения, что нигде Советская власть не популярна так, как среди угнетенного горского населения Северного Кавказа»[3]. Тем не менее, уже в 1920–1921 гг. в национальных районах края появляются многочисленные банды как политического, так и уголовного характера.

Проведенный историографический обзор публикаций по рассматриваемой проблеме показал, что в настоящее время исследователи в качестве главной причины бандитизма среди горских народов Северного Кавказа называют мероприятия, проведенные органами советской власти и негативно повлиявших на развитие обстановки. Так, П. Аптекарь считает, что основной причиной бандитизма явилось безжалостное проведение продовольственной разверстки и антирелигиозная политика большевиков[4].

---

[1] *Стройло Н.* Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа. С. 56.

[2] *Симонова Т.М.* Беспощадное истребление, поголовное выселение. Такими мерами устанавливалась советская власть на Северном Кавказе в 1920-е гг. С. 5.

[3] *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи: в 2 т. Т. 1. М., 1956. С. 89.

[4] *Аптекарь П.* Повстанцы. С. 154.

Однако анализ архивных документов позволяет утверждать, что «организованного грабежа» национальных районов Северного Кавказа в 1920-х гг. не было. Так, в Чечне, после неудачной попытки провести продовольственную разверстку летом 1920 г., власти отказались от нее, а продовольственный налог в полной мере не собирался в связи с бедственным положением населения. К концу Гражданской войны 65% населения Чечни составляла беднота, а большая часть хозяйств была разорена. При отступлении войск А.И. Деникина с территории Северного Кавказа здесь был полностью разрушен 21 аул[1]. В 8 аулах и 13 хуторах Ингушетии было разорено 5613 дворов[2].

Центр оказывал горским районам самую разнообразную помощь и поддержку. Уже 15 апреля 1920 г. по прямому проводу В.И. Ленин уполномочил Г.К. Орджоникидзе объявить горцам, что решением Совнаркома им будет оказана денежная помощь: «Выдайте им… до 200 миллионов…»[3].

В 1920 г. только для Чечни было выделено 19 вагонов семенной пшеницы, около 2 млн аршин мануфактуры, 30 тыс. катушек ниток. В 1922 г. из дотационного краевого фонда Чечня, Ингушетия и Северная Осетия получили 110,5 тыс. пудов продовольствия. В том же году Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК РСФСР (Помгол) выделила Дагестану и Горской АССР 1 млрд рублей и разрешила использовать на свои нужды все, что они соберут из продовольственного налога на своей территории[4].

Советская власть в национальных районах не боролась и с религией. В 1924 г. только в Чечне насчитывалось 2675 мечетей, 38 шейхов, 850 мулл, вокруг которых группировались около 60 тыс. мюридов, подчинявшихся своим идейным вождям[5]. В Ингушетии в 1926 г. около 14 тыс. чел. (до 20%) было мюридами шести религиозных сект[6]. Муллы и шейхи, часто бывшие главами тейпов, распоряжались средствами мечетей и налогом в пользу бедных (закят), который платили состоятельные мусульмане. Все судопроизводство проходило через шариатские суды, существовавшие до 1926 г.

По мнению авторов, основные причины бандитизма среди казачества и горских народов находились в тесной связи с разрешением аграрного вопроса на Северном Кавказе. До Октябрьской революции главным владельцем земли в этом регионе было казачество, которому принадлежало до 30% всей плодородной земли. Средний размер земельного казачьего участка на Дону составлял 12 десятин, на Кубани – 12,5 десятины, на Тереке – 18,8 десятины[7].

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 211. Л. 51.

[2] Там же. Д. 143. Л. 51.

[3] *Ленин В.И.* Телеграмма Г.К. Орджоникидзе от 15 апреля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 178.

[4] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 147.

[5] Там же.

[6] *Омаров М.* Чечня на социалистическом пути. Ростов н/Д., 1933. С. 24.

[7] Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1977. С. 65.

По сравнению с казацкими наделами пахотные участки горских народов были микроскопически малы. В среднем они равнялись 0,57 десятины на одного человека[1]. Земельные участки горцев могли прокормить только 14% населения, проживавшего в горных районах, остальные должны были переселяться оттуда или медленно вымирать от голода и болезней. Поэтому, чтобы выжить, горцы арендовали земли у своих соплеменников в равнинных аулах или у казачьих обществ, за что выплачивали: Кабарда – 65,5 тыс. рублей, Осетия – 230,6 тыс. рублей, Ингушетия – 49,5 тыс. рублей, Чечня – 400 тыс. рублей[2].

После установления советской власти на Северном Кавказе в 1918 г. аграрный вопрос стал центральным на съездах народов Терека. На III съезде народов Терека, проводившемся в Грозном 22–28 мая 1918 г., было решено перераспределить земли с целью наделения ею горского населения и беднейшего казачества. Для этого предполагалось провести переселение казаков на новые земли, а горцев – в казачьи станицы.

Основным толчком для принятия этого решения, как отмечалось впоследствии в докладе казаков и крестьян Терской области во ВЦИК от 22 декабря 1920 г., стало выступление на съезде делегата Чеченской фракции А. Шерипова, который заявил, что «если вопрос об уничтожении чересполосицы путем переселения не будет разрешен на данном съезде в положительном смысле, то чеченский народ с оружием в руках сам разрешит этот вопрос»[3].

В постановлении съезда было указано, что «переселение должно производиться так, чтобы переселяемый попадал по возможности в однородные с прежними, привычными ему сельскохозяйственными и климатическими условиями»[4].

На III съезде народов Терека было принято решение о выселении казачьих станиц Тарской, Сунженской, Воронцово-Дашковской и Фельдмаршальской и передаче их земель ингушскому населению[5]. Всего в 1918 г. было переселено 3 станицы. Многие казаки столкнулись с враждебным отношением переселяемых на равнину горцев. Так, во время переселения станицы Тарской жители «отбивались от ингушей и красноармейцев»[6].

V съезд народов Терека (ноябрь 1918 г.) наметил к переселению уже 18 казачьих станиц с населением в 60 тыс. человек. Но до февраля 1919 г. (захват войсками А.И. Деникина Терской области) власти успели переселить всего 3 населенных пункта.

---

[1] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 191.

[2] *Авторханов А.* Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. С. 41.

[3] Приводится по: *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 196.

[4] Съезды народов Терека. 1918 г.: в 2 т. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. С. 335.

[5] Там же. С. 331.

[6] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 197.

Таким образом, именно политика советской власти, направленная на поддержку горского населения, толкнула большую часть казачества в ряды белогвардейских войск. Еще большую помощь казаки стали оказывать армии А.И. Деникина после того, как были возвращены на места своего прежнего жительства.

После освобождения от белогвардейцев территории Северного Кавказа (весна 1920 г.) советская власть стала проводить активную антиказачью политику, вновь делая опору на горское население. 28 сентября 1920 г. С.М. Киров писал Г.К. Орджоникидзе: «Общая линия поведения – опора на горцев. Землю надо дать чеченцам»[1]. В результате этого, а также широко развернутой агитации, проводимой агентами П.Н. Врангеля, летом 1920 г. в казачьих районах Терской области вспыхнуло антисоветское выступление. Его результатом стало переселение казачьих станиц, проведенное в сентябре – декабре 1920 г., и заселение на эти земли горских народов.

Ряд исследователей считает, что именно переселение терских казаков привело к вспышке бандитизма среди горских народов. По мнению А.А. Ляховского, «это была принципиальная ошибка советского руководства, предопределившая сохранение напряженной ситуации в регионе, поскольку казачество на Кавказе представляло собой не только буферную зону, но и легализованные партизанские отряды, досконально знавшие и эффективно использовавшие против горцев тактику набеговой войны. Именно казаки являлись фактором, позволявшим поддерживать стабильную обстановку на Кавказе, сохранять хрупкий баланс сил в этом регионе»[2].

Анализ архивных документов показал, что уже 1 сентября 1920 г. в докладе помощника командующего Кавказской трудовой армии по политчасти И.Я. Врачева в РВС Кавказского фронта появляются сведения о враждебном отношении горцев к советской власти: «На днях закончился чеченский съезд, который в отличие от предыдущих в смысле настроения весьма неудачен, так как можно смело утверждать, что в настроении чеченцев наступил перелом от дружелюбия и сочувствия советской власти к позиции, которая грозит вылиться во враждебные действия»[3].

Одной из причин изменения отношения к советской власти являлась невозможность быстрого улучшения экономического положения горских народов Северного Кавказа из-за крайней сложности экономического и политического положения самой Советской России. Несмотря на наделение горцев землей за счет казачьего населения и выделение денежных и материальных средств на развитие экономики национальных районов, до середины 1920-х гг. экономические трудности в регионе не были изжиты.

Большую роль в активизации бандитизма сыграло и наличие в горных районах лиц, которые ранее активно сотрудничали с белогвардейцами. Бывшие

---

[1] *Гиоев М.И.* Ленинская аграрная политика в горном ауле. Орджоникидзе, 1969. С. 165.

[2] *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 126.

[3] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 109. Оп. 1. Д. 39. Л. 310.

офицеры царской армии, религиозные авторитеты и кулаки становились членами революционных комитетов Чечни, Ингушетии и Дагестана[1]. Так, например, шейх Али Митаев, имевший своими последователями до 12 тыс. мюридов, с согласия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) был введен в состав Чеченского областного ревкома[2]. Подобные люди продолжали оказывать влияние на горское население и в дальнейшем, занимая руководящие должности в местных органах власти.

Неспособность и нежелание органов власти, избираемых из лиц местной национальности, решать земельные вопросы и влиять на складывающуюся обстановку, подрывали доверие населения к ним. Как отмечала комиссия СНК Горской республики[3], обследовавшая Чечню в 1921 г., «не трудовая Чечня, как таковая, не ее интересы, не чеченский народ вообще, а Чечня с ее кулацким элементом является предметом забот Чечокрисполкома»[4].

Большую роль в негативном развитии ситуации, сложившейся на Северном Кавказе в межвоенные годы, играла мусульманская религия. В 1920-е гг. горцы расходовали на содержание мечетей, духовенства, религиозные праздники и обряды более 5 млн рублей в год – до половины суммы, которая тратилась на хозяйственные нужды и культурное строительство в этих областях[5]. Следует отметить, что до 1927 г. советская власть на Северном Кавказе не боролась с религией, а осуществляла «поиск компромиссов с исламом как с мировоззрением и социокультурной системой, которую большевики рассчитывали использовать для закрепления своего правления»[6].

Почти поголовная неграмотность горцев создавала благоприятную почву для религиозности, доходившей почти до фанатизма и появления многочисленных святых шейхов и мулл. Святым мог стать любой человек с сильной волей, организаторскими способностями, ведущий аскетический образ жизни и совершивший паломничество в Мекку. Такой человек сразу же занимал авторитетное положение в своем населенном пункте и постепенно распространял свое влияние на соседей. Бедняки, прибывшие к шейху, уходили

---

[1] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 218.

[2] Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. С. 243.

[3] Горская Автономная Советская Социалистическая Республика (ГАССР) была образована на основании декрета ВЦИК 20 января 1921 г. на территории бывшей Терской и части бывшей Кубанской областей Российской империи. Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена, и на ее территории были созданы Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ (с правами губернского исполкома) и г. Владикавказ, как самостоятельная единица, непосредственно подчиненная ВЦИК РСФСР. – *Прим. авт.*

[4] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 221.

[5] *Каратаева М.А.* Реакционная идеология мусульманского духовенства в Чечено-Ингушетии и борьба с ней в 1920–1931 гг. // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 1, вып. 1. Грозный, 1972. С. 93.

[6] *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 37.

от него уже его учениками – мюридами, которые готовы были встать на его защиту, уверенные, что смерть за шейха приведет в рай. Убедить мюрида словами было невозможно – для изменения его мировоззрения необходимо было коренным образом изменить условия его существования[1].

Немаловажное значение в развитии бандитизма среди горцев сыграли и пережитки родового строя, которые сохранялись у них и в годы советской власти. Так, по адату обычным явлением была кровная месть обидчику за причинение вреда мстителю или его сородичу[2]. Другим пережитком родового строя, способствовавшим развитию уголовного бандитизма, был калым – выкуп за невесту. Выплата калыма часто приводила к разорению рода жениха и способствовала его личному участию в организованных грабежах.

Значительную роль в развитии бандитизма в регионе играл культ оружия у горских народов. После окончания Гражданской войны численность оружия, находившегося в руках населения, не поддавалась учету. В своем рапорте в Реввоенсовет СКВО от 11 декабря 1921 г. командир Дагестанской бригады указывал: «Надо сознаться, что местное население Дагестана почти поголовно все вооружено. Здесь почти каждый мальчик имеет оружие. Кроме того, местное население великолепно стреляет и владеет холодным оружием…»[3]. Многочисленные операции по изъятию оружия, проведенные в 1920-е гг., результатов не приносили – оружие оставалось не только у членов банд, но и мирного населения. Такое положение сохранялось и в дальнейшем. Так, только в Чечено-Ингушской АССР в период с 15 декабря 1937 г. по 1 мая 1938 г. органами милиции было изъято 10 893 единицы огнестрельного оружия[4].

Таким образом, целый комплекс причин, указанных выше, обусловил столь длительное существование бандитизма на Северном Кавказе, а также определенные трудности в борьбе с ним.

Следует отметить, что в период с 1920 по 1925 г. банды Северного Кавказа пользовались активной поддержкой со стороны лидеров белогвардейского движения, а также Великобритании, Франции и Турции. Так, для подготовки антисоветского выступления кубанского казачества, которое планировалось в августе 1920 г., на организацию отрядов, действовавших в тылу Красной армии, П.Н. Врангелем было потрачено 300 тыс. рублей[5]. Активная финансовая поддержка оказывалась им и бандам, действовавшим в национальных районах. Так, в июне 1920 г. князь Эльдаров получил в Батуме от агентов Врангеля 11 млн рублей в донской валюте для организации отрядов в Ингушетии, Осетии, Дагестане и Чечне[6]. По сообщениям председателя исполкома села Беной и советских работников Дагестана, имамом Н. Гоцинским и полковником К. Алихановым от врангелевского «Комитета

---

[1] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 242.

[2] *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М., 1999. С. 19.

[3] РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 75. Л. 949.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[5] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 4.

[6] Там же. Ф. 109. Оп. 3. Д. 214. Л. 37.

содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков» было получено до 400 млн рублей на организацию восстания осенью 1920 г.[1] В ходе восстания в Дагестане П.Н. Врангель направил в отряды Н. Гоцинского 60 инструкторов, 600 лошадей и большое количество оружия[2].

Активную помощь руководителям банд оказывала и меньшевистская Грузия. На ее территории продолжало функционировать эмигрантское Горское правительство, которое непосредственно руководило восстанием в Дагестане. Одновременно помощник военного министра Грузии Гедеванов взял на себя роль посредника по вопросам поставки оружия и боеприпасов бандам, действовавшим на Северном Кавказе. 8 сентября 1920 г. отряды Н. Гоцинского и К. Алиханова, действовавшие в Дагестане, получили 10 пулеметов, 2 тыс. винтовок и 30 ящиков патронов. В начале ноября 1920 г. из Тифлиса на границу с Дагестаном прибыло 4 вагона с винтовками английского производства и 14 подвод с обмундированием, а 12 ноября – еще 9 фургонов с английским обмундированием и вооружением[3].

Перекрытие в январе 1921 г. горных перевалов, по которым шло снабжение банд из Грузии, а также вступление Красной армии в Тифлис 25 февраля 1921 г. привели к тому, что восстание Н. Гоцинского в Дагестане было ликвидировано. На роль Грузии в развертывании антисоветского движения на Северном Кавказе указывал и Г.К. Орджоникидзе: «Дагестанская авантюра, подогреваемая из Тифлиса, сейчас же после падения меньшевистской власти пошла на ликвидацию с поразительной быстротой и в настоящее время почти совершенно ликвидирована»[4].

При подготовке антисоветского восстания в Грузии в августе 1924 г. меньшевиками строились планы вовлечения в выступление всех антисоветских сил Кавказа. Наибольшее внимание было направлено на Чечню, где скрывался Н. Гоцинский. В Гудермесе были проведены переговоры представителей грузинского «Паритетного комитета» с Али Митаевым по вопросу одновременного вооруженного выступления, однако банды Северного Кавказа не поддержали грузинское восстание, начавшееся 28 августа 1924 г.[5]

После разгрома П.Н. Врангеля в Крыму основные центры руководства бандитизмом на Северном Кавказе переместились в Великобританию, Францию и Турцию, где обосновались эмигрантские правительства кавказских республик. Основной целью Великобритании и Франции на Кавказе являлось создание подконтрольного им государства, которое позволило бы эксплуатировать экономические возможности этого региона. В Париже в начале июля 1922 г. было заключено соглашение между представителями бывших правительств Грузии, Азербайджана, Армении и Северного Кавказа о

---

[1] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 258.

[2] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 281.

[3] РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 214. Л. 122.

[4] *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. С. 181.

[5] *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). С. 644–645.

совместном вооруженном выступлении против советской власти и создании конфедерации кавказских народов[1]. Французские газеты указывали на ее цель: «создание… конфедерации явилось бы крупным успехом французской внешней политики. Франкофильское государство, являющееся буфером между Россией и Турцией, определило бы окончательную ориентацию последней в сторону Франции»[2].

Аналогичную позицию занимало и правительство Великобритании. В 1922 г. в Константинополе бывшим белогвардейским офицером А. Хан Аварским на субсидии британской и французской разведок была организована фирма «Анатолий Шеркет», которая проводила сбор разведывательной информации, а также вела антисоветскую агитацию среди населения и сбор подписей за протекторат Великобритании над Северным Кавказом и выход Дагестана из состава России[3].

Однако все эти меры не привели к росту авторитета стран Антанты среди руководителей банд, действовавших в горных районах Северного Кавказа. Многие из них были солидарны с мнением одного из руководителей отрядов Н. Гоцинского в Дагестане Ибрагима Гаджи, который уже 26 декабря 1920 г. заявил: «Теперь, когда Врангель разбит, на помощь, которую обещали Англия, Врангель и Грузия, рассчитывать не приходится. Надеяться надо на свои силы»[4].

Более существенное влияние на развитие бандитизма на Северном Кавказе оказывала Турция, имевшая свои, отличные от стран Антанты, интересы в этом регионе. При помощи банд она намеревалась провести в жизнь свои идеи о создании независимой от России Северо-Кавказской шариатской монархии или республики, «которая охватила бы все мусульманские народы Северного Кавказа от Каспийского до Черного моря»[5].

Резко усилила влияние Турции на Северном Кавказе армяно-турецкая война, начавшаяся 24 сентября 1920 г. В ходе нее мусульманское духовенство и турецкие агенты, проникавшие на советскую территорию, развернули широкую панисламистскую и пантюркистскую агитацию, особенно в районах, входивших в XIX в. в имамат Шамиля.

Турция стала базой для формирования и обучения отрядов, которые действовали на советской территории. 4 января 1921 г. штабу Кавказской трудовой армии стало известно о создании на территории Грузии генералами Аслан-беем и Магомед-беем Абашидзе мусульманского дивизиона для действий в Дагестане[6]. Одновременно в турецком городе Самсун начали создаваться группы из числа дагестанских эмигрантов для действий на территории Северного Кавказа. Все расходы на их содержание взяли на себя

---

[1] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 234.

[2] Цит. по: *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 281.

[3] *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана. С. 32–33.

[4] РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 238. Л. 159.

[5] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 661. Л. 14.

[6] РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 238. Л. 161.

турецкие власти. Всего в состав боевых групп было завербовано более 2000 человек, которые перебрасывались в горные районы Дагестана[1]. Турецкий офицер Сами Султан руководил работами по укреплению аула Беной, в котором в январе 1921 г. находилась резиденция Саид-Бея – внука имама Шамиля, активно участвовавшего в восстании Н. Гоцинского[2].

Разгром крупных банд на Северном Кавказе привел к тому, что зарубежные государства перестали оказывать им материальную помощь. По сообщениям органов ГПУ, связь банд, действовавших в казацких районах, с зарубежными организациями прекратилась уже в 1922 г.[3] Поддержка Турцией банд Н. Гоцинского, скрывавшихся в горных районах Чечни и Дагестана, продолжалась до 1925 г. и завершилась в связи с их ликвидацией.

Одним из важнейших вопросов в изучении развития бандитизма на Северном Кавказе, позволяющим судить о глубине и размахе этого явления, является определение ***численности банд***, действовавших в регионе. Однако в отечественной историографии этот вопрос является одним из самых проблематичных: сравнивая численность одних и тех же банд, указанную в различных исследованиях, можно встретить разные цифры.

По мнению авторов, своего наивысшего подъема бандитизм на Северном Кавказе достиг в июле – октябре 1920 г. В это время под влиянием высадки трех десантов врангелевских войск под общим командованием генерал-лейтенанта П.Г. Улагая на Кубани развернулось широкое антисоветское движение казачества, недовольного прогорской ориентацией советской власти. Одновременно с казачьим движением в Краснодарском, Майкопском и Баталпашинском отделах развернуло свою деятельность Кубанское правительство под руководством генерала П.П. Фостикова. Его «Армия возрождения России» действовала в тылу Красной армии совместно с казачьими отрядами. «Диаграмма роста повстанческого движения на территории СКВО с указанием общего, политического и уголовного характера и отношения населения к Советской власти за 1920–1921 гг.», составленная разведывательным отделом СКВО, определяла численность банд в этот период в 40 тыс. человек[4]. Не случайно в сообщении Кавказского бюро ЦК ВКП(б) в Москву от 1 августа 1920 г. указывалось на опасность широкого распространения бандитизма в крае: «Зеленые отряды растут и значительно расширяются с окончанием горячей поры полевых работ… Мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа…»[5].

Анализ архивных документов показывает, что в это время численность банд составляла в среднем 200–300 человек, однако на территории Балкарии

---

[1] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 50.

[2] Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. С. 240.

[3] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 282.

[4] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 181.

[5] Цит. по: История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 5. М., 1960. С. 169.

действовали крупные отряды, насчитывавшие до 1500 человек[1]. Наибольшую опасность представляли банды, действовавшие в Кубанской, Терской и Ставропольской губерниях, где в 124 отрядах насчитывалось до 5 тыс. человек (в среднем – 40 человек в банде)[2].

Наиболее крупномасштабным выступлением на Северном Кавказе в этот период стало восстание имама Нажмутдина Гоцинского, поддержанное Грузией и Турцией. В определении численности банд, действовавших на территории Дагестана, у исследователей нет единого мнения. По мнению Т. Симоновой, общая численность восставших составляла 7,5 тыс. человек[3]. К этой численности Г.В. Марченко добавляет еще 2590 кавалеристов[4]. Ряд исследователей считает, что в составе отрядов действовало всего 2800 пехотинцев и 600 всадников[5].

По данным начальника Дагестанской группы войск А.И. Тодорского, при переходе через советско-грузинскую границу в сентябре 1920 г. численность отрядов Н. Гоцинского и К. Алиханова составляла 3400 человек, из которых 600 – всадники[6]. В результате успешных боевых действий против Красной армии и хорошо поставленной агитационной работы к началу 1921 г. отряды восставших насчитывали уже 7200 пехотинцев и 2490 всадников[7]. С учетом поддержки банд местным населением их резервы в Дагестане и Чечне достигали 50 тыс. человек, готовых стать в строй по призыву шейхов или мулл.

После разгрома десантов П.Г. Улагая на Кубани, переселения казачьих станиц и ликвидации восстания Н. Гоцинского численность банд на Северном Кавказе резко сократилась. Так, по данным штаба СКВО, в августе 1921 г. на территории округа действовало около 7000 бандитов[8].

Активные действия государственных, военных и правоохранительных органов позволили кардинальным образом снизить численность банд в регионе. По данным разведывательного отдела штаба СКВО, в январе 1923 г. в округе была зарегистрирована 31 банда общей численностью 597 человек (в среднем – 19 человек в банде)[9], к началу 1924 г. – 24 банды общей численностью 300 человек (в среднем – 12 человек в банде)[10], а к апрелю 1925 г. число активно действующих бандитов сократилось до 83 человек[11]. Данные по количеству банд, их общей численности и вооружению на Северном Кавказе в период с июля 1921 г. по октябрь 1925 г., подсчитанные авторами, представлены в приложении 1.

---

[1] *Калмыков Б.* Революционное движение в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1958. С. 41.

[2] РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 76. Л. 191.

[3] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 237.

[4] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 281.

[5] *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 124; Россия и СССР в войнах XX века. С. 569.

[6] *Тодорский А.И.* Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. С. 96.

[7] Там же. С. 98.

[8] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 118 об.

[9] Там же. Л. 348.

[10] Там же. Д. 276. Л. 7.

[11] Там же. Д. 287. Л. 45.

Операции по разоружению населения и ликвидации руководителей крупных банд, проведенные в 1925–1926 гг. в национальных районах Северного Кавказа, привели к тому, что бандитизм в регионе резко пошел на убыль, а в ряде местностей совсем прекратился.

Активизация бандитизма (создание новых и выход из подполья старых групп) на Северном Кавказе приходится на 1929–1934 гг. Она была связана, прежде всего, с проведением политики коллективизации в деревне. Многочисленные перегибы, допущенные советской властью, толкнули в ряды бандитов значительное количество населения. Однако, несмотря на большое количество вооруженных выступлений (только с 1 по 20 декабря 1929 г. на Северном Кавказе было зарегистрировано 7 массовых выступлений[1]), число участвовавших в них было небольшим: в среднем до 200–300 человек.

Анализ архивных документов и литературы показал, что наибольшее распространение в этот период действия банд получили в Чечне, Ингушетии, Карачае и Кабардино-Балкарии. В Чечне и Ингушетии в 1930 г. на учете в органах ГПУ состояло до 300 человек, ведущих активную бандитскую деятельность, которые группировались в отряды по 20–50 человек[2]. В Карачае насчитывалось 5 банд общей численностью около 40 человек[3]. Наибольшая по численности банда была зарегистрирована в Кабарде (до 250 человек)[4].

Ликвидация массовых выступлений против коллективизации в Чечне, Ингушетии, Карачае и Дагестане в 1929–1934 гг. позволила одновременно разгромить и крупные банды, действовавшие в регионе. Бандитизм был ликвидирован во всех национальных республиках Северного Кавказа, за исключением Чечено-Ингушетии. Здесь в период с октября 1937 г. по июль 1938 г. действовало 82 банды общей численностью около 400 человек (в среднем – 5 человек в каждой), а на нелегальном положении находилось более 1000 человек[5].

Последним крупным антисоветским выступлением перед Великой Отечественной войной на территории Чечни стало восстание под руководством С. Магомадова в Итум-Калинском районе (январь – февраль 1941 г.). После его подавления обстановка в целом стабилизировалась и в горных районах Чечено-Ингушетии. По данным отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, на территории всего Северного Кавказа и Закавказья по состоянию на 1 июля 1941 г. находилось 65 банд общей численностью 285 человек (в среднем – 4 человека в банде), которые не проявляли активности и находились в труднодоступных горных районах[6].

Таким образом, проведенный авторами анализ численности банд позволяет утверждать, что наибольший пик активности бандитизма на

---

[1] Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 1. М., 1999. С. 92.

[2] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 268.

[3] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 289.

[4] Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000. С. 239.

[5] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 16.

[6] Там же. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 11.

Северном Кавказе приходится на июль – октябрь 1920 г., когда общая численность банд (в казацких и национальных районах) достигала 40 тыс. человек. Мероприятия советской власти, а также проведенные войсками Красной армии и правоохранительными органами операции позволили снизить количество банд в регионе, локализовать их в национальных районах и к началу Великой Отечественной войны почти полностью ликвидировать бандитизм в крае. По мнению Е.Ф. Жупиковой, бандитизм на Северном Кавказе не носил массового явления: даже в период его наивысшего распространения (1920 г.) в рядах бандитов состояло только 2% от численности всего населения региона (включая стариков и младенцев)[1].

Способы действий банд на Северном Кавказе существенно отличалась от вооруженных выступлений на остальной территории СССР.

Так, в первом периоде (1920–1928 гг.), когда бандитизм охватил все районы Северного Кавказа, наиболее эффективным способом действий руководители банд считали вооруженное выступление на большой территории с широким привлечением местного населения. Наиболее характерно в этом плане восстание Н. Гоцинского в Дагестане.

Отряды, сформированные в Грузии Горским правительством, начали постепенно просачиваться на территорию Дагестана в сентябре 1920 г. На их вооружении находились русские трехлинейные винтовки, винтовки Бердана, охотничьи и кремневые ружья, кинжалы, револьверы. Отряды имели 4 орудия и до 40 пулеметов систем «Льюис» и «Кольт»[2].

После сосредоточения групп в междуречье Аварского и Андийского Койсу Н. Гоцинский развернул широкую агитацию для вербовки местного населения в свои отряды. Было распространено обращение к горцам: «Знайте!.. Я приду к вам, и меня поддерживают 7 великих государств мира. Изгоняйте большевиков, установите шариат, который гарантирует вам вашу жизнь и ваше состояние. Со мной грузинские, турецкие и английские войска»[3]. Успех идеологической обработки и малочисленность подразделений Красной армии в Дагестане позволили Н. Гоцинскому перейти к активным действиям: в октябре 1920 г. его отряды контролировали значительную часть Аварского, Гунибского и Андийского округов.

Обращают на себя внимание способы уничтожения крупных сил Красной армии, направленных для ликвидации восстания. 9 ноября 1920 г. из Ведено выступил Образцовый революционной дисциплины полк из состава Кавказской трудовой армии, который через неделю, выдержав несколько стычек с бандами, прибыл в Ботлих. Передовой отряд (в составе батальона), высланный вниз по течению Андийского Койсу, в ночь на 20 ноября 1920 г. был уничтожен внезапными ударами с нескольких сторон в районе Ората-Коло. 24 декабря 1920 г. были атакованы главные силы полка в Ботлихе. Учитывая неравенство

---

[1] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 176.

[2] *Кашкаев Б.* Красная Армия в борьбе за победу Советской власти в Дагестане (1917–1921 гг.) // Военно-исторический журнал. 1960. № 12. С. 55.

[3] Цит. по: Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. С. 239.

сил, командование полка было вынуждено вступить в переговоры, в результате которых было оговорено право при условии разоружения полка отвести его назад в Ведено. 25 декабря 1920 г. условия разоружения были выполнены, но прибывший Н. Гоцинский отдал приказ о полном истреблении личного состава. Потери полка составили более 700 человек. Только 100 обмороженных красноармейцев смогли выбраться из Ботлиха и вернуться в Ведено. Отряды Н. Гоцинского захватили 645 винтовок, 9 пулеметов и большое количество боеприпасов[1].

Снабжение отрядов Н. Гоцинского возлагалось на членов партии «Иттихад ислам», созданной при поддержке Турции, в составе которой были сформированы группы «экспроприаторов», задачей которых было добывание денежных средств и материальных ресурсов. Переодетые в красноармейскую форму, имея поддельную печать особого отдела 11-й армии, они производили грабеж населения, передавая добычу бандам[2].

Разгром отрядов Н. Гоцинского привел к тому, что в горной части Северного Кавказа банды перешли от тактики открытого вооруженного восстания к действиям мелкими группами. Своим местопребыванием Н. Гоцинский выбрал Алмакские хутора Хасавюртовского округа на границе Чечни и Дагестана, где с группой численностью 50 человек занимался похищением скота[3].

Проведенный авторами анализ архивных документов и литературы показал, что в это время политический бандитизм на Северном Кавказе постепенно принимает характер уголовного. Действия банд, ранее действовавших под политическими лозунгами, стали носить чисто уголовный характер, причем к ним привлекалось и мирное население региона. Так, например, весной 1921 г. возник конфликт из-за неразрешенности территории между Карачаем и Кабардой. Кабардинский отряд численностью в 600 человек угнал до 10 000 голов скота, принадлежавших карачаевцам, мотивируя это тем, что животные паслись на пастбищах, принадлежавших Кабарде. В ответ на это вооруженные жители карачаевских аулов при поддержке банды полковника Б. Крымшамхалова угнали скот из Кабарды в двойном размере и захватили заложников[4].

По мнению авторов, уголовный бандитизм в национальных районах Северного Кавказа приобрел наибольший размах в 1922–1923 гг. Имевшиеся в это время у государственных и военных органов силы не могли обеспечить охрану Грозненских нефтепромыслов и железной дороги. По сообщениям Грозненской ЧК, «на Старых и Новых нефтепромыслах… было развито хищение ремней, технических вещей и инструментов. Ограблено у рабочих несколько голов рогатого скота, убит красноармеец, разграблен склад с

---

[1] Россия и СССР в войнах XX века. С. 570.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 386. Л. 147.

[3] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 177.

[4] *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991. С. 205.

гвоздями. Рабочие… возмущены грабежами, заявляли Грозненскому горисполкому, Чеченскому исполкому и ЧК, что… они принуждены будут бросить работу по нефтедобыче и уехать в места, где можно спокойно работать и жить»[1].

По данным НКВД РСФСР, на территории Чечни с марта по июнь 1922 г. было задержано 565 преступников, в том числе мужчин – 254, женщин – 22, несовершеннолетних – 291. Только в г. Грозном за 1923 г. было совершено 1100 краж и ограблений на общую сумму 78 997 318 рублей[2].

Ряд исследователей считает, что расширение уголовного бандитизма было тесно связано с подготовкой Н. Гоцинского к новому восстанию. Так, Али Митаев, будучи членом Чеченского областного ревкома, предложил властям свои услуги по охране железной дороги на участке Хасавюрт – Грозный. Ревком согласился, материально обеспечил отряд Митаева численностью в 100 человек, выдал им удостоверения и нагрудные знаки для беспрепятственного проезда по железной дороге. Налеты банд на этом участке дороги прекратились, но мюриды шейха под командованием Шиты Истамулова совершали нападения в других местах. По мнению Е.Ф. Жупиковой, организуя нападения, Митаев добивался передачи охраны всей железной дороги на территории Чечни в свои руки, чтобы закрепить свой авторитет и облегчить подготовку восстания[3].

В мае 1923 г. в аулах Макажой и Химой прошли «съезды» руководителей бандитских групп под председательством Н. Гоцинского. В повестку дня были включены вопросы о ведении боевых действий против советской власти, о подготовке масс к восстанию, о приобретении военного снаряжения путем закупок за границей[4].

Одновременно, по инициативе Н. Гоцинского, который 28 августа 1923 г. на собрании в ауле Симсир был избран «ханом Кавказа», была сформирована крупная группировка банд, основной целью которых стала поддержка возможной агрессии Великобритании, Франции и Турции против СССР путем вооруженных восстаний в Дагестане, Чечне, Ингушетии и северных районах Грузии. В ожидании активных действий перед отрядами ставилась задача дестабилизации обстановки в крае путем проведения налетов на населенные пункты, советские учреждения, мирное население, а также совершения диверсионных актов. Только в Дагестане в конце 1923 г. отрядами, находящимися под контролем Н. Гоцинского, было совершено 68 налетов[5]. В Чечне в июле – октябре 1923 г. банды совершили 107 налетов, в том числе 6 – на войсковые склады, 4 – на железнодорожные сооружения[6]. Как отмечают

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об.

[2] *Лоов И.Р., Пархоменко М.М.* Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы новой экономической политики (1921–1925 гг.). С. 11.

[3] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 289.

[4] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 359 об.

[5] *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана. С. 155.

[6] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 357.

разведывательные сводки штаба СКВО, основным объектом налетов становились русские жители: «в одном Сунженском округе в течение месяца было отмечено 25 случаев бандитских нападений, при этом убито 7 и ранено 3 человека мирных жителей (русских), захвачено 50 лошадей, 2 быка, сожжено 2 двора, 90 копен хлеба, 1000 возов соломы, ограблен склад Горсоюза и увезены с поля сельскохозяйственный инвентарь и хлеб»[1].

Продолжались и спровоцированные бандами конфликты между мирным населением различных горских национальностей. Так, в годовом обзоре разведывательного отдела штаба СКВО за 1924 г. отмечалось: «Обращают на себя внимание повторяющиеся конфликты между населением Чечни и Дагестана, возникающие на почве грабежей и похищений женщин с целью выкупа. 29 ноября произошло столкновение между пограничными обществами аула Химой Шатоевского округа и аула Гако Андийского округа»[2].

В этой обстановке советские, военные и правоохранительные органы провели в 1925–1926 гг. во всех национальных районах Северного Кавказа операции по разоружению населения и ликвидации наиболее активных руководителей банд. В приказе РВС СССР от 31 июля 1925 г. подробно отмечены причины проведения этих операций, необходимость которых диктовалась самой обстановкой в регионе: «Чеченская область является очагом уголовного бандитизма, распространяемого на соседние с Чечней районы. Предоставленные после революции на плоскости богатые земельные угодья чеченцы полностью не используют, ведут отсталыми формами свое сельское хозяйство, не трудолюбивы. В массе своей чеченцы склонны к бандитизму, как к главному источнику легкой наживы, чему способствует наличие большого количества оружия. Нагорная Чечня является убежищем для наиболее закоренелых врагов Советской власти»[3].

Разоружение населения национальных районов Северного Кавказа и ликвидация руководителей банд к концу 1920-х гг. снизили уровень общественной напряженности в регионе. Подавляющее большинство членов банд, потеряв своих лидеров, добровольно сдались властям и обратились к мирной жизни. Однако мероприятия, проводимые в ходе коллективизации сельского хозяйства, вновь дали толчок к активным вооруженным выступлениям в регионе, главной особенностью которых стало активное участие населения в восстаниях.

Первые очаги сопротивления политике государственных органов стали появляться с осени 1929 г., когда по решению ЦК ВКП(б) стал проводиться курс на сплошную коллективизацию некоторых районов страны и ликвидацию кулачества как класса. Под влиянием мусульманских священнослужителей горцы срывали собрания сельских сходов, осуществляли диверсионные акты, а также начали создавать вооруженные группы.

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 360.
[2] Там же. Д. 287. Л. 1.
[3] Там же. Д. 276. Л. 84 об. – 85.

В начале декабря 1929 г. в районе сел Шали, Гойты и Беной вспыхнуло восстание, причины которого так охарактеризованы заместителем начальника штаба СКВО С.П. Урицким: «При проведении хозяйственно-политических кампаний в Чечне был допущен ряд грубых искажений партийной линии: ставка на сплошную коллективизацию, даже в горных районах (вплоть до сбора средств на трактора), неправильное массовое лишение избирательных прав середняков и даже бедняков, попытки административного закрытия мечетей. Эти извращения толкнули значительную часть масс в объятия классового врага»[1].

Противодействие коллективизации вновь вызвало к жизни банды, деятельность которых носила одновременно и политический, и уголовный характер. В январе – феврале 1930 г. только на территории Чечни в результате диверсий на железных дорогах погибло 13 и ранено 38 человек[2]. Кроме диверсий, практиковались ежедневные нападения и ограбления кооперативов.

Подстрекаемые кулаками и священниками, толпы крестьян в 200–300 человек (преимущественно женщины) срывали собрания, избивали представителей местной власти и активистов при описи кулацкого имущества, возвращали его прежним хозяевам, освобождали арестованных.

В начале февраля 1930 г. командующий войсками СКВО И.П. Белов так характеризовал обстановку, сложившуюся в регионе: «Религиозные убеждения: 80–90% до сих пор верят муллам на слово… Массовая работа не ведется; по заявлению областных руководителей вести ее некому; нет актива… Родовой быт во многих местах еще господствует и кулаков члены родовой семьи добровольно не выдадут… Бедняк, как и середняцкая масса, не чувствует Советской власти…»[3].

Все эти причины способствовали тому, что в 1930 г. вооруженные выступления населения в национальных районах Северного Кавказа против политики коллективизации приняли повсеместный характер: в Чечне, Кабарде, Карачае и Дагестане. Наиболее опасное в 1930 г. для власти восстание произошло в Карачае, где отряды крестьян, поддержанные бандами, осуществляли контроль практически над всей территорией области, осадили г. Микоян-Шахар и угрожали захватом г. Баталпашинск[4].

Наиболее крупным выступлением против политики коллективизации стало восстание, охватившее в 1932 г. Ножай-Юртовский, Веденский и Гудермесский районы Чечни, руководителями которого стали Муса Шамилев, Усман Ушхаев, Хусейн Истамулов и Дада Кебетов.

На стадии подготовки к выступлению руководителями банд проводилась широкая агитационная работа по привлечению на свою сторону местного

---

[1] Цит. по: *Аптекарь П.* Второе покорение Кавказа: большевики и чеченские повстанцы. С. 45.

[2] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 268.

[3] Цит. по: Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.). Сб. документов из фондов РГВА. Неаполь, 1996. С. 286.

[4] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 290.

населения. На базарах, в мечетях распространялись лозунги следующего содержания: «Советская власть обирает налогами, мясозаготовками, забрали почти весь скот, хотят все наше имущество обобществить…»[1].

Особенностью восстания стало то, что при развертывании открытого террора против местного советского и партийного руководства, одна его часть подпала под общее настроение, открыто примкнув к восставшим, а другая придерживалась нейтралитета[2]. Следует отметить, что террор осуществлялся бандитами только в отношении активистов местной национальности. Один из руководителей банд в Чечне Саадулла Магомадов, указывая на объекты террористической деятельности, отмечал: «не трогать русских работников, кроме чекистов, и не щадить чечено-ингушских работников, если они коммунисты. Русские выступают против нас по долгу службы, а чеченцы и ингуши из-за своей подлости»[3].

В докладе особого отдела СКВО от 5 апреля 1932 г. приводятся характерные черты этого вооруженного выступления: «организованность, массовое участие населения, исключительная ожесточенность повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на большие потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях»[4].

Более подробно характерные тактические приемы действий бандитских групп и их руководства в выступлении 1932 г. в Шаро-Чеберлоевском и Итум-Калинском районах Чечни представлены в приложении 2.

В апреле 1932 г. действия по ликвидации банд в основном были прекращены. В докладе командующего войсками СКВО Н.Д. Каширина от 9 апреля 1932 г. отмечалось, что «восстание надо считать подавленным главным образом потому, что оно было местным, не успевшим охватить всю Чечню, не успевшим связаться с Дагестаном и другими национальными областями, то есть оно имело более узкую базу, чем восстание 1930 г., и, наконец, потому, что части Красной Армии быстро сосредоточились, энергично продвигались вперед и действовали вполне решительно…»[5].

Ликвидация вооруженных выступлений против коллективизации в национальных районах Северного Кавказа позволила резко снизить количество и численность банд, которые были оттеснены в труднодоступные горные районы. Поэтому период с 1935 г. по июнь 1941 г. характеризуется действиями банд мелкими группами без активной поддержки населения.

Особую роль в отторжении населения от бандитизма сыграло изменение административно-национального деления Северного Кавказа, при котором власти стремились максимально учитывать расселение народностей, традиции их взаимоотношений, потребности в восстановлении и развитии экономической

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 376. Л. 69.

[2] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 276.

[3] Цит. по: *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991. С. 27.

[4] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 376. Л. 71.

[5] Там же. Л. 63.

базы новых административных образований[1]. В 1936 г. были созданы Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные республики, а в 1937 г. Карачаевская и Черкесская автономные области вошли в состав Орджоникидзевского, а Адыгейская автономная область – в состав Краснодарского краев.

По мнению авторов, одним из факторов, способствовавших новой активизации бандитизма на территории Чечено-Ингушской автономной области, стала «генеральная операция по изъятию антисоветского элемента», проведенная в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г., в результате которой было арестовано до 14 тыс. человек[2]. После этого банды совершили покушение на трех начальников районных отделов внутренних дел, а также произвели диверсию на железной дороге, в результате которой был уничтожен военный состав на перегоне Грозный – Назрань[3].

Характерной особенностью бандитизма в период с 1935 г. по июнь 1941 г. стало тесное сотрудничество ряда местных партийных и советских руководителей с бандами. Настроения «сочувственного нейтралитета» были особенно распространены среди руководителей районного уровня[4].

Изменился и состав руководителей банд. Так, руководство всеми отрядами в Чечено-Ингушетии после 1937 г. взял на себя Хасан Исраилов (Терлоев), который был членом ВКП(б) с 1929 г. Работая корреспондентом «Крестьянской газеты», своими материалами, в которых критиковался произвол и коррупция властей, он быстро добился популярности среди населения Чечни и Ингушетии. Х. Исраилов несколько раз арестовывался и, в конечном итоге, был исключен из рядов партии[5].

Ликвидация выступления С. Магомадова в феврале 1941 г. привела к тому, что численность банд резко сократилась и их местопребыванием вновь стали труднодоступные горные районы. Специфика действий банд на Северном Кавказе в предвоенный период заключалась в том, что они действовали в горах мелкими группами, укрываясь в хуторах, пещерах, землянках и шалашах. Причиной этого было отсутствие широкой поддержки со стороны населения. Для того чтобы скрыть места своего расположения и дезориентировать войска, бандиты совершали акции на значительном удалении от своих баз. Передвижение в горах часто проводилось под прикрытием переодевания в форму милиции или военнослужащих. В период 1940 – начала 1941 г. банды Северного Кавказа особой активности не проявляли: всего за период с 1 января по 22 июня 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии был зафиксирован 31 случай мелких бандитских выступлений[6]. Бандитизм в массовом масштабе вновь возник в регионе только с началом Великой Отечественной войны.

---

[1] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 254.

[2] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). С. 76.

[3] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 279.

[4] Там же. С. 280.

[5] Россия и Чечня. Документы свидетельствуют. М., 1997. С. 209.

[6] Россия и СССР в войнах XX века. С. 575.

Таким образом, проведенный авторами анализ особенностей бандитизма на территории Северного Кавказа в период с 1920 по июнь 1941 г. позволил сформулировать ряд выводов.

Во-первых, причины возникновения бандитизма на Северном Кавказе были тесно связаны с решением аграрного вопроса. Советская власть еще в 1918 г. сделала опору в регионе на горское население, пытаясь привлечь его на свою сторону путем наделения землей за счет казачества. Мероприятия по выселению казачьего населения способствовали повышению напряженности в равнинных районах Северного Кавказа и массовому участию казачества в антисоветских выступлениях. Невозможность быстрого решения экономических проблем горских народов, слабая работа органов управления, в состав которых входили лица, враждебно относившиеся к советской власти, сильное влияние мусульманского духовенства, а также норм родового права, способствовали привлечению населения национальных районов Северного Кавказа в состав банд.

Во-вторых, большую роль в создании напряженной обстановки в регионе сыграли действия агентов, оставленных А.И. Деникиным при эвакуации в Крым. Именно они развернули широкую агитационную кампанию по привлечению в ряды банд мирного населения, недовольного политикой советской власти. Немаловажную роль в активизации бандитизма в регионе сыграли агенты П.Н. Врангеля, а также иностранных государств (Великобритании, Франции, Турции и Грузии), которые оказывали материальную поддержку и предоставляли базу для вербовки и подготовки групп для действий на территории России.

В-третьих, бандитизм на территории Северного Кавказа не пользовался широкой поддержкой со стороны населения. Даже в период его наибольшего распространения в регионе (июль – август 1920 г.) в рядах банд состояло не более 2% от всего населения края. В результате активных действий военных и правоохранительных органов в 1920–1925 гг. численность банд постепенно сокращалась и к 1926 г. их деятельность совершенно прекратилась. Лишь проведение коллективизации вновь способствовало развитию бандитизма в регионе, который в большинстве республик Северного Кавказа был ликвидирован к началу Великой Отечественной войны.

В-четвертых, специфика бандитизма в регионе определялась тем, что здесь не существовало политического или уголовного бандитизма в чистом виде, а происходило их тесное переплетение. Так, в ходе широкомасштабных выступлений, поддержанных населением, в основном провозглашались политические лозунги, а после разгрома основных сил банды совершали обычные уголовные преступления – налеты с целью грабежа.

В-пятых, способы действий банд на территории Северного Кавказа в рассматриваемый период претерпели ряд изменений: если первоначально руководителями ставилась цель привлечь как можно большее число мирного населения к восстанию, в ходе которого велись крупномасштабные боевые действия, то с уменьшением количества и численности банд основная роль

стала уделяться практике партизанской войны без широкой опоры на местное население.

Все указанные выше особенности бандитизма на Северном Кавказе и обусловили порядок и характер применения органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД для борьбы с бандами в регионе.

1.2. Система борьбы с бандитизмом и место и роль органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в ее функционировании

Уже в первые дни существования советской власти большевики столкнулись с небывалым разгулом уголовного бандитизма, находившегося под прикрытием организаций анархистов, в состав которых после Октябрьской революции вошло большое число уголовных и деклассированных элементов. В ряде городов страны анархистами были предприняты вооруженные выступления, сопровождавшиеся погромами, грабежами и убийствами. В результате операций, проведенных Всероссийской чрезвычайной комиссией[1] в Москве, Петрограде и других крупных городах в апреле 1918 г., организации анархистов были разоружены. Большую часть арестованных составили именно преступные элементы. Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский в интервью газете «Известия» 16 апреля 1918 г. дал следующую характеристику арестованным преступникам: «Идейных анархистов среди лиц, задержанных нами, очень мало, среди сотен – единицы»[2].

Несмотря на принимаемые меры, до конца Гражданской войны органам советской власти не удалось побороть уголовный бандитизм. В 1919–1921 гг. в крупных городах России продолжали действовать уголовные банды под руководством Гусева, Кошелькова, Морозова, Орлова, Плещинского, Сафонова, средняя численность которых составляла 15–40 человек[3].

Одновременно с уголовным, начиная со второй половины 1918 г., в деревне развивается кулацкий бандитизм, связанный с нежеланием зажиточных крестьян бесплатно отдавать хлеб государству и сопротивлением проводимым мероприятиям советской власти, в том числе созданию комитетов бедноты и введению продразверстки. Так, с июля по ноябрь 1918 г. в стране было зарегистрировано 108 кулацких мятежей, которые происходили, в основном, в прифронтовой полосе[4], а всего за 1918 г. только в 20 губерниях Центральной

---

[1] Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) была создана на основании решения Совета Народных Комиссаров 7 декабря 1917 г. и выполняла следующие задачи: 1) пресечение и ликвидация всех контрреволюционных и саботажнических попыток и действий на всей территории России; 2) выработка мер борьбы с саботажниками и контрреволюционерами; 3) ведение предварительного расследования.

[2] Цит. по: Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). С. 108.

[3] Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 1. М., 1997. С. 367.

[4] *Шарапов Г.В.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., 1961. С. 165.

России вспыхнуло 245 крупных антисоветских выступлений[1]. Одной из причин роста политического бандитизма в центральных районах России в 1918–1919 гг. авторы энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» считают перерастание Первой мировой войны в гражданскую, а также разруху, которые «породили значительное число деклассированных элементов, для которых участие в убийствах, грабежах и насилиях стало профессией»[2]. На «профессионализм» бандитов, как отличительную черту политического бандитизма, указывают и авторы первого издания Большой Советской энциклопедии[3].

Наибольший размах в 1919–1920 гг. бандитизм всех видов получил на Украине, где руководители банд для привлечения местного населения на свою сторону использовали демократические названия и лозунги. Как отметил председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Ленин, «на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, и в каждом уезде – по банде»[4]. Только в апреле 1919 г. здесь было зарегистрировано 93 бандитских выступления[5]. В конце 1920 г. на Украине действовало более 50 тыс. бандитов, вооруженных винтовками, пулеметами и орудиями[6].

По мнению авторов, именно широкое распространение политического бандитизма на всей территории Советской России в конце Гражданской войны вызвало к жизни эффективную методику борьбы с ним, которая заключалась в объединении действий государственных, военных и правоохранительных структур не только в районах, охваченных этим явлением, но и в масштабах всей страны.

Так, в январе 1921 г. была создана Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в состав которой вошли представители ЦК РКП(б), Совета Труда и Обороны, Реввоенсовета Республики, ВЧК, ЧОН, НКПС и Главного командования РККА. Комиссия работала под непосредственным руководством ЦК РКП(б), Совета Народных Комиссаров и ВЦИК. Каждые три недели она должна была предоставлять Президиуму ВЦИК доклад о результатах своей деятельности[7]. Начиная с 20 февраля 1921 г. руководство комиссией осуществлял заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский.

Центральная междуведомственная комиссия координировала деятельность всех органов, ведущих борьбу с бандитизмом, в масштабе

---

[1] *Софинов П.Г.* Очерки истории ВЧК (1917–1922 гг.). С. 88.

[2] Цит. по: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 53.

[3] Большая Советская энциклопедия. Т. 4. С. 605.

[4] *Ленин В.И.* Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства, 19 мая 1919 г., I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, 6–19 мая 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 356.

[5] Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 53.

[6] *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. С. 4.

[7] ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1. Л. 121.

Республики, разрабатывала рекомендации по ликвидации банд, осуществляла оперативное руководство ведением боевых действий. В период своей работы она рассмотрела десятки вопросов, связанных с ликвидацией бандитизма. Так, 12 февраля 1921 г. было решено направить в Тамбов группу опытных работников партии и ЧК для руководства борьбой с антоновскими отрядами, 17 марта 1921 г. – ввести строгий учет бывших офицеров и наладить получение информации о настроениях в воинских частях, участвовавших в ликвидации бандитизма, 20 марта 1921 г. – активизировать борьбу с бандитизмом в Поволжье силами ЧК, 24 апреля 1921 г. – усилить борьбу с антоновскими отрядами и нанести удар по бандитизму на Северном Кавказе, 25 июня 1922 г. – улучшить разведку и розыск бандитов[1].

Одновременно с созданием центрального органа по борьбе с бандитизмом на местах были созданы полномочные комиссии ВЦИК, непосредственно руководившие борьбой с ним с районах, «зараженных» бандитизмом. 31 марта 1921 г. Президиум ВЦИК, заслушав доклад Центральной междуведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом, принял развернутое постановление, в котором говорилось, что в губернии, охваченные мятежами, необходимо направить уполномоченных ВЦИК «для политического руководства и организации более успешной борьбы с бандитизмом»[2]. Вместе с уполномоченными направлялись специальные следственные комиссии для пресечения различных злоупотреблений.

Под председательством представителей ВЦИК в местностях, охваченных бандитизмом, оформлялись полномочные комиссии ВЦИК (например, в Тамбовской губернии, Поволжье, Крыму), которые подчинялись непосредственно ВЦИК и регулярно предоставляли письменные отчеты о своей деятельности в ЦК РКП(б). На местах они фактически концентрировали в своих руках всю полноту власти и обеспечивали наилучшую координацию партийной, советской, военной и чекистской работы. В состав комиссий входили: уполномоченный ВЦИК (председатель), командующий войсками (заместитель председателя), секретарь губернского комитета РКП(б), председатель губернского исполкома, полномочный представитель ВЧК[3].

Полномочные комиссии ВЦИК сочетали в своей деятельности меры хозяйственной помощи крестьянству и политико-воспитательную работу в деревне с мерами военного и чекистского характера. 31 марта 1921 г. на заседании Президиума ВЦИК было предписано выработать «инструкцию по объединению военных методов борьбы с бандитизмом с методами подхода советских учреждений к крестьянским массам, сочувствующим бандитизму, в политической работе и организационной деятельности с конкретным указанием приемов объединенных действий в целях расслоения бандитски настроенных

---

[1] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 351.

[2] ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1. Л. 59.

[3] *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. С. 217.

местностей и привлечения населения этих местностей на сторону борьбы с бандитизмом»[1].

Как показывает проведенный авторами анализ источников, образцом комплексного подхода к решению проблемы ликвидации бандитизма является протокол президиума Воронежского губернского исполнительного комитета от 9 апреля 1921 г., в котором при борьбе с бандитизмом рекомендовалось одновременно использовать политические, военные, чекистские и организационные меры.

Так, в политической области намечалось:

1) провести усиленную агитационную кампанию по вопросу о продналоге и о политике советской власти в деревне;

2) выпустить специальные листовки, показывающие сущность и вред бандитизма;

3) организовать вынесение массовых приговоров против бандитов на уездных крестьянских конференциях, волостных съездах, заседаниях сельских советов, деревенских сходах;

4) устроить показательные судебные процессы над бандитами.

Перед военным командованием ставились следующие задачи:

1) тщательно проверить командный и политический состав воинских частей, ведущих борьбу с бандитизмом;

2) пополнить воинские части коммунистами и усилить в них политическую работу;

3) установить тесную связь командования войск Воронежской губернии с командованием войск соседних губерний;

4) ввести войска на срок 2–3 недели в местности, подверженные вспышкам бандитизма.

По линии чрезвычайных комиссий предусматривалось:

1) срочно пересмотреть штаты сотрудников губернской ЧК и пополнить их;

2) установить контакт с чрезвычайными комиссиями соседних губерний;

3) направить письмо в уездные комитеты РКП(б) о борьбе с болтливостью и разглашением военно-оперативных тайн.

Наибольшее внимание в постановлении уделялось мерам предупреждения бандитизма. Поэтому в организационной области предлагалось:

1) создать специальную комиссию из представителей губернского комитета РКП(б), губернского исполкома и губернской ЧК для всестороннего рассмотрения причин бандитизма, путей его развития и т.п.;

2) повести решительную борьбу с преступлениями работников советского аппарата, организовать над ними показательные судебные процессы;

3) взять на учет весь кулацкий элемент и в случае вспышки бандитизма изъять его;

[1] ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1. Л. 120–121.

4) при продвижении банд уездным исполкомам мобилизовать крестьянские подводы в радиусе 30 км и поставить их под прикрытие воинских частей;

5) в двухнедельный срок пересмотреть весь штат милиции и срочно организовать конную милицию численностью в 700 сабель;

6) во всех уездах создать отряды особого назначения и снабдить их всем необходимым[1].

Большое внимание уделялось и пропагандистской работе в бандах в целях разложения их изнутри. Так, в воззвании Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии «Ко всем участникам бандитских шаек» говорилось: «Советская власть строго карает подстрекателей и вожаков бандитских шаек, но она милостива к трудовым крестьянам, втянутым по недоразумению или обману в это разбойное дело»[2]. В воззвании разъяснялось, что в случае добровольной сдачи с оружием рядовые участники банд получат прощение и смогут вернуться к своим семьям, дезертиры будут посланы в воинские части для прохождения службы, а вожаки и подстрекатели преданы гласному суду без применения расстрела.

Органами Полномочных комиссий ВЦИК на местах стали уездные (участковые) политические комиссии. Обычно границы боевых участков совпадали с уездами. Поэтому уездные политические комиссии координировали деятельность всех военных и гражданских органов на территории боевого участка. В состав уездной политической комиссии входили: начальник боевого участка, военный комиссар, секретарь уездного комитета РКП(б), председатель уездного исполкома, начальник политотдела, начальник особого отдела и председатель революционного трибунала[3].

В ряде местностей (особенно это характерно для Северного Кавказа) вместо уездных (участковых) политических комиссий создавались районные и волостные революционные комитеты. В состав ревкомов входили представители комитетов РКП(б), исполкомов советов и командования Красной армии. Задачами ревкомов являлись:

1) сплочение сил рабочих и крестьян для борьбы с бандитизмом;

2) планомерное использование имеющихся вооруженных сил;

3) обеспечение безопасности гражданского населения;

4) охрана общественного имущества от расхищения;

5) поддержание бесперебойной работы железнодорожного и водного транспорта;

6) быстрейшее восстановление революционного порядка[4].

В инструкции Тамбовского губернского комитета РКП(б), губернского исполкома и командующего войсками в Тамбовской губернии об обязанностях ревкомов в местностях, освобожденных от банд, указывалось, что их главной

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 29. Д. 39. Л. 89.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1011. Л. 60.

[3] *Венцов С.* Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним. С. 48.

[4] *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. С. 220.

задачей является «переломить настроение крестьян в пользу советской власти и Коммунистической партии»[1].

Наряду с ревкомами, по решению местных советов и партийных комитетов в ряде местностей существовали и другие чрезвычайные органы по борьбе с бандитизмом: губернские совещания (Смоленская губерния, Петроград), специальные комиссии (Ростов-на-Дону), полномочные тройки (Сибирь), военно-революционные штабы (Курган, Ялуторовск), губернские оперативные штабы (Симбирск), военные советы (Дальний Восток). В них, как правило, входили представители губернских ЧК, военного командования и губернских комитетов РКП(б). Так, например, военные советы по борьбе с бандитизмом в Амурской, Забайкальской и Приморской губерниях, созданные по решению Дальневосточного ревкома 22 января 1924 г., состояли из: командующих войсками губернии, старших войсковых начальников и военных комиссаров, председателей губернских исполкомов и представителей начальников губернских отделов ГПУ. При проведении мероприятий по ликвидации бандитизма этим военным советам подчинялись все войска, а также военные и гражданские учреждения губернии[2].

Изучение архивных материалов показало, что широкое распространение бандитизма во всех районах Северного Кавказа привело к созданию летом 1921 г. единого чрезвычайного органа, руководившего борьбой с ним. Уже в июне 1921 г. была создана специальная краевая тройка по борьбе с бандитизмом, в состав которой вошли представители Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского военного округа и полномочного представительства ВЧК по Юго-Востоку. Такие же тройки были созданы и на местах. Была выработана и проведена в жизнь политическая линия по борьбе с бандитизмом: в связи с тем, что местные советы и партийные комитеты хорошо знали специфику своих районов, они являлись руководителями органов ВЧК и военного командования по борьбе с бандитизмом в определенном районе[3].

В июле 1921 г. проведено переформирование троек в военные совещания: было создано Краевое военное совещание, а позднее – Терское, Кубано-Черноморское, Ставропольское и Донское военные совещания. Впоследствии военные совещания были созданы во всех областях края. Их главной задачей стало проведение «усиленной политкампании с широкой амнистией добровольно сдавшимся и беспощадным уничтожением бандформирований»[4].

В борьбе с бандитизмом государственные, военные и правоохранительные органы не останавливались перед применением крайних мер. Их выполнение возлагалось, как правило, на правоохранительные органы (ВЧК – ОГПУ и милицию). Так, в приказе Полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии от 11 июня 1921 г. № 171 было указано:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 4.

[2] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 7. Д. 20. Л. 240.

[3] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 350.

[4] Цит. по: Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 239.

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссий[1] и райполиткомиссий[2] объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и выселению из губернии и имущество конфисковывается. Старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

5. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать»[3].

Широкое распространение получила система заложничества. Так, в приказе Полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии от 23 июня 1921 г. говорилось: «Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу… По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников… жителям дается два часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей… Если население бандитов и оружия не указало, по истечению двухчасового срока… взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и вторично предлагается выдать бандитов и оружие… В случае упорства проводятся новые расстрелы…»[4]. Только по состоянию на 22 июня 1921 г. за особым отделом 10-й дивизии числилось 1022 человека, из них 533 бандита, 27 шпионов, 114 дезертиров, 377 заложников, 51 человек, задержанный за различные уголовные преступления[5].

Одновременно со взятием заложников широко применялось их заключение в концентрационный лагерь. В соответствии с «Краткой инструкцией карательных мер по отношению к бандитам, их семействам и всего населения районов, неблагополучных по бандитизму», утвержденной 23 сентября 1921 г. председателем Донской ЧК А.А. Емельяновым, заключению в концлагерь подлежали: «1) семьи бандитов по постановлению Краевого военного совещания; 2) лица, активно сочувствующие бандитизму, как совершающие преступления против советской власти по постановлению революционных трибуналов; 3) осужденные революционным трибуналом по тем или иным преступлениям, связанным с бандитизмом»[6]. Только в Кубано-Черноморской области, в которой бандитизм приобрел значительные масштабы, было создано 3 концентрационных лагеря, заключенные в которых

---

[1] Уездные политические комиссии. – *Прим. авт.*

[2] Районные политические комиссии. – *Прим. авт.*

[3] Цит. по: *Антонов-Овсеенко А.В.* Напрасный подвиг? М., 2003. С. 338–339.

[4] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 355.

[5] *Плеханов А.М.* Дзержинский. Первый чекист России. С. 361.

[6] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 37. Л. 104.

находились на правах заложников и подлежали немедленному расстрелу при попытке активизации банд[1].

Одновременно с этим органы ВЧК – ОГПУ выполняли и ряд других задач, а именно:

– агентурную работу, направленную на выявление настроений местного населения в районах, пораженных бандитизмом;

– агентурную работу в бандах, проводимую в целях разложения их изнутри, склонения наиболее неустойчивой части бандитов к сотрудничеству с властями или добровольной сдаче;

– разъяснительную работу среди местного населения, основной задачей которой являлось лишение бандитов материальной поддержки и источников пополнения бандгрупп; немаловажное значение в работе с местным населением имела поддержка беднейших слоев населения с целью создания на местах прослойки, лояльно относящейся к деятельности государственных и правоохранительных органов.

Однако эти задачи органы ВЧК выполняли в основном до окончания Гражданской войны. В связи с подавлением основных очагов контрреволюционных выступлений в стране в ноябре 1921 г. Межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом приняла решение о резком сокращении численности полевых войск, принимавших участие в решении этой задачи. Функции борьбы с мелким бандитизмом были полностью переложены на ВЧК и милицию[2].

Одновременно произошла и реформа правоохранительных органов. В связи с переходом к мирной жизни советским правительством было принято решение о сокращении полномочий Всероссийской чрезвычайной комиссии, «возложив борьбу с нарушением законов советских республик на судебные органы»[3]. 6 февраля 1922 г. вышел в свет декрет ВЦИК «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов». В составе Народного комиссариата внутренних дел РСФСР было создано Государственное политическое управление, на которое возлагалась задача подавления открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма.

В «Договоре об образовании СССР», принятом I Всесоюзным съездом Советов 30 декабря 1922 г., предусматривалось учреждение Объединенного государственного политического управления. 2 ноября 1923 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, а 15 ноября 1923 г. утвердил «Положение об ОГПУ и его органах».

В условиях продолжавшейся борьбы с политическим и уголовным бандитизмом в ряде регионов СССР Ф.Э. Дзержинский в 1924 г. выступил с предложением расширения прав ОГПУ, предоставления ему особых

---

[1] *Черкасов А.А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. С. 45.

[2] *Железко И.М., Кривенок В.И.* История внутренних войск МВД России. С. 42.

[3] Цит. по: В.И. Ленин и ВЧК. С. 517.

полномочий и подчинения в оперативном отношении милиции и уголовного розыска. Как отмечал руководитель ОГПУ, «одна из причин недостаточных успехов борьбы с бандитизмом – это формализм и волокита наших судов и несогласованность действий уголовного розыска, милиции и органов ГПУ»[1].

14 февраля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б), признав необходимым усиление борьбы с бандитизмом, сочло целесообразным возложить руководство ею на ОГПУ и его местные органы, подчинив им в оперативном отношении уголовный розыск и милицию. 9 мая 1924 г. Президиум ВЦИК принял специальное постановление о борьбе с бандитизмом, которое законодательно подтвердило решение Политбюро ЦК РКП(б).

Этот документ во многом облегчил борьбу с бандитизмом и дал возможность ОГПУ и НКВД координировать свою деятельность в масштабах всей страны. По ходатайствам полномочных представительств ОГПУ Президиум ЦИК СССР принимал решения об ограничении прав граждан в районах на период ликвидации бандитизма. Если не удавалось ликвидировать бандитизм в определенный срок, то, как правило, права ОГПУ продлевались[2]. Так, Президиум ЦИК СССР 17 мая 1924 г. по ходатайству ОГПУ объявил неблагополучным по бандитизму на два месяца весь Юго-Восток России. 11 июля срок полномочий был продлен до 17 сентября, 12 сентября – до 17 ноября, а 22 ноября – до 31 декабря 1924 г.[3]

Права ОГПУ расширялись и по ходатайствам местных советских и партийных органов. Так, 4 декабря 1923 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) по докладу полномочного представителя ОГПУ по Юго-Востоку Е.Г. Евдокимова постановило просить центральные советские органы предоставить ОГПУ право на высылку бандитских элементов Северного Кавказа в северные губернии страны. 11 марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР предоставил полномочному представительству ОГПУ по Юго-Востоку в качестве временной меры борьбы с бандитизмом право высылки социально опасных элементов с территории Северного Кавказа[4].

Проведенный авторами анализ литературы и источников показал, что наиболее часто в борьбе с бандитизмом находили применение вооруженные формы, а именно:

– проведение специальных операций, направленных на изъятие лиц, активно поддерживающих бандитов, пополняющих их ряды и дестабилизирующих общественно-политическую обстановку в регионе;

– проведение чекистско-войсковых операций, направленных на изъятие оружия у местного населения, физическое уничтожение лидеров банд или мелких бандгрупп.

Следует отметить, что уже в годы Гражданской войны был приобретен значительный опыт вооруженной борьбы Красной армии с бандитизмом.

---

[1] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 135.

[2] Там же. С. 120.

[3] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 8. Д. 6. Л. 51–53.

[4] Там же. Ф. Р-3316. Оп. 13. Д. 2. Л. 102.

Одним из первых документов, регламентирующим применение войск в борьбе с бандами, стала «Краткая инструкция по борьбе с бандитизмом на Украине», утвержденная 8 декабря 1919 г. председателем СНК Украины Х.Г. Раковским, командующим всеми вооруженными силами Украины М.В. Фрунзе и секретарем ЦК КП(б) Украины В.М. Молотовым. Согласно инструкции, основными задачами войск в борьбе с бандитизмом являлись: «а) агентурная разведка, использование уже готовых материалов разведки местной ЧК и, если понадобится, создание специальных особых отделов, задачею которых является детальное внутреннее освещение банд и изобилующего бандитизмом района и извлечение главарей, организаторов и агентов; б) уничтожение банд и отдельных бандитов вооруженной силой; в) разоружение населения; г) предупредительные карательные меры по борьбе с бандитизмом и повстанчеством; д) комбинированная, а в местностях, зараженных бандитизмом, ударная работа военных и гражданских советских органов под руководством партии, ставящая основной целью путем расслоения деревни и организационного закрепления достигнутых в борьбе с бандами и кулачеством результатов создать опору советской власти также наиболее отсталых районов»[1].

Опыт борьбы с выступлением в Тамбовской губернии получил обобщение в приказах, инструкциях и распоряжениях командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского. Так, командование войск Тамбовской губернии в 1921 г. разработало план уничтожения банд, предусматривавший сочетание действий военных отрядов с политическими, хозяйственными, административными мерами местных партийно-советских органов. Ввод войск на территорию отдельных районов применялся для нейтрализации бандитских центров и баз. Преследование и уничтожение банд возлагалось на так называемые летучие отряды. По своей численности и боевой мощи они обычно превосходили преследуемые ими банды. Как только банда распылялась, в борьбу с ней вступали органы ЧК и милиция[2].

Существенным вкладом в развитие тактики борьбы с бандитизмом являлась подготовленная командованием войск Тамбовской губернии специальная инструкция от 12 мая 1921 г. В ней говорилось: «На задачу искоренения бандитизма следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу – кампанию или даже войну»[3]. В инструкции были четко определены цели военных действий против банд: 1) разбить их вооруженные отряды; 2) овладеть жизненными центрами бандитизма; 3) вернуть государству местность, занятую бандами; 4) излечить население от эпидемии бандитизма. В документе указывалось: «Операции против бандитов должны вестись с непогрешимой методичностью, так как бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда

---

[1] Цит. по: Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 96.

[2] *Какурин Н.Е.* Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований. С. 93.

[3] Цит. по: *Леонидов Б.* Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним. С. 168.

самый характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательностью и жестокой настойчивостью»[1]. Во избежание ненужных потерь рекомендовалось не распылять воинские части, а располагать их концентрированно. Войска каждого боевого участка должны были наносить массированные сокрушительные удары по бандам, стремительно их атаковать и уничтожать. Неотступное преследование банд возлагалось на мощные мобильные отряды. В инструкции они получили название «пиявочных», так как их назначение – вцепиться в банду и не дать ей ни отдыха, ни возможности пополнения.

Цель ввода войск в отдельные районы состояла в том, чтобы восстановить разрушенные органы советской власти и с их помощью организовать сопротивление самих трудящихся возникновению бандитизма. В очагах контрреволюционного выступления предлагалось: 1) переселять в отдаленные местности страны семьи не желающих сложить оружие бандитов, а их имущество конфисковать; 2) вносить расслоение в крестьянскую среду, надежно охранять крестьян, участвующих в борьбе с бандами, вовлекать их в советскую работу и в разведку; 3) последовательно и до конца проводить все объявленные населению репрессивные меры[2].

Советизация районов выступления в Тамбовской губернии осуществлялась в определенной последовательности по волостям. Введя войска в ту или иную волость, в ней сосредоточивали максимум сил – военных, чекистских и партийно-советских. Воинские части занимались уничтожением банд и созданием революционных комитетов, а чрезвычайные комиссии проводили ликвидацию остатков банд. После упрочения советской власти в волости все силы перебрасывались в следующую[3].

Исключительный эффект в борьбе с бандами в Тамбовской губернии дало использование автомобильных средств. Организацию и тактику действий автоброневых отрядов разработал И.П. Уборевич: легкие грузовики, вооруженные пулеметами, и легковые автомобили проводили неотступное преследование банд. Вылавливание бандитов, скрывавшихся в лесных районах, производилось особыми командами, каждая из которых была закреплена за определенным участком[4].

Все мероприятия по советизации районов выступления проводились под руководством Полномочной комиссии ВЦИК. Как отмечал М.Н. Тухачевский, «в общем сложное сочетание различных элементов, как то: внедрение в крестьянскую жизнь новой экономической политики, уничтожение бандитов в поле и вылавливание их при чистке из деревень, ответственность семей за укрывательство бандитов, жестокие меры наказания и вместе с тем поощрение

---

[1] Цит. по: *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение политического бандитизма // Война и революция. 1926. № 8. С. 8.

[2] Там же. С. 9–10.

[3] Там же. С. 16.

[4] *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. С. 253.

добровольно сдавшихся – создало весьма быстрый и решительный перелом настроения в крестьянстве»[1].

Определенный опыт по разгрому бандитизма был накоплен на Украине при ликвидации отрядов Н.И. Махно. Ф.Э. Дзержинский, будучи начальником тыла Юго-Западного фронта летом 1920 г., считал, что ликвидация банд требует длительной, систематической и упорной борьбы с применением политических, хозяйственных и военных мер. По его инициативе на Юго-Западном фронте возникла так называемая политсекция для ведения агитации против банд[2]. Ф.Э. Дзержинский в приказе начальника тыла фронта от 17 июня 1920 г. № 36 сформулировал некоторые общие тактические принципы борьбы с бандитизмом: 1) применение крупных сил воинских частей и организация маневренной войны с использованием кавалерии, самолетов и мобильных групп; 2) сосредоточенный маневренный удар по банде, а затем ее окружение и уничтожение; 3) непрерывное энергичное преследование банд и их полный разгром по частям, не довольствуясь лишь выходом из боя[3].

Операции, проведенные против банд Махно в декабре 1920 г. и январе 1921 г., не принесли желаемых результатов. Воинские части были неподготовлены к ведению так называемой малой войны. Попытки воевать с бандами теми же приемами, что и с регулярной армией (сплошной фронт, окружение и т.п.), оказались малоэффективными. Неудачи операций объяснялись рядом обстоятельств: 1) у воинских частей не хватало опыта борьбы с бандами; 2) не учитывалось своеобразие тыла махновцев; 3) отсутствовали согласованные действия партийного и советского аппарата[4]. Как впоследствии отмечал Р.П. Эйдеман, «борьба с Махно в этот период носит крайне бессистемный, почти хаотический характер. Части двигаются, ходят как бы вслепую»[5]. Недостаточная подготовка комсостава Красной Армии к быстротечной динамичной партизанской войне сказалась в плохой организации разведки, охранения и связи. Между тем банды обладали существенными тактическими преимуществами (знание местности, связь с населением, быстрые передвижения, применение засад и т.п.)[6].

В начале 1921 г. на имя командующего вооруженными силами Украины М.В. Фрунзе поступила докладная записка бывшего начальника 42-й стрелковой дивизии М.И. Розена, в которой рассматривались причины неудач войск и вносились конкретные предложения по ликвидации банд. Они сводились к следующему: 1) в важных административно-политических и железнодорожных пунктах создать сильные гарнизоны, чтобы препятствовать грабительским

---

[1] Цит. по: *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение политического бандитизма // Война и революция. 1926. № 8. С. 14–15.

[2] *Куварзин А.И.* В трудный для республики час // Солдат революции. Военная и политическая деятельность Ф.Э. Дзержинского. М., 1987. С. 119.

[3] *Софинов П.Г.* Страницы из жизни Ф.Э. Дзержинского. М., 1956. С. 98–99.

[4] *Эйдеман Р.П.* Повстанчество и его роль в современной войне. С. 101–102.

[5] Цит. по: *Эйдеман Р.П.* Пятая годовщина одного урока. С. 36.

[6] *Трутко И.* Тактические приемы из опыта борьбы с бандитизмом. Уничтожение банды Богуславского. С. 100.

налетам банд, удерживать местное население в подчинении и не позволять бандитам прорываться в нежелательном направлении; 2) для постепенного и неотступного преследования банд использовать подвижные легкие ударные отряды; 3) улучшить войсковую и агентурную разведку; 4) усилить советскую работу в местах расположения банд; 5) сосредоточить в одних руках все военно-политические и административно-советские аппараты[1].

Командование вооруженных сил Украины, проанализировав опыт боевых действий против банд зимой 1920/21 г., сделало вывод о том, что успех в борьбе с бандитизмом может обеспечить лишь совокупность административно-политических, хозяйственных, военных и чекистских мер. В районах, охваченных бандитизмом, предстояло: 1) восстановить советский аппарат и оживить его работу; 2) организовать бедноту вокруг комитетов незаможних селян и вовлечь ее в борьбу с бандами; 3) развернуть широкую агитационно-просветительскую работу среди крестьянства по разоблачению бандитизма; 4) изъять дезертиров и бандитов, ввести круговую поруку в кулацких селах и взять заложников; 5) снабдить мануфактурой, сахаром и другими предметами первой необходимости села, поддерживающие советскую власть, предоставив бедноте часть конфискованного у кулаков имущества; 6) осуществлять классовый подход при разборе дел захваченных бандитов, прощая рядовых при условии выдачи главарей[2].

Толчок к дальнейшему совершенствованию тактики войск дал приказ М.В. Фрунзе от 23 июня 1921 г., в котором указывались недостатки, присущие воинским частям при ликвидации отрядов Н. Махно. Так, было отмечено, что в действиях войск недоставало порядка и организованности. Вследствие плохой связи отряды сбивались на одну дорогу, оставляя без наблюдения и прикрытия многие важные направления. Допускались: 1) переоценка сил банды, нерешительность, стремление отогнать банду вместо смелого удара с целью ее уничтожения; 2) пассивность, недостаток личной инициативы у некоторых командиров; 3) медленное движение, постоянные опоздания и задержки; 4) слабость разведки и, как следствие этого, потеря соприкосновения с противником, неумение ряда командиров разобраться в сложившейся обстановке; 5) отсутствие связи и взаимодействия между частями; 6) ведение боевых действий по шаблону – ведение фронтального наступления стрелковыми цепями; 7) отсутствие учета характера действий банды и недооценка таких тактических приемов, как обходы и охваты, выход наперерез, сокращение пути и т.п.; 8) небрежное отношение к организации охранения и наблюдения, оставление без присмотра боковых дорог; 9) слабая охрана походных колонн и их недостаточная боеготовность, медленное развертывание в боевой порядок; 10) малоэффективная стрельба с дальних дистанций; 11) медленное продвижение конницы; 12) недостаточная боевая эффективность бронепоездов; 13) слабое руководство со стороны отдельных штабов подчиненными воинскими частями и недостаточная организация проверки

[1] РГВА. Ф. 15. Оп. 3. Д. 486. Л. 42.

[2] *Эйдеман Р.П.* Очаги атаманщины и бандитизма. Харьков, 1921. С. 20–22.

исполнения. В приказной части документа М.В. Фрунзе требовал немедленно устранить указанные недостатки в боевой деятельности войск и особое внимание уделить укомплектованию и подготовке кавалерийских маневренных отрядов[1].

По мнению авторов, именно изменения в тактике действий войск в отношении банд привели к тому, что в течение 1921 г. массовый бандитизм на Украине был в основном ликвидирован. Если к концу 1920 г. здесь насчитывалось до 89 организованных банд общей численностью до 56 тыс. человек, то к концу 1921 г. осталось только 13 мелких, разрозненных и деморализованных отрядов общей численностью до 300 человек[2].

Одним из последних документов, в котором рассмотрены возможные способы действий войск при ликвидации банд в 1920-е гг., стала работа С.С. Каменева «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)», написанная в мае – июне 1923 г. Обобщая опыт, накопленный при подавлении антисоветских выступлений и ликвидации банд в различных районах страны, С.С. Каменев сделал вывод о том, что при борьбе с бандитизмом необходимо применять следующие приемы:

«1. Борьба с басмачеством (бандитизмом) должна вестись войсками, советскими органами и политическими мерами.

2. Только согласованная работа перечисленных органов может привести к ликвидации басмачества.

3. Войсковые приемы сводятся: к оккупации района, охваченного басмачеством, борьбе летучими (маневренными) отрядами, истребительными отрядами и затем, как вспомогательные приемы… прочесывание района и окружение банд противника. Сюда же относится и борьба воздушными средствами»[3].

С.С. Каменев считал, что оккупация района должна была осуществляться в виде выставления небольших стационарных гарнизонов в важнейших пунктах, обеспечивающих работу железных дорог, связи и промышленности. Воинские части, ведущие борьбу с бандами, должны подразделяться на два вида отрядов: 1) летучие отряды, создаваемые из кавалерии, которые, действуя внезапно, должны производить уничтожение уже выявленных банд; 2) истребительные отряды, производящие сплошное рейдирование района с целью «внезапных и совершенно случайных столкновений отрядов с бандами»[4].

Как показал анализ источников, рассмотренные выше способы ведения боевых действий применялись военным командованием и войсками ВЧК – ОГПУ при борьбе с бандами на территории Северного Кавказа. Неоднократно в операциях (особенно против крупных банд или при изъятии оружия у населения) одновременно принимали участие подразделения Красной армии и

---

[1] *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. С. 278.

[2] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 362.

[3] Цит. по: *Елисеева Н.Е.* С.С. Каменев о борьбе с басмачеством // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 42.

[4] Там же. С. 43.

войск ВЧК – ОГПУ. Именно вопрос совместного применения подразделений оставался наиболее сложным на протяжении 1920-х гг.

Так, 15 апреля 1923 г. был издан совместный приказ Реввоенсовета Республики и ГПУ № 823/215, в котором указывалось: «1. Борьба с уничтожением мелкого бандитизма лежит всецело на органах внутренней безопасности, каковыми является ГПУ с его специальной службой, специальными войсками и милиция. 2. В случае возникновения крупного бандитского движения или же открытия подготовки к таковому на какой-либо части территории СССР ликвидация как подготовки, так и самого выступления возлагается на все воинские части, расположенные в данном районе»[1]. При совместном проведении операций войска должны были руководствоваться «Положением о порядке привлечения полевых войск органами ГПУ при НКВД», утвержденным приказом Реввоенсовета Республики от 13 февраля 1922 г. № 456/77[2]. В приказе отмечалось, что на территории Северо-Кавказского военного округа и Горской республики операции по искоренению бандитизма проводятся совместно частями Красной армии и войсками ГПУ.

Ликвидация бандитизма почти во всех регионах страны вызвала к жизни совместный приказ РВС СССР и ОГПУ СССР от 10 июля 1926 г. № 365/59, согласно которому борьба с бандитизмом на всей территории Советского Союза возлагалась на органы ОГПУ. Однако в силу сложной общественно-политической обстановки на Северном Кавказе с разрешения РВС СКВО «части Красной Армии при соответствующем содействии со стороны органов ОГПУ» могли проводить соответствующие операции.

Рассмотренная выше система борьбы с бандитизмом эффективно действовала в 1920-е гг. Результатом ее деятельности стало почти полное уничтожение очагов недовольства и проявлений политического бандитизма на всей территории СССР.

Новая вспышка активности банд в Советском Союзе произошла в связи с проведением политики массовой коллективизации сельского хозяйства (1929–1933 гг.). В своей основе это было протестное движение не только кулацких, но и середняцких слоев деревни, направленное против политики раскулачивания, насильственного создания коллективных хозяйств и перегибов в налоговой политике.

В официальных документах признавалось, что еще в начале 1930 г. стали обнаруживаться «признаки перерастания значительного числа массовых выступлений в упорные, длительные волнения»[3]. Подчеркивалось также и то, что большинство крестьянских волнений непосредственно было связано с перегибами и насилием властей в проведении коллективизации, «причем именно

---

[1] Цит. по: Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 64.

[2] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 268.

[3] Цит. по: *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 143.

такие выступления являются наиболее затяжными и сопровождаются избиениями и расправой толпы над активистами и советскими работниками»[1].

По подсчетам французского историка Н. Верта, в марте 1930 г. на территории Советского Союза было зарегистрировано до 6500 массовых крестьянских выступлений, из которых 800 было подавлено войсками. Во время этих волнений было убито, ранено или пострадало до 1500 советских служащих[2].

В большинстве районов крестьянское сопротивление политике коллективизации дало толчок к созданию новых и выходу из подполья старых бандитских групп, которые вновь начали выступать под политическими лозунгами. Однако их основной целью стал террор сельского населения, убийство организаторов колхозного движения и уничтожение колхозной собственности. Так, секретарь ЦК КП(б) Украины М.М. Хатаевич отмечал летом 1931 г.: «Мы сейчас имеем огромный рост кулацкого уголовно-политического бандитизма на селе. Всякие кражи, грабежи, убийства значительно участились за последнее время. Это выбитые из колеи остатки разбитых классов, гниющие на наших глазах, своим трупным ядом заражают и отравляют атмосферу нашего строительства на селе. Эти элементы идут теперь на все – на убийства, кражи скота и т.д. Как только колхозник выезжает в поле, они забираются к нему в хату, крадут имущество, убивают стариков и детей…»[3].

Главной формой деятельности бандитских групп и бандитов-одиночек в период коллективизации стала террористическая и диверсионная деятельность. По данным Н.А. Ивницкого, только в марте 1930 г. на Украине был зарегистрирован 521 террористический акт, в Центрально-Черноземном округе – 192, в том числе 25 убийств. За 9 месяцев 1930 г. в Западной Сибири было учтено более 1000 террористических актов, из них 624 связанных с убийством[4].

Другими формами противодействия стали массовые выступления крестьянства с целью срыва мероприятий советской власти, агитация и распространение всевозможных слухов, изготовление и распространение листовок, а также вредительство в отношении имущества колхозов и хозяйств активистов.

Принятые государством меры (депортация раскулаченных, подавление крестьянских выступлений, очередное ужесточение уголовного законодательства, временный отход от принципа всеобщей коллективизации), выполнение которых всецело было возложено на органы и войска ОГПУ СССР, позволили к середине 1930-х гг. в основном ликвидировать политический бандитизм в Советском Союзе.

К началу Великой Отечественной войны районами, в которых активно действовали политические и уголовные банды, оставались присоединенные в

---

[1] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 143.

[2] *Верт Н.* Государство против своего народа. С. 158.

[3] Цит. по: *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 305.

[4] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 149.

1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия, а также Северный Кавказ. Деятельность банд здесь в основном носила террористический характер, который нередко сочетался с уголовными преступлениями (разбойные нападения, ограбления, убийства). Средняя численность банд в этих районах составляла не более 4–5 человек. В остальных же районах страны бандитизм носил исключительно уголовный характер, был немногочислен и не представлял большой опасности для государства (табл. 1).

Таблица 1

Количество банд и их численный состав на территории Советского Союза по состоянию на 1 июля 1941 г.[1]

	Банд	*Участников*
По СССР	196	971
Из них:		
по Украине	94	476
по Белоруссии	17	90
по Северному Кавказу и Закавказью	65	285
по остальным районам Советского Союза	20	120

Таким образом, можно констатировать, что к началу Великой Отечественной войны бандитизм на территории Советского Союза в основном был ликвидирован. Начало боевых действий, отвлечение внимания государственных органов на оказание сопротивления внешнему противнику, привлечение большей части органов и войск НКВД, занимавшихся борьбой с бандитизмом, к выполнению других задач, вновь создали благоприятную обстановку для развития как уголовного, так и политического бандитизма в большей части районов страны.

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 11.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И ВОЙСК ВЧК – ОГПУ – НКВД ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920 – ИЮНЕ 1941 г.

2.1. Участие органов и войск ВЧК – ОГПУ в специальных операциях по разоружению населения и борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в конце Гражданской войны и в годы нэпа (1920–1928 гг.)

После освобождения Северного Кавказа от белогвардейских войск решением созданных революционных комитетов на всей его территории к лету 1920 г. были образованы чрезвычайные комиссии. В своей деятельности они руководствовались Инструкцией об организации и работе местных органов ЧК от 15 февраля 1920 г., которая определяла задачи и типовые штаты чрезвычайных комиссий.

Согласно этому документу основными задачами местных чрезвычайных комиссий являлись: «1) зорко следить за точным и неуклонным исполнением всеми гражданами РСФСР, организациями и советскими учреждениями декретов и постановлений советской власти, изданных в центре и на местах, и привлекать к ответственности всех без исключения нарушающих и не исполняющих таковые и 2) вести беспощадную борьбу с контрреволюционными организациями, бандитами и их организациями и, наконец, с дезертирами и их организациями, стремясь к полному уничтожению вышеуказанных явлений в пределах губернии»[1].

Основными формами работы чрезвычайных комиссий определялись облавы, обыски, аресты лиц и организаций, заподозренных в контрреволюционной деятельности, а также негласное наблюдение за лицами и учреждениями.

Местные чрезвычайные комиссии имели право налагать штрафы, заключать в концентрационный лагерь или передавать дела для рассмотрения в революционные трибуналы или народные суды. В исключительных случаях чрезвычайная комиссия имела «право подвергать заключению без срока лиц, опасных для революции»[2].

Приказ ВЧК от 11 августа 1920 г. № 102 уточнил права местных чрезвычайных комиссий в области вынесения наказаний. Они имели право применять следующие виды:

«а) строгое предупреждение самому привлекаемому;

б) простой арест на срок;

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 513. Л. 282.

[2] Там же. Л. 283.

в) заочное объявление врагом народа и революции;

г) отрешение от должности и запрещение занимать ту или иную должность на срок;

д) принудительные работы без лишения свободы и под особым наблюдением;

е) принудительные работы с лишением свободы до пяти лет…»[1].

Согласно этому приказу применение принудительных работ без лишения свободы чаще всего сопровождалось высылкой в другие местности вне губернии, в которой находилась чрезвычайная комиссия.

Основным отделом губернской чрезвычайной комиссии являлся секретно-оперативный, на который возлагалось выполнение следующих задач:

«1. Негласный надзор за противосоветскими политическими партиями, группами и лицами.

2. Предупреждение и пресечение всякого рода контрреволюционных явлений, а также шпионажа, спекуляции, бандитизма и преступлений по должности.

3. Гласный надзор за лицами, ограниченными в правах решениями ЧК, и учет служащих советских и прочих учреждений.

4. Руководство по розыску и следствие по всем делам губЧК»[2].

В целях взаимодействия с органами милиции при каждом уездном отделении милиции создавалось политическое бюро (5–10 человек), работавшее по заданиям и под непосредственным руководством и наблюдением чрезвычайных комиссий[3].

Для координации и общего управления деятельностью чрезвычайных комиссий Северного Кавказа в Ростов-на-Дону из ВЧК был командирован С.С. Лобов, который в апреле 1920 г. передал свои полномочия начальнику особого отдела Кавказского фронта К.И. Ландеру. В документах 1920 г. сам К.И. Ландер именовал себя «полномочным представителем ВЧК на Кавказе», однако аппарат полномочного представительства при нем не формировался. Его функции исполняли работники особого отдела Кавказского фронта, 9-й армии и специально командированные сотрудники Всероссийской чрезвычайной комиссии (всего более 80 человек)[4].

Одновременно с созданием органов ЧК на Северном Кавказе были приняты меры по наделению их военной силой. С момента своего создания чрезвычайные комиссии имели в своем распоряжении батальоны из состава Корпуса войск ВЧК[5]. На основании постановления Совета Рабоче-

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 512. Л. 262.

[2] Там же. Д. 513. Л. 286.

[3] Там же. Л. 281.

[4] *Петров Н.В.* Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ на Северном Кавказе и в Закавказье (1918–1934 гг.). URL: http: // http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/476870-1-prilozheniya-itogovomu-otchetu-proektu-rabota-obschestvennim-mneniem-rossii-dlya-sozdaniya-obektivnoy-sbalansirovannoy-o.php (дата обращения 13.07.2020).

[5] Пункт 7 Положения ВЦИК о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г. гласил: «Всероссийская чрезвычайная комиссия и все местные

Крестьянской обороны от 28 мая 1919 г. все войска вспомогательного назначения (в том числе и Корпус войск ВЧК) были объединены в войска внутренней охраны (войска ВОХР), подчиненные Народному комиссариату внутренних дел[1]. На территории, совпадавшей с границами военных округов, создавались секторы войск ВОХР. Начальник сектора пользовался правами командира дивизии. Воинские части были распределены не только по секторам, но также по районам и участкам, при этом районы расположения войск совпадали с территорией губернии. Этим достигалась согласованность действий войск внутренней охраны как с командованием военных округов, так и с губернскими органами ЧК[2].

На основании приказа Реввоенсовета Республики от 31 марта 1920 г. № 499/83 на освобожденной территории Северного Кавказа был образован Северо-Кавказский военный округ, находившийся в оперативном подчинении Кавказского фронта[3]. Приказом войскам ВОХР Республики от 13 мая 1920 г. № 506/с в границах округа был сформирован Северо-Кавказский сектор войск ВОХР, которым руководил Латышев[4].

В связи с высадкой отрядов из состава войск генерала П.Н. Врангеля на Кубани и выступлением «Армии возрождения России» генерала П.П. Фостикова в тылу советских войск Северо-Кавказский военный округ был расформирован. Воинские части округа были переданы в состав созданного Кавказского фронта[5]. На основании приказа Реввоенсовета Республики и Народного комиссариата внутренних дел от 6 сентября 1920 г. № 1735/328 войска Северо-Кавказского сектора войск ВОХР вошли в состав войск фронта[6].

Десант генерал-лейтенанта П.Г. Улагая на Кубани вызвал серьезное беспокойство всего советского руководства, тем более что он стал причиной широких антисоветских выступлений среди казачьего населения Северного Кавказа. Уже 9 сентября 1920 г. В.И. Ленин телеграфировал в Реввоенсовет Кавказского фронта: «Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани – дело абсолютной государственной важности»[7].

чрезвычайные комиссии имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов. Величина отрядов на местах устанавливается местными исполнительными комитетами Советов депутатов по соглашению с Всероссийской чрезвычайной комиссией… Все отряды Всероссийской чрезвычайной комиссии и местных чрезвычайных комиссий находятся под контролем и на учете Революционного Военного Совета Республики». (Цит. по: Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). С. 203).

[1] Внутренние войска. Исторический очерк. С. 57.

[2] *Некрасов В.Ф.* На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. С. 42.

[3] РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 595. Л. 1.

[4] Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1398. Л. 333.

[5] Там же. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 599. Л. 190.

[6] Внутренние войска Советской республики. С. 213.

[7] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): в 4 т. Т. 3. М., 1974. С. 353.

В условиях расширения бандитизма командующий Кавказским фронтом В.М. Гиттис 29 июля 1920 г. издал приказ № 1247, согласно которому все бандиты, задержанные с оружием в руках, расстреливались на месте. Все население до 15 августа было обязано сдать имеющееся на руках оружие. В случае невыполнения приказа предусматривалась конфискация имущества и предание суду по законам военного времени. «Станицы, хутора и населенные пункты, принимающие активное участие в восстании против советской власти, должны приводиться в повиновение самыми решительными и беспощадными мерами, вплоть до полного их разорения и уничтожения. Никакие поблажки и колебания здесь не допустимы»[1].

Одной из мер советской власти для снижения уровня напряженности обстановки в крае, особенно в горных районах, стала попытка переселения части горцев на равнины и наделение их землей за счет казацкого населения, принимавшего активное участие в антисоветских выступлениях. Этот факт подтверждает доклад Г.К. Орджоникидзе в Политбюро ЦК РКП(б): «Только что узнал из оперативной сводки, что Нестеровская занята белыми бандами при поддержке населения. Необходимо с обрушительной быстротой выбить их оттуда и выселить всю станицу и передать горцам… каждую восставшую станицу выселить»[2].

23 октября 1920 г. на основании распоряжения командующего Кавказской трудовой армии Медведева была организована комиссия по переселению восставших казаков Сунженской линии под руководством председателя Терского облисполкома Квирикелия. Наиболее быстрым методом расказачивания стало разрушение станиц и депортация их жителей. В этот же день Г.К. Орджоникидзе приказал:

«1. Станицу Калиновскую сжечь.

2. Станицы Ермоловская, Романовская, Самашкинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь – всегда преданным соввласти нагорным чеченцам...

3. Все мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем направить на Север для тяжелых принудительных работ.

4. Стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться на хутора или станицы на север.

5. Лошадей, коров, овец и пр. скот, а также пригодное имущество передать Кавтрудармии…»[3].

15 октября 1920 г. Г.К. Орджоникидзе получил донесение, описывающее ход процесса расказачивания:

«Калиновская: … полностью выселена.

Ермоловская – от жителей очищена (3218).

Романовская – выселено 1600; остается к выселению 1661 чел.

---

[1] Цит. по: *Симонова Т.М.* Беспощадное уничтожение, поголовное выселение. С. 5.

[2] Цит. по: *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 123–124.

[3] РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 131. Л. 11.

Самашкинская – выселено 1018 чел.; остается к выселению 1900 чел.

Михайловская – выселено 600 чел.; остается к выселению 2200 чел.

Кроме того, в Грозный вывезено 154 вагона продовольствия. Из трех станиц, где выселение еще не закончилось целиком, выселены в первую очередь семьи злостных бело-зеленых и принимавших участие в последнем восстании. Не выселенные еще составляют часть населения, сочувственно относящихся к советской власти: семьи красноармейцев, советских служащих и коммунистов.

Медленное выселение объясняется… плохой подачей вагонов, которые подаются в количестве одного эшелона в сутки. К настоящему времени для выселения людей требуется еще 306 вагонов»[1].

Переселяемым оставлялась только часть одежды, а также необходимое пропитание на время следования. Медведев разрешил жителям соседних чеченских аулов 8-часовой грабеж выселяемых станиц, в качестве благодарности за спасение Грозного в период его обороны от белогвардейских войск[2].

В этой операции приняли активное участие и чрезвычайные комиссии Северного Кавказа. Еще в сентябре 1920 г. за подписью К.И. Ландера было подготовлено «Обращение Всероссийской чрезвычайной комиссии», в котором указывались меры наказания для лиц, оказывавших помощь бандитам. В нем говорилось: «…виновных ожидает самая жестокая расправа, а именно:

1. Станицы и селения, которые укрывают белых и зеленых будут уничтожены, все взрослое население – расстреляно, все имущество – конфисковано.

2. Все лица, оказавшее содействие бандитам, немедленно расстреляны.

3. У большинства находящихся в горах зеленых остались дома родственники. Все они взяты на учет и в случае наступления банд все взрослые родственники сражающихся против нас будут расстреляны, а малолетние – высланы в Центральную Россию.

4. В случае массового выступления отдельных сел, станиц и городов – мы будем принуждены применять к этим местам массовый террор; за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц…»[3].

Операции проводились органами ЧК и подразделениями Красной армии по единому замыслу. После окружения населенного пункта воинскими частями собирался митинг, на котором предлагалось сдать оружие. После добровольной сдачи производили обыски, в ходе которых лиц, у которых было найдено оружие, особыми тройками по расказачиванию, созданными по распоряжению К.И. Ландера, показательно расстреливали. Только за октябрь 1920 г. ими были приговорены к смерти с немедленным исполнением приговора около 6000 человек[4]. В целях более быстрого разоружения населенных пунктов с

---

[1] РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 123. Л. 15.

[2] *Симонова Т.М.* Беспощадное уничтожение, поголовное выселение. С. 5.

[3] Цит. по: *Плеханов А.М.* Деятельность органов ВЧК – ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.). С. 292–293.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 75. Л. 28.

сентября 1920 г. по распоряжению председателя Терской ЧК С.Г. Бакшинова от них стали брать заложников, которые содержались в концентрационных лагерях[1].

Председатель ВУЧК М. Лацис так описывал условия содержания заключенных в концентрационных лагерях Северного Кавказа: «Заложники – женщины, дети, старики – изолированы в лагере недалеко от Майкопа, выживают в страшных условиях, при холоде, октябрьской грязи… Дохнут как мухи… Женщины готовы на все ради спасения, и стрелки, охраняющие лагерь, этим воспользуются»[2].

По инициативе К.И. Ландера местными чрезвычайными комиссиями в ряде районов были проведены «Дни красного террора» с целью «захвата заложников для последующего их расстрела и чтобы расширить масштабы экзекуций в отношении белых шпионов и контрреволюционеров вообще»[3].

В связи с тем, что при переселении казаков Сунженской линии местными военными и правоохранительными органами было допущено много перегибов (выселялись семьи казаков-красноармейцев, советских работников, разорялись крестьянские хозяйства), президиум ВЦИК 27 января 1921 г. приостановил, а 14 апреля 1921 г. запретил переселение, признав его ошибочной мерой. Всего было переселено около 25 тыс. человек (в основном в станицы Моздокского округа и Теречной линии). Эта цифра подтверждается докладом председателя комиссии ВЦИК по наделению горцев землей[4]. Но встречаются и другие сведения. Так, представители терских казаков в казачьем отделе ВЦИК Шабунин и Гришин в своем докладе 31 марта 1921 г. сообщали, что «выселено распоряжениями советской власти… душ 34 637»[5]. По мнению П. Поляна, всего за период деятельности комиссии по переселению казачьих станиц Сунженской линии в Архангельскую область и Донбасс было переселено до 45 тыс. человек[6].

Одновременно с выступлениями в Терской области советская власть столкнулась с хорошо организованным выступлением горцев Дагестана под руководством имама Н. Гоцинского. Уже 30 сентября 1920 г. состоялось чрезвычайное совещание работников Дагестанского бюро РКП(б) и Дагестанского ревкома с представителями военных организаций. На нем сразу же возникли разногласия по поводу ведения борьбы с бандами: руководитель Дагестанского областного военкомата А. Смирнов и председатель Дагестанской областной ЧК Э.И. Квиринг настаивали на ведении боевых действий только силами армейских частей, считая, что привлечение местного населения к борьбе с бандитизмом внесет путаницу в оперативные дела. Местные

---

[1] *Симонова Т.М.* Беспощадное уничтожение, поголовное выселение. С. 5.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 75. Л. 59.

[3] Цит. по: *Верт Н.* Государство против своего народа. С. 118.

[4] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. С. 153.

[5] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 149. Л. 23–24.

[6] *Полян П.* Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. С. 53–54.

руководящие работники (Д. Коркмасов, Н. Самурский) предлагали оттянуть красноармейские подразделения из гор и выдвинуть лозунг партизанской войны[1]. Лишь прибытие в Дагестан Г.К. Орджоникидзе 6 октября 1920 г. позволило преодолеть эти разногласия и наметить конкретные мероприятия по ликвидации восстания.

К началу октября 1920 г. в распоряжении Дагестанского областного военкомата сил для борьбы с выступлением Н. Гоцинского было недостаточно: 1-й Дагестанский стрелковый полк (720 человек), 33-й батальон войск ВОХР, караульный полк и караульные эскадроны крепостей, а также батальон 176-го стрелкового полка[2].

Вследствие этого органами НКВД Дагестана был проведен ряд организационно-штатных мероприятий для укрепления местной милиции. Вся милиция республики была сведена в отдельную бригаду, в состав которой входили отдельные батальоны (численность – не менее 250 человек). Милицейские подразделения сводились в ударные отряды и действовали наравне с подразделениями Красной армии и партизанскими отрядами[3].

В условиях расширения базы восстания Г.К. Орджоникидзе телеграфировал в Реввоенсовет Республики: «Обстановка в Дагестане и в Чечне требует быстрых и решительных ударов. Это можно проделать при умелом объединении командований»[4]. На основании приказа командующего Кавказским фронтом от 25 января 1921 г. № 13741/с была создана Терско-Дагестанская группа войск в составе трех стрелковых (14, 32, 33-я) и одной (18-я) кавалерийской дивизий, отдельной Московской бригады курсантов, двух автобронеотрядов и разведывательного авиационного отряда. Общее руководство боевыми действиями в Чечне и Дагестане было возложено на М.К. Левандовского. Штаб Дагестанской группы (А. Тодорский) располагался в Темир-Хан-Шуре, а Терской (Г. Гусельников) – в Грозном[5]. Численность группировки составляла около 20 тыс. пехотинцев, 3,4 тыс. кавалеристов; на ее вооружении имелось 67 орудий, 8 бронеавтомобилей и 6 самолетов[6].

Благодаря активным действиям частей Красной армии в феврале – марте 1921 г. войскам удалось нормализовать обстановку в междуречье Аварского и Андийского Койсу, которое являлось основным районом действий банд Гоцинского. В связи с этим, 7 марта 1921 г. Терско-Дагестанская группировка войск была расформирована[7]. К маю 1921 г. войсками были заняты все крепости, большие аулы и ключевые объекты. 25 мая 1921 г. командир сводного партизанского отряда М. Атаев и командир 95-й стрелковой бригады

---

[1] История Дагестана: в 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 125.

[2] *Кашкаев Б.* Красная Армия в борьбе за победу Советской власти в Дагестане (1917–1921 гг.). С. 56.

[3] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 282.

[4] РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 12. Д. 110. Л. 2.

[5] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 237.

[6] Россия и СССР в войнах XX века. С. 570.

[7] *Симонова Т.М.* Беспощадное уничтожение, поголовное выселение. С. 5.

И. Ковалев донесли начальникам 14-й и 32-й стрелковых дивизий о соединении частей Красной армии и партизанских отрядов[1].

Последние очаги сопротивления в Дагестане удалось уничтожить к октябрю 1921 г. Общие потери 11-й армии в ходе боевых действий составили около 5 тыс. человек (около 3,5 тыс. убитыми, замерзшими и умершими; 1,5 тыс. ранеными, контуженными и обмороженными)[2]. Потери среди горцев были несколько меньшими, что объяснялось тактикой партизанской войны, хорошим знанием местности, а также связями с местным населением[3].

Ликвидация восстания в Дагестане не позволила снизить уровень бандитизма в крае. Руководитель восстания Н. Гоцинский с остатками бандитских отрядов общей численностью до 1000 человек при 4 пулеметах смог укрыться в труднодоступных горных районах на границе Чечни и Дагестана и продолжать подрывную деятельность.

1921 г. характеризовался широкой реорганизацией органов и войск ВЧК, находившихся на территории Северного Кавказа. В марте 1921 г. в связи с полной советизацией Закавказья Политбюро ЦК РКП(б) решило разделить Кавказское бюро ЦК РКП(б) на Юго-Восточное (г. Ростов-на-Дону) и Кавказское (г. Тифлис) бюро ЦК РКП(б). В связи с этим произошло и разделение органов ЧК. В Ростове-на-Дону было создано полномочное представительство ВЧК по Юго-Востоку, а полномочное представительство ЧК по Кавказу переместилось в Тифлис. К апрелю формирование органов полномочных представительств закончилось. Полномочным представителем ВЧК по Юго-Востоку был назначен Г.А. Русанов[4].

На основании постановления Совета Труда и Обороны от 19 января 1921 г. все воинские части и отряды, состоявшие в ведении ВЧК, были сведены в особый вид войск – войска ВЧК[5]. К задачам, выполняемым ими, относилось обслуживание особых отделов полевых армий, органов ВЧК и ее окружных и местных представительств, а также выполнение оперативных заданий ЧК (борьба с бандитизмом и охрана общественного порядка)[6].

На основании пункта 5 «Основных положений организации войск ВЧК», утвержденных коллегией ВЧК 29 января 1921 г., «все виды войск ВЧК, находящихся на Кавказе, Украине, Западе, в Сибири и Туркестане, в порядке управления объединяются по названным окраинам и подчиняются полномочным представителям ВЧК этих окраин»[7]. В приказе войскам ВЧК от

---

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане (1917– 1921 гг.). Сб. документов и материалов. М., 1958. С. 496.

[2] *Кузьмин Ф.Н., Рунов В.А.* История военных действий российских и советских войск на Кавказе (XVII–XX вв.). С. 183–184.

[3] Россия и СССР в войнах XX века. С. 571.

[4] *Петров Н.В.* Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ на Северном Кавказе и в Закавказье (1918–1934 гг.). URL: http://http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/476870-1-prilozheniya-itogovomu-otchetu-proektu-rabota-obschestvennim-mneniem-rossii-dlya-sozdaniya-obektivnoy-sbalansirovannoy-o.php (дата обращения 13.07.2020).

[5] Министерство внутренних дел (1902–2002 гг.): исторический очерк. М., 2004. С. 172.

[6] Войска называются внутренними. С. 89.

[7] Цит. по: Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 298.

29 января 1921 г. № 1/с указывалось, что «полномочный представитель ВЧК управляет войсками через начальника войск ВЧК этой окраины, при котором состоит соответствующий штаб, и который непосредственно подчиняется командующему войсками ВЧК Республики»[1].

В соответствии с приказом войскам ВЧК от 31 января 1921 г. № 4/с началось формирование штаба войск ВЧК на Северном Кавказе, который до 14 июля 1921 г. назывался штабом войск ВЧК по охране Кавказской границы. Он состоял из строевого (отделения: организационное, отчетно-учетное, командного состава, службы и подготовки войск), оперативного (отделения: оперативное и охраны границы) и административно-хозяйственного (канцелярия, хозяйственно-информационное отделение, служба связи и комендатура) отделов. Численность штаба составляла 147 человек[2].

Войска ВЧК, дислоцированные на Северном Кавказе, включали в свой состав 2 отдельные бригады, объединявшие 9 отдельных батальонов.

С разделением полномочного представительства ВЧК на Кавказе на Юго-Восточное и Кавказское произошло и перераспределение войск между ними. На основании приказа войскам ВЧК Республики от 15 июля 1921 г. № 21 Штаб войск ВЧК на Северном Кавказе стал называться Управлением войсками ВЧК при полномочном представительстве ВЧК по Юго-Востоку, в состав которого вошли 58 (г. Екатеринодар), 59 (г. Новороссийск), 60 (г. Новочеркасск), 61 (г. Ростов-на-Дону), 62 (г. Ставрополь) и 63-й (г. Пятигорск) отдельные батальоны войск ВЧК, а также отряд особого назначения Северо-Кавказского военного округа (округ восстановлен 29 мая 1921 г.). Батальоны, дислоцированные во Владикавказе, Грозном и Темир-Хан-Шуре (64, 65 и 66-й) вошли в состав Управления войсками ВЧК при полномочном представительстве ВЧК по Кавказу[3].

Как показывает анализ литературы и источников, в течение 1921 г. в губернских чрезвычайных комиссиях также произошли организационные изменения, направленные на оптимизацию их деятельности в условиях окончания Гражданской войны. Приказом от 6 июля 1921 г. № 194/с «О реорганизации ЧК» все губернские ЧК России были разделены на категории. К первой категории (по особому штату) были отнесены губернские ЧК Москвы, Петрограда, Киева, Харькова и Одессы; ко второй – 63 губернские ЧК (из них на Северном Кавказе – Дагестанская, Кубано-Черноморская, Ставропольская, Терская, ЧК Горской республики); к третьей – 21 губернская ЧК (из них на Северном Кавказе – Грозненская, Новочеркасская, Дербентская, Порт-Петровская)[4]. Губернские ЧК первой категории имели в своем штате 226 человек, второй категории – 134, третьей – 80 человек[5]. В уездах на

---

[1] РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 21. Л. 81 об.

[2] Там же. Л. 86–87.

[3] Внутренние войска Советской республики. С. 274.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 517. Л. 356–357.

[5] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 183.

основании приказа ВЧК от 12 июля 1921 г. № 206 были созданы уездные политические бюро[1].

Как показывает проведенный авторами анализ документов, широкое распространение бандитизма в стране после окончания Гражданской войны не осталось без внимания органов ВЧК. Уже в конце 1920 г. появились рекомендации местным органам для действий в отношении этого явления. Так, доклад секретного отдела ВЧК от 11 декабря 1920 г. в качестве первоочередных мер по борьбе с бандитизмом выделил следующие: 1) создание единого руководящего и контролирующего органа по борьбе с бандитизмом; 2) вовлечение в борьбу с бандитизмом местного населения; 3) усиление агитационной кампании в прессе (призыв населения к активной борьбе с бандитизмом); 4) проведение массовой операции по ликвидации бандитизма в масштабах всей страны; 5) введение свежих воинских частей в местности, пораженные бандитизмом; 6) улучшение работы местных советских органов и 7) недопущение явлений, способствующих распространению дезертирства.

Ряд мероприятий, указанных в документе, был проведен и на территории Северного Кавказа. Так, 27 апреля 1921 г. решением Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) было объявлено военное положение в округах Северо-Кавказского края, «зараженных» бандитизмом[2]. 31 мая 1921 г. все губернские и областные комитеты партии получили циркуляр Юго-Восточного бюро РКП(б) с перечислением мер по борьбе с бандитизмом в целях успешного проведения курса новой экономической политики. Над бандитами, а также их укрывателями и пособниками было приказано проводить публичные суды. В отношении «станиц и деревень, упорно активно содействующих бандам и неисправимо контрреволюционным, необходимо… применять меры карательные вплоть до полного уничтожения станицы или села и массовых расстрелов, придав ему нужное освещение в глазах окрестного населения»[3].

С лета 1921 г. на Северном Кавказе военными совещаниями проводилась широкая пропагандистская работа, направленная на отрыв населения от бандитизма. Амнистированным бандитам давались твердые гарантии от возбуждения судебного преследования. В приказе Краевого военного совещания от 26 июля 1921 г. «О помиловании всех добровольно сдающихся бело-зеленых отрядов» указывалось, что «все сдавшиеся, согласно сего приказа, регистрируются в ближайшем военном комиссариате, после чего получают документы на право жительства в пределах Советской республики и особые охранные листы как гарантию от ареста после добровольной явки»[4].

---

[1] Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ (1917–1991 гг.). М., 2003. С. 388–389.

[2] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 350.

[3] Цит. по: Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 238.

[4] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 147.

Благодаря этому приказу к концу августа 1921 г. к мирной жизни вернулось более 1000 человек[1].

Однако амнистия не смогла решить проблему бандитизма в крае. С конца лета 1921 г. в оперативных и разведывательных сводках Северо-Кавказского военного округа начинают появляться сведения о подготовке Н. Гоцинским нового восстания в горных районах Чечни и Дагестана. В связи с этим председателем Краевого военного совещания К.Е. Ворошиловым был подписан приказ о переходе к решительным действиям по ликвидации бандитизма[2]. В соответствии с ним, захваченные в бою с оружием бандиты расстреливались на месте, семьи не сдавшихся бандитов выселялись за пределы округа, их имущество конфисковывалось и передавалось беженцам из голодающих губерний России. В районах наиболее активных действий бандитов предлагалось брать заложников и содержать их при особых отделах дивизий, вводить круговую поруку населения за укрывательство, а также строгий учет и именную перепись мужского населения.

18 октября 1921 г. газета «Советский Юг» опубликовала интервью с командующим 1-й Конной армией С.М. Буденным, в котором он указывал на обязательность проведения ряда мероприятий для ликвидации бандитизма на Северном Кавказе: «Необходимо уничтожить почву, на которую опираются бандиты, и порвать связь банд с сочувствующим населением. Для этого необходимо изъять мужской пол от 18 до 50 лет причастных к бандитизму семейств, семьи главарей выселить и имущество конфисковать…

Для проведения в жизнь этих мер во всех зараженных бандитизмом станицах вводятся комендатуры, водворяющие революционный порядок и проводящие в короткий срок проведение продналога… В станицах и близлежащих хуторах действуют экспедиционные отряды и чрезвычайные политические комиссии в составе представителя ВЧК, реввоентрибунала, войскового начальника и представителя парткома. Указанные меры борьбы проводятся и в Терской губернии. Для примера приведу Бугустанскую станицу. В этой ст[анице] мы взяли заложников, причастных к бандитизму, в количестве семи человек и расстреляли их. После расстрела заложников население немедленно взяло на себя обязательство возвратить бандитов из Бугустанского леса. В течение 24 часов было приведено 60 человек бандитов во главе с предводителем.

Полагаю, что только такими методами борьбы… мы сможем покончить в кратчайший срок с бандитизмом на Северном Кавказе»[3].

С ноября 1921 г. всем оставшимся на свободе членам банд было отказано в амнистии. Все граждане, заподозренные в связях с ними, а также кулаки и священнослужители подлежали высылке в северные районы страны. Семьи,

---

[1] *Симонова Т.М.* Беспощадное уничтожение, поголовное выселение. С. 5.

[2] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 239.

[3] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 356.

связанные с бандитами, но имевшие в своем составе красноармейцев, при высылке имели право сохранить свое имущество[1].

12 ноября 1921 г. командование Северо-Кавказского военного округа телеграфировало Главнокомандующему Вооруженными силами Республики С.С. Каменеву: «К настоящему времени обстановка [в] округе представляется [в] следующем виде: около 55% состава войск округа ведут беспрерывную борьбу [с] бандитизмом (в окружном масштабе), тенденции коего, несмотря на приближение зимы, не склонны идти на понижение»[2]. По данным оперативной части штаба войск ВЧК при полномочном представителе ВЧК по Юго-Востоку, только от трех отдельных батальонов ВЧК (58, 59 и 61-й) за 10 дней ноября 1921 г. к борьбе с бандитизмом ежесуточно выделялось 183 человека (до 7% личного состава). Наибольшее число выделяемого личного состава выпало на долю 58-го отдельного батальона войск ВЧК (ежедневно – до 15%), который привлекался к ликвидации банд в южной части Александровского уезда Ставропольского края, Пятигорском, южной части Святокрестовского, Моздокском и юго-западной части Кизлярского уезда[3].

Ряд военнослужащих ВЧК в ходе борьбы с бандитизмом был отмечен правительственными наградами. Так, командир эскадрона 63-го отдельного батальона войск ВЧК (г. Пятигорск) Ф.М. Лукашевич «28 октября 1921 г., будучи послан с конным отрядом навстречу банде, двигавшейся на Ессентуки со стороны Кармово, в 18 верстах от Пятигорска, невзирая на значительное превосходство сил банды, атаковал ее на походе, бросившись в атаку первым и примером своим увлекая за собой отряд, благодаря чему банда была рассеяна, понеся большие потери»[4]. Приказом Реввоенсовета Республики от 28 мая 1923 г. № 77 Ф.М. Лукашевич был награжден орденом Красного Знамени.

Однако, как показывает анализ документов, большая часть операций, проводимых в этот период, не отличалась успехом. Так, «Общий обзор повстанческого движения и бандитизма на территории СКВО за 1920– 1921 гг.» в качестве главных причин неудач в борьбе с бандитизмом отмечал следующие:

«неприспособленность Красной Армии в настоящих ее соединениях, ввиду связанности с тылами и некоторой громоздкости к борьбе с противником, не имеющим тылов и не связанным с определенными рубежами и могущими благодаря этому необычайно быстро маневрировать…;

планирование операций на запоздалых донесениях о пребывании противника в определенном месте;

недооценка сил, вернее, качеств противника… выражающаяся в пренебрежении к нему и вытекающей из этого халатности и несоблюдения секретности в операциях с ним…;

---

[1] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 240.

[2] Цит. по: *Симонова Т.М.* «Просьба обезоружить весь Кавказ…». С. 66.

[3] Подсчитано авторами по: РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 75. Л. 647.

[4] Цит. по: Внутренние войска Советской республики. С. 637–638.

полная или частичная апатия красноармейцев и комсостава в борьбе с ними[1], увеличивающая, кроме того, неуспешность действий тяжестью положения и отсутствием заинтересованности в успешности действий…;

слабая разведка;

вообще слабая военная подготовка как комсостава, так и бойцов Красной Армии, слабая дисциплина, внутренняя спайка и вытекающая отсюда малая боеспособность отдельных единиц, приводящая к их постепенному разложению в такой борьбе…»[2].

Все эти недостатки можно в полной мере отнести и к деятельности войск ВЧК по борьбе с бандитизмом. Как отмечал Терский военный комиссар в своем докладе от 15 октября 1921 г., «боеспособность войск ЧК можно считать удовлетворительной, но необходимо отметить, что эти войска выполняют задания ЧК по своей специальной работе и их участие в общей борьбе с бандитизмом едва ли можно назвать существенным. Милиция совершенно небоеспособна, настроена панически, совершенно не отвечает своему назначению. Таким образом, общий вывод о боеспособности войск Терской губернии отрицательный и можно сказать, что в Терской губернии не красные войска воюют с бандитами, а бандиты воюют с красными войсками, нанося им систематические поражения»[3].

По мнению авторов, наиболее крупным поражением подразделений ЧК на Северном Кавказе следует считать разгром отряда 65-го отдельного батальона ВЧК (г. Грозный) 4 января 1922 г. в Итум-Кале бандами шейха Дышнинского и бывшего продагента Алибека Али Султанова. В результате столкновения было убито 20 красноармейцев, захвачено бандитами 105 винтовок, 5 пулеметов, лошади, тачанки и другое имущество[4].

Реформа ВЧК 1922 г. затронула и местные правоохранительные органы. В результате проведенных преобразований в масштабах полномочного представительства ГПУ / ОГПУ руководство борьбой с бандитизмом было сосредоточено в отделении, входившим в состав секретного отдела. В работе отделения было выделено два основных направления: борьба с тайными организациями, вооружавшими и обучавшими бандитов, и борьба с вооруженными бандитскими формированиями и содействовавшими им лицами и группами[5].

Одновременно произошли и изменения в войсках ВЧК. На основании приказа начальника ГПУ от 1 марта 1922 г. войска ВЧК были реорганизованы в войска ГПУ[6]. Их основными задачами являлись: выполнение оперативных заданий местных органов ГПУ, борьба с контрреволюционными восстаниями и

---

[1] Бандитами. – *Прим. авт.*

[2] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 34 об. – 35.

[3] Там же. Д. 37. Л. 140 об.

[4] Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 10–10 об.

[5] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 353.

[6] Внутренние войска: Время. События. Люди. М., 2008. С. 45.

бандитизмом, несение караульной службы в гарнизонах, охрана особо важных государственных объектов, сооружений и транспорта[1].

В соответствии с приказом войскам ГПУ Республики от 9 июня 1922 г. № 191 части войск ГПУ подразделялись на три группы: 1) части, постоянно прикрепленные к центральным, губернским, уездным органам ГПУ, выполняющие оперативные задания и несущие караульную службу; 2) части, обслуживающие железнодорожные и водные органы транспортного отдела ГПУ; 3) особые части, предназначенные для борьбы с бандитизмом[2]. Данный приказ получил дальнейшее развитие во «Временном положении о службе особых частей войск ГПУ», утвержденном 19 октября 1922 г., в котором говорилось, что «части войск ГПУ, не прикрепленные к местным органам ГПУ с находившимися в распоряжении командующего войсками ГПУ округов и окраин, предназначенные для массового (применительно к полевой армии) применения, имеющие организацию отдельных стрелковых и кавалерийских полков и дивизионов и эскадронов, – составляют особые (маневренные) части войск ГПУ… На особые части войск ГПУ возлагается борьба с бандитизмом и контрреволюционными выступлениями»[3].

Характер применения войск ГПУ, выполнявших оперативные задания местных органов, в операциях по ликвидации бандитизма был определен приказом ГПУ от 27 июля 1923 г. № 314/429/71/сс. Использование войск при выполнении задач подавления и предупреждения контрреволюционных и бандитских выступлений, а также выполнение оперативных заданий органов ГПУ (облавы, обыски, засады, аресты) осуществлялось следующим образом:

«А. Борьба с бандитизмом.

1. Выделение на борьбу с бандитизмом производится распоряжением начальника органа ГПУ через соответствующего начальника части.

2. Органы ГПУ должны указывать войсковым начальникам цель каждой операции и, по возможности, способ ее выполнения…

Б. Оперативно-политические задачи.

1. Наряд на производство оперативно-политических заданий производится через строевого начальника распоряжением соответствующего начальника органа ГПУ.

2. Ответственность за проведение оперативно-политических заданий ложится на лиц, коим проведение операции поручено.

3. Во всех случаях привлечения войск ГПУ к проведению какой-либо операции строевой начальник части должен быть поставлен в известность о том, кто несет ответственность за проведение означенной операции»[4].

Продолжающаяся борьба с бандитизмом на Северном Кавказе обусловила специфику организации частей войск ГПУ–ОГПУ в этом регионе.

---

[1] *Кривец В.Д., Холоден В.Ф., Штутман С.М.* История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.). С. 64.

[2] Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 38.

[3] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 190.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 522. Л. 58–59.

Здесь формировались в основном кавалерийские дивизионы, имевшие возможность быстро реагировать на проявления бандитизма в том или ином районе. Так, по состоянию на 1925 г. в подчинение полномочному представителю ОГПУ по Юго-Востоку входили: 5-й Донской кавалерийский полк (г. Ростов-на-Дону), 26-й Кабардино-Балкарский (г. Нальчик), 45-й Терский (г. Пятигорск), 46-й Горский (г. Владикавказ), 47-й Кубано-Черноморский (г. Краснодар), 48-й Дагестанский (г. Махачкала), 50-й Армавирский, 51-й Ставропольский, 52-й Майкопский, 53-й Чеченский (г. Грозный) и 55-й Карачаево-Черкесский (г. Черкесск) кавалерийские дивизионы ОГПУ.

С 1922 г. на Северном Кавказе началось проведение военных операций, направленных на изъятие оружия у местного населения. Так, в мае 1922 г. в ходе проведения операции в Кубано-Черноморской области «изъято 459 человек неблагонадежных по бандитизму и пособников, отобрано и сдано населением 544 винтовки, 93 револьвера, 69 шашек, 193 кинжала, 2 пулемета, до 2000 патронов»[1].

Одновременно были проведены частные операции по разоружению чеченских аулов. Так, в результате проведенных в мае 1922 г. операций в аулах Катыр-Юрт, Ачхой-Мартан, Шалажи и Махкеты было изъято 28 бандитов, 1803 винтовки, 119 револьверов и до 15 тыс. патронов[2]. Ряд исследователей считает, что операции сопровождались бомбардировкой населенных пунктов с воздуха[3], однако подтверждений этому в архивах авторами не обнаружено.

Одновременно с операциями по разоружению местного населения органами ГПУ проводились операции, направленные на ликвидацию или добровольную сдачу руководителей банд. В результате операции, проведенной органами ГПУ в июле 1922 г. в ауле Шатой, добровольно сдался один из сподвижников Н. Гоцинского шейх Дышнинский[4].

Осенью 1922 г. обстановка на Северном Кавказе вновь обострилась. С октября в Чечне и Дагестане началась непосредственная подготовка к восстанию. По данным ГПУ, банды в основном концентрировались в районе Ведено (шейх Али Митаев) и Дылыма (Н. Гоцинский, полковник Шамхалов и турецкий офицер Гусейн Эфенди). Основной целью бандитских нападений была определена крепость Шатой[5].

В результате ряда операций, в которых приняли части Красной Армии и войска ГПУ, было арестовано 22 лидера банд, однако основные руководители вновь смогли скрыться в труднодоступных районах[6].

Несмотря на проведение ряда успешных военных операций, основной упор в деятельности советских, военных и правоохранительных органов в конце 1922 – начале 1923 г. был сделан на мирный путь решения проблемы

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 251.

[2] Там же.

[3] Например: *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 127.

[4] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 299 об.

[5] Там же. Л. 329.

[6] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 244.

бандитизма. 14 марта 1923 г. секретарь Президиума ВЦИК Т. Сапронов подписал распоряжение, в котором указывалось, что «участники бандитских восстаний на Северном Кавказе, добровольно явившиеся в период с 1921 г. по январь 1923 г. включительно, по предложению комиссии по борьбе с дезертирством Северо-Кавказского военного округа, подлежат полному помилованию и не могут быть за те же деяния вновь привлечены судебными органами и органами ГПУ к ответственности, а равным образом к ним не могут быть предъявлены со стороны потерпевших от банддвижений лиц и учреждений иски о возмещении нанесенного ущерба. Конфискованное имущество участников банд возврату не подлежит»[1].

Органами советской власти, ГПУ, НКВД и командованием СКВО был спланирован и осуществлен ряд других мероприятий, направленных на обеспечение «прогрессивного падения бандитизма», принесших определенные результаты. Так, 1923 г. характеризовался умелым привлечением советскими органами ряда религиозных деятелей на свою сторону. 20 ноября 1923 г. в с. Кахиб Гунибского округа был проведен съезд мусульман Дагестана, в воззвании которого верующих призвали к борьбе против Н. Гоцинского и его банд[2].

По мнению авторов, сочетание мирных способов привлечения мирного населения на свою сторону и военных операций по разоружению и изъятию бандэлемента (в ходе частных операций по разоружению Горской республики 27–30 ноября и 2–4 декабря 1923 г. арестован 71 бандит, изъято 2763 винтовки, 303 револьвера и 17 662 патрона; в ходе операции по разоружению Чечни 6–9 декабря и 16–19 декабря 1923 г. арестовано 68 человек, изъято 2889 винтовок, 384 револьвера, 7919 патронов[3]) способствовало массовому переходу ряда бандитских лидеров на сторону советской власти. 7 и 10 января 1924 г. в Чеченский отдел ГПУ добровольно сдались лидеры банд Парчаев и Маза Шадаев, причем последний привел с собой 15 человек[4].

Большинство военных руководителей полагали, что справиться с бандитизмом на Северном Кавказе возможно только применением военной силы. Однако начальник Восточного отдела ОГПУ Я.Х. Петерс и член РВС И.С. Уншлихт полагали, что «мы сейчас к такой войне не готовы и по политическим, и чисто военным соображениям. Сейчас следует принять меры для ограждения железных дорог и граждан от разбойничьих набегов чеченцев. Использовать для этой борьбы местные элементы, которые от упомянутых набегов страдают. В то же самое время подготовить планы и силы для более широкой операции»[5].

Успешные операции, проведенные военным командованием и правоохранительными органами против банд Северного Кавказа, привели к

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 3. Д. 20. Л. 61.

[2] *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. С. 34.

[3] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 276. Л. 6.

[4] Там же. Л. 33.

[5] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 3. Д. 20. Л. 54.

тому, что уже в декабре 1923 г. Н. Гоцинский через посредника сообщил в Дагестанский отдел ОГПУ о своем желании вступить в переговоры, в которых ему первоначально было отказано[1].

В начале 1924 г. А.И. Микоян передал В.М. Молотову информацию о том, что «известный контрреволюционер Н. Гоцинский изъявил согласие сдаться советской власти, отказываясь от звания имама и всякой общественной и религиозной деятельности, направленной против советской власти, при условии политической амнистии его и его сторонников, также освобождения сторонников находящихся под арестом… Считаю необходимым пойти на это»[2]. Однако начавшиеся переговоры ни к чему не привели.

В этих условиях полномочное представительство ОГПУ по Юго-Востоку предприняло ряд операций, направленных на силовое устранение лидеров банд. В апреле 1924 г. сотрудниками Чеченского отдела ОГПУ была проведена успешная операция в Грозном, в результате которой был арестован шейх Али Митаев. В ходе операции явились с повинной ряд активных сторонников Н. Гоцинского (Д. Айдемиров, М. Байсултанов и др.), что лишило его активной поддержки в Чечне[3].

6–12 мая 1924 г. сотрудниками Дагестанского отдела ОГПУ была проведена операция по изъятию Н. Гоцинского в ауле Дылым. В ее ходе были арестованы его ближайшие сподвижники в Дагестане. Однако сам Н. Гоцинский сумел скрыться на территории Чечни. Как отмечает М.М. Доного, этот «крупный успех чекистов и армейских частей произвел существенный перелом в борьбе»[4].

19 мая 1924 г., находясь в Чечне, Н. Гоцинский вновь обратился в Дагестанский отдел ОГПУ для возобновления переговоров, на что ему были предложены условия сдачи, заключавшиеся в гласном отказе от имамства и контрреволюционной деятельности. На это предложение Н. Гоцинский ответил «Нотой советскому правительству», в которой клеймил проводимую национальную политику большевиков. Однако неофициально он в отдельном письме все же просил продолжать вести с ним переговоры[5], но советская сторона больше не шла на уступки.

Видя безвыходность своего положения, Н. Гоцинский вместе с оставшимися сторонниками в Чечне (шейх Ансалтинский, Каим-Хаджи, А. Шамилев) вновь выдвинул лозунг восстания против советской власти. По данным разведотдела Северо-Кавказского военного округа в июне 1924 г. «особенно замечалась оживленная торговля оружием на базарах в Урус-Мартановском и Веденском округах. Причем русская кавалерийская винтовка

---

[1] *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. С. 34.

[2] РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 219. Л. 34.

[3] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 366.

[4] Цит. по: *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. С. 34.

[5] Там же. С. 35.

расценивается в 12 рублей, пехотная – в 10 рублей, револьверы «Наган» – в 15–25 рублей, «Маузер» – 50–70 рублей, патроны винтовочные – 35 копеек за штуку, револьверные – 30 копеек за штуку»[1].

Однако большая часть населения Северного Кавказа уже негативно относилась к проявлениям бандитизма в регионе. 1925 г. отмечен массовыми добровольными сдачами бандитов в руки правосудия. Так, в январе 1925 г. в Ножай-Юртовском участке добровольно сдались 72 бандита, в том числе руководитель банды Эстемиров; в Урус-Мартане «бандитский элемент дал торжественное обещание не заниматься бандитизмом, а население приняло наблюдение над порочным элементом»[2]. Это привело к тому, что окружением Н. Гоцинского начали распускаться слухи о его скоропостижной смерти[3]. В целом, по сообщениям разведотдела штаба Северо-Кавказского военного округа, «в случае выступления его могут поддержать лишь муллы и кулацкий элемент»[4].

Таким образом, к середине 1925 г. обстановка во всех районах Северного Кавказа (за исключением Чечни) в основном стабилизировалась. В Ингушетии на прошедшем 11 августа 1924 г. заседании Оргбюро было решено «ввиду добровольной явки бандитов и сложения ими оружия, а также ввиду выраженного на громадном митинге, состоявшемся в день объявления Ингушетии автономной областью, желания населения амнистировать их»[5], прекратить преследование бандитов и дать им возможность перейти к мирному труду. Срок регистрации добровольно явившихся бандитов был установлен до 15 августа 1924 г., одновременно были приняты меры по изъятию имеющегося оружия.

В Осетии действовало всего 2 уголовные банды, которые после ограблений уходили в Кабарду. В Карачаево-Черкессии в начале 1925 г. силами подразделений Красной армии и 55-го дивизиона ОГПУ были разоружены последние активно действующие банды[6].

В этих условиях советским руководством было принято решение нанести удар по бандитизму путем проведения широкомасштабных операций по разоружению населения и изъятию бандитского элемента. 31 июля 1925 г. Штаб РККА направил в адрес командующего СКВО И.П. Уборевича приказ № 014516, в котором одобрял его предложение о проведении окружных маневров на территории Чечни. «Вместе с тем, пользуясь сосредоточением значительного количества войск на территории Чечни (район предстоящих маневров), командование СКВО по согласованию с ПП[7] ОГПУ на Северном

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 276. Л. 108.
[2] Там же. Д. 287. Л. 16.
[3] Там же. Л. 18.
[4] Там же. Л. 57.
[5] Цит. по: Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 249.
[6] Там же.
[7] Полномочным представительством. – *Прим. авт.*

Кавказе намечает провести разоружение и изъятие бандитского элемента, что по ряду политических признаков является весьма своевременным»[1].

Руководителями операции были назначены: по линии войск – командующий войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевич; по линии ОГПУ – полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимов[2].

Проведению операции предшествовала длительная подготовительная работа органов ОГПУ. Перед ними были поставлены следующие задачи: подготовка к операции агентурного характера; организация взаимодействия работников ОГПУ с командованием воинских частей, привлекаемых к операции; подготовка в двухнедельный срок ориентировочных данных по населенным пунктам Чечни[3]. Впоследствии агентурному аппарату ОГПУ была поставлена задача добывать сведения о состоянии ресурсов снабжения в районах операции[4].

К началу операции на все населенные пункты Чечни были подготовлены анкеты, в которых указывалось количество жителей, в том числе мужчин, число дворов, состав населения по тейпам, количество оружия, изъятого во время операции, проведенной в декабре 1923 г., а также количество оружия, запланированного к изъятию.

Например, согласно анкете, в населенном пункте Ачхой-Мартан проживало 5502 человека, в том числе 3400 мужчин, насчитывалось 1304 двора. Аул населяли тейпы Тумсой (146 дворов), Чинахой (300), Антоколой (120), Акки (100), Этикалой (100), Центорой (100), Эдастой (100) и ряд мелких тейпов. В декабре 1923 г. в Ачхой-Мартане было изъято 393 винтовки, 391 патрон, 27 револьверов. Еще 100 винтовок было изъято на прилегающих хуторах. В ходе операции планировалось изъять 800 винтовок, 10 000 патронов, 175 револьверов[5].

В отношении ряда населенных пунктов указывались более подробные сведения. Например, в анкете аула Катыр-Юрт отмечалось: «Аул отличается антисоветскими настроениями. В 1922 г. здесь был убит председатель продовольственной сессии революционного трибунала Богданов. Вследствие отсутствия больших репрессий до операции царила уверенность в слабости власти и население вело себя вызывающе. Сейчас чувствуется перелом в этом с ростом советской общественности»[6].

Одновременно среди руководящего состава ОГПУ были распространены данные, характеризующие каждый район операции с указанием численности подлежащего изъятию оружия, лидеров банд, мест возможных столкновений с противником, а также основных задач оперативных групп ОГПУ (приложение 3).

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 303. Л. 67.
[2] Россия и СССР в войнах XX века. С. 572.
[3] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 249.
[4] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 303. Л. 43 об.
[5] Там же. Д. 277. Л. 8–8 об.
[6] Там же. Л. 16 об.

4 августа 1925 г. была принята «Инструкция по разоружению населения Чеченской автономной области», которая явилась руководящим документом для войск Северо-Кавказского военного округа и оперативных работников ОГПУ, участвовавших в операции (приложение 4).

Замысел операции строился на внезапном быстром разоружении населения горных районов с применением максимума репрессий с целью заставить население выдать скрывавшихся главарей банд[1]. Для этого территория Чечни была разделена на 7 районов, в каждом из которых действовали определенная войсковая группа и оперативная группа ОГПУ. Основными центрами бандитизма были определены Зумсоевское сообщество (6 аулов) и район Келой – Дай Шатоевского района, где предположительно находились Н. Гоцинский и шейх Ансалтинский.

Различные авторы приводят разную численность привлекаемых к операции войск Северо-Кавказского военного округа. Так, монография «Россия и Северный Кавказ: история и современность» оценивает группировку Красной армии в 6183 человека[2]; П. Аптекарь и авторы исследования «Россия и СССР в войнах XX века» считают, что общая численность привлекаемых войск составляла 6857 человек (пехоты – 4840 человек, кавалерии – 2017 человек)[3]; по мнению Н. Верта в операции принимало участие более 10 тыс. человек[4]. «Отчет штаба Северо-Кавказского округа о ликвидации бандитизма на территории Чеченской автономной области» от 12 сентября 1925 г. (приложение 5), обнаруженный авторами в РГВА, указывает, что в группировке Красной армии насчитывалось 6183 человека, вооруженных 137 станковыми и 102 легкими пулеметами, 14 горными и 10 легкими орудиями[5].

Особые оперативные группы ОГПУ, действовавшие совместно с подразделениями Красной армии в каждом районе, формировались из сотрудников Чеченского, Дагестанского, Владикавказского и Кабардинского отделов ОГПУ, а также контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. Группировка войск ОГПУ составлялась на основе приказа полномочного представителя ОГПУ от 8 августа 1925 г. № 6/03234/кро и представляла собой выделение личного состава из всех частей войск ОГПУ, расположенных на территории Северного Кавказа (приложение 6).

Руководящими документами для особых оперативных групп ОГПУ, участвовавших в операции по разоружению, стали разработанные полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю «Основные задачи особых оперативных групп ОГПУ при операции в Чеченской автономной области» (приложение 7) и «Инструкция о порядке производства массовых обысков по изъятию оружия и контрреволюционных и

---

[1] *Аптекарь П.* Война без конца и края. С. 74.

[2] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 252.

[3] Россия и СССР в войнах XX века. С. 572 ; *Аптекарь П.* Второе покорение Кавказа: Большевики и чеченские повстанцы. С. 46–47.

[4] *Верт Н.* Государство против своего народа. С. 151.

[5] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 284. Л. 3 об.

бандитских элементов при операции в Чеченской автономной области» (приложение 8).

Действиями особых оперативных групп руководила Центральная оперативная группа (ЦОГ ОГПУ) под руководством полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимова, которая дислоцировалась в Шатое.

Операция по разоружению Чечни (25 августа – 12 сентября 1925 г.) довольно подробно описана в отечественной исторической литературе[1]. Следует лишь указать на один малоизвестный факт, который часто обходят стороной исследователи: 29 августа 1925 г. была создана еще одна оперативно-войсковая группа под руководством начальника Чеченского отдела ОГПУ С.Н. Миронова в следующем составе: 82-й стрелковый полк, по одному эскадрону от 29-го и 30-го кавалерийских полков, 47-й и 53-й дивизионы ОГПУ. Задачей этой группы стало изъятие Н. Гоцинского и его сподвижника А. Шамилева, скрывшихся в труднодоступных горных районах. Именно эта группа 5 сентября 1925 г. в пещере в районе аулов Химой и Хакмадой арестовала Н. Гоцинского, шейха Джаватхана, их телохранителей братьев Мусаевых и других бандитов, не оказавших сопротивления[2].

В срочном порядке Н. Гоцинский был вывезен в Ростов-на-Дону, где 15 октября 1925 г. был приговорен к расстрелу[3].

В ходе операции было изъято 25 299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет Льюиса, 2 английских пулемета, 1 пулемет Максима, 1 горное орудие, 73 556 винтовочных и 1678 револьверных патронов[4]. По мнению Е.Ф. Жупиковой, общее количество изъятого оружия составляло примерно 75% имевшегося у населения до начала операции[5].

Из 242 разоруженных населенных пунктов 101 аул отказался добровольно сдать оружие и подвергся 10-минутному артиллерийско-пулеметному обстрелу. На 16 аулов, где скрывались наиболее видные руководители банд, было сброшено 104 пудовые бомбы, в результате чего взорвано 119 домов. Во время обстрелов погибло 6 и ранено 30 мирных жителей. В ходе оказанного сопротивления 12 бандитов были уничтожены[6].

---

[1] Например: Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 250–251; Россия и СССР в войнах XX века. С. 572–573; *Пашков А.Ю.* 1925 год: спецоперация Красной Армии. С. 5; *Жупикова Е.Ф.* К вопросу о разоружении Чечни в 1920–1925 годах // Труды Московского государственного педагогического института. М., 1998. С. 97–99; *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 131–133; *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 365–366; *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? С. 252–262 и др.

[2] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 366.

[3] *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. С. 35.

[4] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 285. Л. 17.

[5] *Жупикова Е.Ф.* К вопросу о разоружении Чечни в 1920–1925 годах. С. 98.

[6] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 284. Л. 8 об.

Всего за время операции было изъято 309 активных бандитов, из которых 105 – расстреляны[1].

Общие потери Красной армии и войск ОГПУ составили 5 убитых и 8 раненых красноармейцев, а также 10 сорвавшихся в пропасть лошадей[2].

Следует отметить, что помимо традиционного силового воздействия военным командованием и органами ОГПУ в ходе операции использовались и другие методы. Так, до ее начала среди населения были распространены листовки на аварском, чеченском и ингушском языках, в которых разъяснялась политика советской власти по отношению к горцам. Одновременно была объявлена амнистия всем членам банд, которые попали туда по принуждению или заблуждению[3].

Подводя итоги операции по разоружению Чеченской автономной области, командующий Северо-Кавказским военным округом И.П. Уборевич в приказе от 12 сентября 1925 г. № 149/оп особенно отметил отличившиеся части войск ОГПУ – полковую школу 5-го Донского кавалерийского полка, 26-й Кабардино-Балкарский, 47-й Кубанский и 53-й Чеченский дивизионы[4].

17 сентября 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О Чечне, Ингушетии и Дагестане», в котором говорилось:

«а) Распространить операцию разоружения и на Ингушетию, возложив проведение этой операции на войска ОГПУ и Военного ведомства, на тех же основах, на каких она была проведена в Чечне…

в) Предоставить ОГПУ право разрешения вопроса о применении высшей меры наказания, по соглашению с местными органами…»[5].

Операции в Ингушетии (23 сентября – 2 октября 1925 г.), Осетии и Сунженском округе (24 сентября – 5 октября 1925 г.) проводились по тому же сценарию, что и в Чечне. В их ходе было изъято 19 659 винтовок и 3229 револьверов, арестовано 179 активных бандитов[6].

Согласно плану командования Северо-Кавказского военного округа и полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея должны были разоружиться самостоятельно. К 30 октября 1925 г. население этих районов добровольно сдало 12 631 винтовку и 2924 револьвера[7].

Одновременно с крупномасштабными операциями по разоружению населения полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю были проведены частные операции по уничтожению руководства оставшихся крупных банд. Так, 29 августа 1925 г. отрядом 48-го Дагестанского

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 286. Л. 223.

[2] Там же. Д. 284. Л. 8.

[3] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 282–283.

[4] Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 101.

[5] Цит. по: *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? С. 261.

[6] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 251.

[7] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 382.

дивизиона войск ОГПУ была уничтожена банда Али-Булата – одного из сподвижников Н. Гоцинского в Дагестане[1]. В ноябре 1925 г. в районе Мереджой – Кий отрядом 53-го Чеченского дивизиона ОГПУ была проведена операция по уничтожению банды Т. Шипшиева. В результате, руководству банды вновь, как и во время операции по разоружению Чечни, удалось скрыться.

Проведенные операции по разоружению населения принесли свои результаты. Как отмечалось в сводке разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского военного округа от 4 декабря 1925 г., «в Чеченской автономной области после проведения операции по изъятию оружия замечается полное затишье в отношении бандитизма и одновременно до сих пор продолжается добровольная явка бандитов и сдача оружия»[2]. После окончания операции населением было сдано 447 винтовок, 27 револьверов, 1 орудие, 4 пулемета; добровольно сдались 565 лиц, находившихся в бандах[3].

Несмотря на то, что большая часть местного населения положительно отнеслось к проводимым операциям по разоружению, в октябре 1925 г. на имя секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микояна поступило несколько жалоб от жителей на то, что органы ОГПУ «из личных счетов или из кровной мести часто приговаривают невинных и арестовывают… даже расстреливают»[4].

В 1926 г. была проведена одна из самых сложных операций по разоружению населения – в Дагестане. Сложность заключалась в том, что отсутствовало единство мнений у политического и военного руководства в отношении методов ее проведения. Так, представители партийной организации Дагестана считали, что операция должна быть проведена с использованием метода политико-административного воздействия, а применение военной силы возможно лишь в крайних случаях. Представители Северо-Кавказского военного округа и полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в планировании операции делали главный упор на важность проведения разоружения республики в кратчайший срок, что могло привести к преобладанию военных и чекистских мер[5].

29 августа 1926 г. было принято решение о проведении разоружения Дагестана, основанное на плане военных и правоохранительных органов. В результате, 4 сентября 1926 г. началось проведение операции, в которой принимало участие до 16 тыс. человек, вооруженных 350 пулеметами, 30 орудиями, 6 бронемашинами. К операции привлекались бронепоезд и 18 самолетов[6]. Из состава полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в операции участвовало 278 сотрудников и

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 454. Л. 77.

[2] Там же. Д. 287. Л. 94.

[3] *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 132.

[4] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 129.

[5] Там же. С. 382–383.

[6] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 316. Л. 5.

1563 военнослужащих войск ОГПУ при 38 пулеметах[1]. Со стороны ОГПУ операцией вновь руководил полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимов.

До 10 сентября 1926 г. операция проходила под руководством военного командования и была направлена на изъятие оружия у населения. С 10 сентября руководство операцией перешло к органам ОГПУ, которые основной упор сделали на выполнении новой задачи: наряду с максимальным изъятием оружия, провести полную перерегистрацию «известных групп в целях проведения дальнейшего основательного фильтра»[2].

Изъятие оружия в Дагестане происходило довольно тяжело. Вооруженного противодействия оказано не было, но пассивное сопротивление сдаче наблюдалось в Даргинском, Кайтаго-Табасаранском, Гунибском и Аварском округах. Для ликвидации сопротивления «был применен административный нажим, полное окружение аулов и рейдирование авиации, после чего в настроении населения произошел определенный перелом. К 15 сентября поступление оружия вновь прекратилось, что свидетельствовало о том, что главная часть оружия действительно изъята»[3].

В ходе операции, которая завершилась 2 октября 1926 г. были изъяты и добровольно сданы 38 201 винтовка, 19 589 револьверов, 12 пулеметов и 561 граната. Было арестовано 1867 человек, но к началу октября освободили 1518 человек. Внесудебной тройкой полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю были рассмотрены дела по 139 обвиняемым, 7 из которых были приговорены к расстрелу, 41 – к 3 годам заключения в концентрационный лагерь, 3 – к 3 годам высылки в Сибирь[4].

В 1927–1928 гг. полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю проводились в основном частные операции, направленные на изъятие ушедших в подполье бандитов. К этим операциям уже не привлекались войска Красной армии – они проводились, в основном, сотрудниками и войсками ОГПУ. Так, в 1926–1928 гг. на территории Дагестана и Чечни был разгромлен ряд подпольных организаций (А. Ходжаева, М. Капиева и др.), скрывавшихся под видом коммерческих представителей фирмы «Анатолий Шеркет»[5], а в феврале 1927 г. Дагестанским отделом ОГПУ был арестован бывший командир карательного подразделения в составе банд Н. Гоцинского «Забанияд» К. Казиев[6]. В ходе операции, проведенной на территории Ингушетии в с. Алмуд 27 марта 1928 г., 26-й Кабардино-Балкарский дивизион войск ОГПУ совместно с 1-м Кабардино-Балкарским

---

[1] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 383–384.

[2] Там же. С. 384.

[3] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 316. Л. 11.

[4] Там же. Л. 14.

[5] *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 385.

[6] *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана. С. 48.

национальным дивизионом завершили разгром банды Темирхана Шипшиева, скрывавшегося с 1925 г.[1]

Таким образом, проведенный анализ деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ Северного Кавказа по борьбе с бандитизмом в период 1920–1928 гг. позволяет сделать ряд выводов:

Во-первых, в период 1920–1928 гг. на территории Северного Кавказа советскими, военными и правоохранительными органами были осуществлены мероприятия по борьбе с бандитизмом, основанные на комплексном применении партийных, общественных, военных и правоохранительных мер. Немаловажную роль в функционировании этой системы внесли органы и войска ВЧК – ОГПУ.

Во-вторых, в условиях широкого распространения бандитизма на территории Северного Кавказа основная ставка в начале 1920-х гг. была сделана на силовое разрешение проблемы. Проводимые карательные операции против районов, пораженных бандитизмом, позволили локализовать банды в труднодоступных горных районах, а затем полностью уничтожить их. Однако при решении проблемы бандитизма советские, военные и правоохранительные органы нередко прибегали и к мерам мирного характера, таким как проведение широких амнистий членам банд и разъяснительной работе среди мирного населения.

В-третьих, оперативно-служебная деятельность органов ВЧК – ОГПУ в рассматриваемый период строилась в тесном взаимодействии с военными органами. Это объясняется широким распространением бандитизма в регионе и невозможностью собственными силами вести борьбу с ним, как это было в других регионах страны. Основными формами деятельности в совместных операциях, проводимых с частями Красной армии, являлись: ведение агентурной работы среди членов банд, проведение разведывательных мероприятий, направленных на выявление настроений мирного населения в районе проведения операции и чекистское обслуживание операций (изъятие лидеров банд, учет изъятого оружия, конвоирование арестованных). Самостоятельное планирование и проведение операций полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю относится только к периоду 1924–1928 гг., что объясняется снижением численности банд, поворотом настроения населения в сторону мероприятий советской власти, а также активной разложенческой работой среди бандитов, которая приводила к массовому оттоку личного состава из банд.

В-четвертых, деятельность войск ВЧК – ОГПУ также строилась в тесном взаимодействии с деятельностью военных органов. Основной формой действий войск ВЧК – ОГПУ в борьбе с бандитизмом являлась специальная (чекистско-войсковая) операция, проводимая чаще всего военным командованием. Как было указано выше, самостоятельные операции, проводимые войсками ВЧК – ОГПУ, чаще всего заканчивались неудачей (разгром отряда 65-го отдельного

[1] Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ЦМ ВНГ РФ). Инв. № 9336. Л. 17.

батальона войск ВЧК в Итум-Кале в 1922 г., невыполнение поставленных задач 48-м отдельным дивизионом ОГПУ на первом этапе Дылымской операции 1924 г.). В совместных операциях применение войск ВЧК – ОГПУ носило ограниченный характер, что выражалось, в основном, выполнением оперативных заданий органов ВЧК – ОГПУ. Следует отметить, что именно эта задача повлияла на организационно-штатную структуру войск ОГПУ на Северном Кавказе – здесь создавались, в основном, отдельные кавалерийские дивизионы, обладавшие высокой мобильностью и способные выполнять задачи в отрыве от пунктов постоянной дислокации.

Подводя итоги, следует отметить, что операции по разоружению населения и изъятию бандэлемента в областях и республиках Северного Кавказа, проведенные органами и войсками ВЧК – ОГПУ в тесном взаимодействии с частями Красной армии, в период 1920–1928 гг. принесли определенные результаты – было проведено изъятие оружия, ликвидировано основное ядро банд, уничтожены их руководители, оставшиеся бандиты перешли в подполье. Однако, несмотря на проведенные мероприятия, полного изъятия оружия у населения не произошло, часть лидеров банд осталась в труднодоступных горных районах и перешла на нелегальное положение. Именно эти обстоятельства, а также проводимая с 1929 г. политика сплошной коллективизации, стали причинами новой активности банд на территории Северного Кавказа в начале 1930-х гг.

2.2. Особенности действий органов и войск ОГПУ в борьбе с бандитизмом в период проведения коллективизации на Северном Кавказе

Новый всплеск бандитизма на территории Северного Кавказа пришелся на 1929–1934 гг. и был связан с проведением коллективизации сельского хозяйства. Деятельность банд, как вышедших из подполья, так и вновь появившихся, создали условия для широкомасштабных карательных акций, проводимых органами и войсками ОГПУ. В деятельности органов и войск ОГПУ в этот период особенно выделяются следующие направления: проведение специальных мероприятий по депортации кулачества, ликвидация крупномасштабных выступлений населения, подстрекаемых лидерами банд, против проводимых мероприятий по коллективизации, а также борьба с мелкими бандами, дестабилизирующими общественно-политическую обстановку в регионе.

Начало политике коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе положили решения XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.), в которых указывалось: «Задача объединения и преобразования мелких индивидуальных

крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* в деревне»[1].

Однако до 1929 г. сопротивление политике коллективизации в советской деревне носило в основном пассивный характер и не имело широкого распространения, особенно в национальных районах Северного Кавказа. По мнению авторов, это объяснялось тем, что первоначально мероприятия советской власти осуществлялись в рамках политики ограничения кулачества, что выражалось во введении индивидуального обложения кулацких хозяйств, сокращении срока аренды и проведении ряда других мероприятий. В силу специфики региона они проводились, в основном, в русскоязычных районах Северо-Кавказского края.

Деятельность государственных органов по ограничению кулачества привела к активизации действий, направленных на противодействие проводимым мероприятиям. Уже с 1927 г. во всех регионах Советского Союза увеличивается численность кулаческих группировок, деятельность которых носила в основном политический характер, активно применявших методы физического террора в отношении представителей власти. Этот процесс на материалах Северного Кавказа представлен в таблице 2.

Таблица 2

Качественная характеристика кулацких группировок и их деятельности на территории Северного Кавказа в 1926–1927 гг.[2]

Годы	*Всего группировок*	*Явно политического антисоветского характера*	*Виды террора*				
			Убийства	*Избиения*	*Поджоги*	*Покушения*	*Всего*
1926 г.	78	14	4	17	3	24	48
1927 г.	220	22	1	12	14	32	59

Одновременно с ростом активности кулацких группировок началось их преобразование в организации, направленные на подготовку вооруженных восстаний против советской власти. Так, в сводке информационного отдела ОГПУ о политическом состоянии СССР за декабрь 1927 г. указывалось: «Отмечается рост активности реакционного и антисоветского кулачества, не только кулаков и зажиточных, но и середнячества по линии повстанческих настроений, выливающихся в разговоры и призывы к вооруженному восстанию, свержению советской власти, избиению местных советских и партийных работников и т.д. (Кубанский, Армавирский, Донской и Сальский округа)»[3].

[1] Цит. по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1970. С. 57.

[2] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 2. С. 1030–1031.

[3] Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 1. С. 278.

Всего по состоянию на октябрь 1929 г. на территории Северного Кавказа было зарегистрировано 3 крупные кулацкие контрреволюционные организации, готовившие вооруженные выступления. Характеристика одной из группировок, действовавшей на территории Терского округа и Дагестана, данная органами ОГПУ, представлена в приложении 9.

В связи с увеличением численности выступлений в деревне, а также ростом антисоветских настроений среди населения заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода 29 июня 1928 г. направил циркуляр в адрес полномочных представительств ОГПУ, в котором указывалось:

«1. Всем оперативным и секретным отделениям главным образом максимально активизировать свои действия в части работы, соприкасающейся с деревенской контрреволюцией.

2. Поставить полное и своевременное использование информации первичных материалов.

3. Усилить качество и количество спецосведомления по антисоветскому активу в деревне, использовать разъездную агентуру.

4. Агентурную и следственно-оперативную работу по террору и массовым антисоветским выступлениям сконцентрировать в секретном отделе, согласовав с местной прокуратурой вопрос о ведении следствия по этим делам только нашими органами.

5. Установить частную связь и достаточное инструктирование районных и уездных уполномоченных по разработкам деревенской контрреволюции, действительно осуществляя руководство по этим разработкам и используя все возможности не для бумажной, а для личной действенной связи.

6. Применять в случаях массовых антисоветских выступлений, кулацкого террора и по серьезным агентурным разработкам выезды работников секретного отдела на места для непосредственного проведения оперативной и следственной работы и для ознакомления и инструктирования на месте уездных и районных уполномоченных и осведомления по разработке»[1].

В соответствии с этим циркуляром была активизирована работа органов ОГПУ с так называемой деревенской контрреволюцией. Как отмечает А.М. Плеханов, основные усилия ОГПУ были направлены на недопущение установления тесных контактов кулацких группировок с контрреволюционными группами в городах. Поэтому основными формами работы секретного отдела ОГПУ в этом направлении являлись попытки ликвидации подпольных групп и организаций в городах, проведение специальных агентурно-оперативных мероприятий для разложения и дезорганизации всех контрреволюционных групп, «оперативное изъятие» из деревни не связанного с сельским хозяйством антисоветского актива, ведение учета антисоветского актива деревни, изучение формы и методов его действий и способов влияния на деревенскую жизнь и т.д.[2].

---

[1] Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). С. 389.

[2] Там же.

В связи с увеличением численности террористических актов в деревне Секретно-оперативное управление ОГПУ 10 апреля 1929 г. выпустило директиву № 72, которая обязывала районные аппараты ОГПУ активизировать работу по выявлению и изъятию оружия у населения. Для выполнения директивы предписывалось применять следующие меры: обнаружение лиц, незаконно хранящих оружие и скупающих его в уголовных и иных целях, производство обысков, учет и изъятие оружия, привлечение к суду граждан, незаконно использующих оружие[1]. В соответствии с этой директивой полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю к осени 1929 г. было изъято 1985 винтовок и револьверов, 3 пулемета и 5 гранат[2].

Во второй половине 1929 г. деятельность государственных органов Северного Кавказа была подчинена созданию как можно большего количества коллективных хозяйств. Районами сплошной коллективизации были объявлены Минераловодский, Дигорский, Георгиевский, Моздокский, Кущевский, Прохладненский и Мечетинский. Как указывает Н.А. Ивницкий, за период с 1 июня по 1 октября 1929 г. удельный вес коллективизированных хозяйств в Северо-Кавказском крае вырос с 7,3 до 19%[3]. Не стали исключением и национальные районы Северного Кавказа: численность колхозов в Дагестане увеличилась с 2,3 до 5,6%[4].

По мнению авторов, именно решение о переходе к сплошной коллективизации в национальных районах Северного Кавказа подтолкнуло их население к вооруженным выступлениям против проводимых мероприятий. Это подтверждается и авторами монографии «Россия и Северный Кавказ: история и современность», которые указывают, что причиной недовольства стали «господство в регионе традиционного уклада сельского хозяйства, отсталость технической базы, а также перегибы в отношении среднего крестьянства, представители которого по решению бедняцкого актива и местных руководителей могли зачисляться в разряд кулаков и подлежали экспроприации»[5].

Декабрь 1929 г. стал переломным в отношении населения к мероприятиям по коллективизации. Как отмечалось в сводке Информационного отдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе, «к десятым числам декабря наметилась неуклонно растущая активность кулацко-антисоветских элементов аула почти во всех нацобластях. Рост терактов идет почти исключительно на почве хлебозаготовок. Наибольшее количество (7 случаев) терактов зарегистрировано в Ингушетии. Специального внимания заслуживает новый для нацобластей вид террора – разгром помещений советских организаций и вооруженный разгром собраний (Чечня – 4 случая)… В

[1] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918–1939 гг.). Т. 2. С. 1082.
[2] Там же. С. 924.
[3] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 16.
[4] Там же.
[5] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 266–267.

нацобластях, по данным с 1 по 20 декабря зарегистрировано 7 массовых выступлений, из коих 5 имели место в Кабарде (все на почве хлебозаготовок)»[1].

Наиболее крупное выступление вновь произошло на территории Чечни. Как отмечал в своем докладе командующий СКВО И.П. Белов, «в Чечне... мы имели не отдельные бандитские, контрреволюционные выступления, а прямое восстание целых районов (Галанчож), в котором почти все население принимало участие в вооруженном выступлении»[2].

Причиной выступления явился организованный вооруженный отпор органам ОГПУ и уполномоченным НКВД при описании и изъятии имущества кулаков в населенных пунктах Шали и Гойты 7 декабря 1929 г. Одновременно население захватило ряд советских учреждений, в которых были взяты заложники. Требования сводились к прекращению арестов и конфискаций под предлогом коллективизации, отзыв из районов уполномоченных НКВД и восстановление шариатских судов[3].

Не имея возможности предотвратить выступление своими силами, полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю 8 декабря 1929 г. обратилось за помощью к Северо-Кавказскому военному округу с просьбой о выделении полевых частей для ликвидации выступления.

В результате 10 декабря 1929 г. на территории Чечни была начата операция, в которой приняли участие 1904 человека, вооруженных 75 пулеметами и 11 орудиями. От войск ОГПУ в операции приняли участие 5-й Донской кавалерийский полк и 53-й Чеченский дивизион войск ОГПУ. 11 декабря 1929 г. войсками штурмом был взят аул Шали, после чего банды покинули аулы Гойты и Беной, пользуясь малочисленностью сил, блокирующих селения[4].

К 29 декабря 1929 г. операция была завершена. В результате было изъято 290 винтовок и большое количество устаревшего огнестрельного оружия[5]. Однако, как отмечал в своем докладе заместитель начальника штаба Северо-Кавказского военного округа С.П. Урицкий, «декабрьская операция не внесла полного оздоровления в ситуацию в Чечне. Центральные фигуры – кулацко-бандитские и сектантские авторитеты сумели не только выйти из-под удара, но и усилить свое влияние»[6].

По мнению авторов, именно незавершенность операции в Чечне в 1929 г., благодаря которой большинству лидеров банд удалось скрыться в труднодоступной местности, и послужила толчком к началу крупномасштабных действий против советской власти. Как отмечает Г.В. Марченко, лидеры банд

---

[1] Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 92.

[2] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 350. Л. 31.

[3] *Полян П.* Коса и камень: конфликтный этнос в крепчающих объятьях советской власти // Звезда. 2007. № 12. С. 83.

[4] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 271.

[5] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 366. Л. 283.

[6] Там же. Д. 349. Л. 53.

пытались установить связь с жителями казачьих станиц Терека, населением Грузии, Ингушетии и Дагестана, недовольных проводимой коллективизацией[1].

В соответствии с требованиями центральных органов 8 января 1930 г. Северо-Кавказским краевым комитетом РКП(б) было принято решение «подвернуть выселению контрреволюционный кулацкий социально-опасный элемент, который замечен в срыве проводимых политико-экономических кампаний на селе, участвующий в вооруженной борьбе против советской власти»[2].

Всего планировалось выселить 20 тыс. кулацких хозяйств, из них 1575 – из национальных районов. Подготовка и проведение операции было возложено на полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, которое должно было «а) учет кулацких хозяйств, подлежащих выселению, и подготовительную работу кампании закончить к 5 февраля; б) 10 февраля начать операцию одновременно по всему краю, предоставив семье 7 суток на ликвидацию неконфискованного имущества; в) 20 февраля начать эвакуацию выселяемых, закончив ее к 1 марта 1930 г.»[3].

23 января 1930 г. вышла в свет директива ОГПУ № 3299 «О подготовительных мероприятиях по выселению кулацко-белогвардейского элемента из районов сплошной коллективизации», а 2 февраля 1930 г. был издан приказ ОГПУ № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса», которые являлись руководящими документами по проведению операции по выселению кулачества.

Как отмечено в докладе полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в ОГПУ СССР от 16 мая 1930 г. операция по ликвидации кулачества проводилась в два этапа:

– предоперационный период (15 января – 1 марта 1930 г.) – ликвидация активных антисоветских группировок и изъятие бандитов-одиночек;

– операционный период (1 марта – 15 мая 1930 г.) – проведение депортации кулачества[4].

Особое внимание в планировании операции уделялось применению войск ОГПУ. Так, в директиве начальника Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ И.А. Воронцова от 3 февраля 1930 г., направленной в адрес полномочных представительств ОГПУ, предписывалось сообщить в Москву данные по следующим вопросам:

– как предлагается использовать войска ОГПУ в том или ином округе в операциях по выселению кулачества;

– будет ли проведена переброска войск ОГПУ в районы выселения и их общая численность;

– из каких частей, какое количество личного состава, на какие сроки и в какие пункты будут переброшены войска ОГПУ;

---

[1] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 272.

[2] Цит. по: Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 268.

[3] Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 102.

[4] Там же. С. 452, 453.

– когда начнутся переброски войск, чтобы заблаговременно перевести денежные средства и довольствие.

В документе особо подчеркивалось, что войска ОГПУ должны использоваться как «*боевые кулаки* для проведения операций, распыление частей, использование их в целях конвоирования, охраны выселяемых категорически запрещается»[1].

Наибольшее внимание органов ОГПУ при подготовке к операции по выселению кулачества было обращено на Ингушетию и Чечню, где насчитывалось до 300 активных бандитов, «группирующихся по 20–40–50 человек и возглавляемых контрреволюционными авторитетами»[2]. В связи со сложностью обстановки командование Северо-Кавказского военного округа 8 февраля 1930 г. утвердило план использования частей округа на случай внутренних осложнений на территории Северо-Кавказского края и Дагестана, который предусматривал применение воинских частей Красной армии совместно с органами и войсками ОГПУ при проведении совместных операций против банд[3].

В ходе операции, проведенной 5–18 февраля 1930 г. органами и войсками ОГПУ на территории Ингушетии, было изъято до 200 бандитов[4]. Причем следует отметить, что в ней практически не использовались силы и средства Красной армии.

Одновременно было принято решение о повторной операции на территории Чечни. В протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1930 г. № 118 было указано, что в национальных районах Северного Кавказа коллективизация и раскулачивание должны проводиться «медленным темпом, в меру подготовки бедняцко-середняцких масс к идее коллективизации, в меру фактического поворота большинства деревни в сторону коллективизации»[5]. Одновременно было принято решение о введении в Чечню дополнительных воинских частей для более быстрой ликвидации бандитизма.

В марте 1930 г. в Чечне была проведена повторная операция, направленная на изъятие бандэлемента, в которой приняло участие 3920 человек с 16 орудиями[6]. Активное участие в ней принял 53-й Чеченский дивизион войск ОГПУ.

Всего же, по итогам операции с 15 января по 1 марта 1930 г. на территории Северного Кавказа было ликвидировано 283 контрреволюционные группировки общей численностью 1271 человек, 5 контрреволюционных организаций численностью 283 человека, арестовано 4563 человека, проходящих как контрреволюционеры-одиночки. Как отмечено в докладе

---

[1] Цит. по: *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 144.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 190. Л. 86 об.

[3] Там же. Л. 88–88 об.

[4] Там же. Д. 322. Л. 95.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 82.

[6] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 366. Л. 284.

полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, «активное большинство изъятых (около 92,2%) составляют по политическому прошлому активные кадры белогвардейского движения, участники контрреволюционных восстаний, бывшие бандиты, каратели, белые офицеры, атаманы, полицейские»[1].

Задача ликвидации бандитизма в Чечне и Ингушетии отвлекла внимание советских, военных и правоохранительных органов от активности банд в других районах Северного Кавказа. Восстания, произошедшие в Карачае и Дагестане (Дидоевское и Курахское восстания), были одними из самых крупных в регионе за все время коллективизации.

Так, в марте 1930 г. вспыхнуло восстание в Дидоевском районе Дагестана. Для его ликвидации была создана группировка войск под руководством командующего Северо-Кавказского военного округа И.П. Белова[2], общей численностью 3500 человек. На их вооружении находилось 40 пулеметов, 20 орудий и 3 самолета; для повышения мобильности отрядам были приданы автомобили[3]. К операции были привлечены подразделения 5-го Донского кавалерийского полка, переброшенного из Карачаево-Черкессии, а также 48 и 53-й дивизионы войск ОГПУ.

При ведении операций против банд, войска ОГПУ руководствовались директивой ОГПУ от 27 марта 1930 г. «Об упорядочении использования войск ОГПУ в борьбе с бандитизмом и усилении политработы в частях», которая упорядочивала систему применения войск в борьбе с бандами (приложение 10). Как указывала директива, особое внимание при подготовке к операциям необходимо было уделять проведению агитационно-пропагандистской работы среди населения районов, охваченных восстанием. По мнению Г.В. Марченко, целенаправленная агитация и пропаганда использовались и для того, чтобы склонить бандитов к явке с повинной, отказу населения от содействия бандам, а также для разоблачения дезинформации, широко применявшейся лидерами банд[4].

В ночь на 14 марта 1930 г. части оперативной группы прибыли на станции выгрузки и приступили к операции. Однако до середины апреля 1930 г. действия войск не имели успеха. Перелом произошел лишь в результате проведенной органами Дагестанского отдела ОГПУ агентурно-разложенческой работы среди местного населения. В результате 15 апреля 1930 г. подразделения войск ОГПУ без боя вступили в аулы Цехал и Гушат, где в первый же день разоружения было добровольно сданы 130 винтовок и 600 патронов[5]. К 23 апреля 1930 г. восстание в Дидоевском районе было полностью ликвидировано. Однако руководители восстания смогли скрыться на прилегающей территории Грузии. В проведении разоружения ряда

---

[1] Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 452.

[2] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 272.

[3] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 271.

[4] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 273.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 167. Л. 27.

населенных пунктов Дидоевского района (Шапах, Цоцман, Зундок, Хутроп, Гинух) принял участие и 1-й стрелковый дивизион 8-го отдельного Закавказского полка войск ОГПУ (г. Тифлис)[1]. Всего в ходе операции было изъято до 1500 единиц огнестрельного и 280 единиц холодного оружия; арестовано 122 бандита и освобождено 35 заложников. При проведении операции потери банд составили 19 человек убитыми. Потери группировки войск Северо-Кавказского военного округа и оперативных групп ОГПУ составили 14 человек убитыми (в том числе 7 сотрудников ОГПУ) и 22 – ранеными[2].

С 26 апреля 1930 г. в южных районах Дагестана (Табасаранский, Касумкентский, Курахский и Кумухский) появились крупные банды, общей численностью до 2500 человек[3], руководимые шейхом Штульским и крупным кулаком Хаджи Зейналом.

В ликвидации выступления приняли участие подразделения войск ОГПУ, освободившиеся после проведения операции в Дидоевском районе, и сводные отряды воинских частей, переброшенных из других регионов страны. Так, 2–3 мая 1930 г. на станции Белуджи и Мамед-Кала прибыли подразделения 1-го стрелкового полка войск ОГПУ, входившего в состав Отдельной дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского (467 человек), дивизион 6-го кавалерийского полка ОГПУ (г. Харьков) (120 человек) и полковая школа 1-го Белорусского полка ОГПУ (г. Минск). Все эти подразделения с 5 мая 1930 г. приступили к ликвидации Курахского восстания[4].

В ходе операции подразделениями 1-го стрелкового полка войск ОГПУ были применены новые формы борьбы против малочисленных банд. Так, при ликвидации группы Омара Муртазалиева район возможного нахождения банды был оцеплен секретами с целью лишения банды поддержки со стороны родственников из близлежащего аула. Одновременно район оцепления прочесывался войсковыми группами. На третий день операции секретам сдались 3 бандита. На пятый день операции одна из групп столкнулась с бандой. В результате кратковременного боя бандиты сдались. Как отметил командир полка Яценко в своем донесении о действиях в Нагорном Дагестане, «в условиях горной, лесистой местности опыт оцепления секретами месторасположения небольших банд и прочесывание района оцепления секретными группами является удачным опытом… Неуловимая в течение долгого времени банда во главе с опытным бандитом была вынуждена сдаться потому, что хорошо была налажена агентурная разведка, своевременно и удачно был засекречен район расположения банды, правильно была понята и проведена в жизнь задача секретной группы»[5].

---

[1] Центральный архив войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ЦА ВНГ РФ). Коллекция исторических формуляров. Д. 149. Л. 34.

[2] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 346. Л. 21.

[3] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 702.

[4] *Макоев Т.* Оружие не отбирать // На боевом посту. 2005. № 7. С. 40.

[5] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 3790. Л. 1.

Действия войск ОГПУ в Дагестане были высоко оценены. Приказом полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 1 июня 1930 г. № 80/49 личному составу 1-го стрелкового полка войск ОГПУ была объявлена благодарность[1]. Полк получил также грамоту от Дагестанского ЦИКа за успешное проведение операции по ликвидации ряда бандитских отрядов и ликвидации кулачества[2]. Грамотой был награжден и дивизион 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ[3]. Приказом ОГПУ от 20 августа 1930 г. № 270 всем воинским частям, принимавшим участие в ликвидации бандитизма на территории Северного Кавказа, была объявлена благодарность[4].

По завершении операций по раскулачиванию, проведенных в масштабе всей страны, 3 мая 1930 г. секретно-оперативное управление ОГПУ подготовило справку об использовании войск ОГПУ в операциях. Как указывалось в ней, положительными моментами в действиях войск явились: «а) способность войск переносить тяготы и лишения походной жизни и их достаточная подвижность и маневренность; б) умелое пользование тактическими приемами в ликвидации бандитизма и массовых выступлений; в) способность начсостава войск самостоятельно выполнять оперативно-чекистские задания, что в особенности показано в Северо-Кавказском крае; г) умелое сочетание решительности в применении оружия с разъяснительной политической работой; д) широкая и разумная инициатива, мужество и стойкость как начальников, так и в особенности рядовых бойцов; е) здоровое политико-моральное состояние войск, высокая политическая сознательность, выдержка и понимание текущей обстановки всем личным составом»[5].

Одновременно приводились и отрицательные моменты в действиях войск: «а) редкие случаи нерешительности и нераспорядительности начсостава; б) отсутствие своевременной информации органами ОГПУ начсостава выделяемых отрядов о характере предстоящей операции; в) недостаточное взаимодействие между чекистскими и войсковыми методами, в частности, слабое, в иных случаях, использование данных чекистской разведки; г) в ряде случаев отмечается неувязка между оперативным руководством и строевым командованием выделяемых отрядов. Имели место случаи, когда представители оперативного руководства вместо ясной и четкой постановки задач начальникам выделенных отрядов сами вмешивались в мелочи военно-технического порядка, что приводило к фактическому смазыванию роли строевых начальников и отрицательно отражалось на ходе операции.

Заслуживает внимания нерешительность некоторых оперативных начальников, выразившаяся в отдаче в короткое время совершенно разноречивых распоряжений, в частности, об открытии огня и т.п.»[6].

---

[1] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 244. Л. 24 об.

[2] Там же. Л. 108.

[3] Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 270–271.

[4] Там же. С. 281–282.

[5] Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 408–409.

[6] Там же. С. 409.

Значительное выделение личного состава воинских частей ОГПУ Северного Кавказа на специальные операции по раскулачиванию поставило вопрос об увеличении их численности в регионе. В течение 1930–1931 гг. было проведено переформирование некоторых воинских частей в сторону увеличения их численности за счет личного состава, переданного из Красной Армии, а также сформированы новые части, среди которых особенно выделялся 20-й отдельный Северо-Кавказский национальный кавалерийский дивизион войск ОГПУ (г. Нальчик).

Причиной создания подобного вооруженного формирования стало широкое привлечение местного национального актива к совместным операциям в период коллективизации сельского хозяйства. В ряде случаев из него формировали вооруженные отряды, действовавшие как совместно с войсками ОГПУ, так и самостоятельно по задачам и под непосредственным руководством представителей ОГПУ. После выполнения задач вооруженные формирования актива расформировывались[1].

На основании директив полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 10 и 28 июня 1930 г. отделы ОГПУ, расположенные в национальных районах (Чеченский, Кабардино-Балкарский, Дагестанский, Карачаевский, Владикавказский и Черкесский), должны были начать работу по привлечению личного состава в создаваемый национальный кавалерийский дивизион. Первоначально планировалось, что национальный состав части будет следующим: кабардинцы и балкарцы – 30%, дагестанцы – 30%, чеченцы, ингуши, осетины, карачаевцы и черкесы – по 10%[2]. Однако в силу некачественной работы по вербовке добровольцев, проводимой местными органами ОГПУ, а также значительной текучести кадров указанное соотношение национальностей постоянно менялось.

23 июля 1930 г. полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Р.А. Пилляром были утверждены условия, на основании которых производилось укомплектование дивизиона добровольцами (приложение 11).

По состоянию на конец 1930 г. дивизион состоял из трех сабельных взводов (первый – кабардинцы и дагестанцы, второй – кабардинцы, дагестанцы, балкарцы и карачаевцы, третий взвод – осетины, чеченцы и ингуши)[3]. Однако в ходе проведения операций против бандитизма в национальных районах, особенно после Шаро-Чеберлоевской операции 1931 г., состав взводов был переукомплектован таким образом, чтобы в них включались представители различных национальностей.

Однако создание новых воинских частей, в том числе и национального кавалерийского дивизиона, не смогло решить проблему борьбы с бандитизмом только силами ОГПУ. Большинство новых частей практически сразу после

---

[1] Очерк истории отдельного Северо-Кавказского национального кавалерийского дивизиона войск ОГПУ // ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 3839. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Там же. Л. 13.

формирования начали выделять необученный и не прошедший боевого слаживания личный состав на проведение операций. В результате большинство операций, проведенных полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в течение 1930–1931 гг., серьезных результатов не принесли. Исключением может являться операция в Шаро-Чеберлоевском округе Чечни (29 марта – 25 апреля 1931 г.), в которой приняли участие личный состав 53-го Чеченского дивизиона войск ОГПУ, 20-го отдельного Северо-Кавказского национального кавалерийского дивизиона войск ОГПУ, полка особого назначения ОГПУ (г. Грозный).

Начальник политотдела Управления пограничной охраны и войск ОГПУ Северо-Кавказского края Езерский, находившийся в оперативной группе во время проведения операции, в своем докладе от 20 мая 1931 г. особо отмечает служебно-боевую деятельность национального кавалерийского дивизиона, указывая, что он «до настоящего времени свое назначение оправдал и, обладая в общем удовлетворительными боевыми качествами, с успехом может быть использован в будущем в борьбе с бандитизмом и массовыми вооруженными и невооруженными контрреволюционными выступлениями»[1].

Несмотря на высокую оценку частям, в докладе приведены характерные недостатки, влияющие на качество проведения специальных операций. К ним в основном относились: неумелое окружение объектов, в которых находились руководители банд, недостатки в действиях командного состава (нерешительность, нечеткая и неуверенная отдача приказаний, отсутствие инициативы), плохая подготовка личного состава к проведению арестов и обысков, недостаточное материальное обеспечение, слабое знание личным составом дивизиона русского языка[2].

Невозможность проведения крупных специальных операций против бандитизма силами полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю показало новое восстание в Чечне, вспыхнувшее в феврале 1932 г. По данным особого отдела Северо-Кавказского военного округа оно было подготовлено кулаками и мусульманским духовенством совместно с бандами, действовавшими в Гумбетовском, Ауховском и Андийском округах Дагестана. Широкое вооруженное выступление планировалось вести с расчетом поддержки всей Чечни, Дагестана, Ингушетии и соседних казачьих районов, недовольных коллективизацией[3].

Руководство восстанием взяли на себя представители духовенства, местного зажиточного крестьянства, а также лидеры банд, скрывавшиеся в труднодоступных горных районах. Выступление возглавили Мацу Шамилев (руководитель секты Ташу Хаджи Ножай-Юртовского округа), Усман Ушхаев (бывший красноармеец Грозненского полка особого назначения ОГПУ) и

---

[1] Доклад о боевых качествах, общехозяйственном и политико-моральном состоянии и партийно-политической работе в Национальном кавдивизионе войск ОГПУ СКК // ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 6500. Л. 32.

[2] Там же. Л. 5, 9, 16, 18.

[3] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 274–275.

руководители бандгрупп Хасейн Истамулов, Дада Кебетов, Хаид Джайхоев, Макал Газгиреев и др.[1]

Суть требований сводилась к следующему: свержение большевиков (вследствие обобществления скота, обложения населения налогами и запрещения богослужений) и установление шариатской власти во главе с имамом. В начале марта 1932 г. отдельными бандгруппами был начат террор против местного советского и партийного актива, часть которого вследствие этого примкнула к восставшим, а часть придерживалась нейтралитета[2].

19 марта 1932 г. бандгруппами, вышедшими из-под контроля руководства, было убито 10 красноармейцев в Ножай-Юрте. Это привело к тому, что на следующий день на базаре аула Беной М. Шамилев призвал население к немедленному восстанию. Всего восстание охватило 8 аулов Ножай-Юртовского и 4 аула Веденского округа. Как отмечают документы ОГПУ, жители соседних районов «заняли выжидательную позицию, всецело готовые выступить»[3].

До 28 марта 1932 г. ОГПУ пыталось собственными войсковыми силами (оперативная группа начальника Чеченского отдела ОГПУ Г.Г. Крафта в составе 53-го Чеченского и 48-го Дагестанского дивизионов войск ОГПУ) ликвидировать банды, действовавшие в Ножай-Юртовском округе. Однако только подход частей Красной армии позволил разгромить группы восставших, основная часть которых 30 марта 1932 г. в районе Южного Алхороя пыталась прорваться на территорию Дагестана, но была остановлена войсками, блокирующими административную границу. К началу апреля 1932 г. почти все руководители банд скрылись на территории Итум-Калинского и Шаро-Чеберлоевского округов[4].

При ведении боевых действий только на территории Ножай-Юртовского округа потери банд составили 333 человека убитыми и 150 ранеными. Воинские части, принимавшие участие в подавлении восстания потеряли убитыми 27 и ранеными 30 человек[5].

Как отмечал командующий Северо-Кавказским военным округом Н.Д. Каширин 9 апреля 1932 г., «восстание надо считать подавленным главным образом потому, что оно было местным, не успевшим охватить всю Чечню, не успевшим связаться с Дагестаном и другими национальными областями, то есть оно имело более узкую базу, чем восстание 1930 г., и, наконец, потому, что части Красной Армии быстро сосредоточились, энергично продвигались вперед

---

[1] Доклад о действиях маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в Нагорной Чечне // ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 6136. Л. 1 об.

[2] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 276.

[3] Доклад о действиях маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в Нагорной Чечне. Л. 2.

[4] *Аптекарь П.* Война без конца и края. С. 142.

[5] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 376. Л. 71.

и действовали вполне решительно, что также отличает эту операцию от характера действий наших войск в 1930 г.»[1].

Несмотря на то, что основные силы восстания были разгромлены, руководители банд в Итум-Калинском и Шаро-Чеберлоевском округах к началу апреля 1932 г. развернули активную деятельность по подготовке нового вооруженного выступления. Как отмечалось в документах ОГПУ, в этих районах «наблюдается обактивление контрреволюционного и антисоветского элемента; ведется агитация...; заготавливается оружие, боеприпасы, продукты питания; составляются списки коммунистов и комсомольцев для последующей расправы. Деятельно работают контрреволюционные группировки «Бух-Бисана» (Итум-Калинский район), «Знакомцы» и «Террористы» (Шаро-Чеберлоевский район), «Мудрецы» (Шатоевский район)...»[2].

Для ликвидации банд на территории Нагорной Чечни полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю была создана Центральная оперативная группа (г. Грозный) во главе с начальником особого отдела полномочного представительства Курским. Общее руководство возлагалось на полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Р.А. Пилляра. В оперативном подчинении начальника ЦОГ по состоянию на 29 марта 1932 г. находились: полковая школа и кавалерийский дивизион 5-го Донского кавалерийского полка войск ОГПУ, 48-й Дагестанский и 53-й Чеченский отдельные дивизионы войск ОГПУ, Новороссийская маневренная группа ОГПУ, а также части железнодорожной охраны, милиция, партизаны, комсомольский и партийный актив, осуществлявшие охрану дагестанской границы[3].

В силу малочисленности войсковой составляющей Центральной оперативной группы ОГПУ 1 апреля 1932 г. на территорию Чечни был выслан маневренный отряд 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ (г. Харьков) (приложение 13).

К 25 апреля 1932 г. Центральная оперативная группа ОГПУ в ходе четырех последовательно проведенных операций (Итум-Калинская, Шаро-Чеберлоевская, Дайская и Хильдихароевская) в основном разгромила ядро банд, действовавших в горных районах Чечни. В их ходе был арестован 101 человек, изъято 684 единицы огнестрельного и 36 единиц холодного оружия. Потери войск ОГПУ составили 2 человека ранеными[4].

Следует отметить особенность действий подразделений 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ при проведении операций в населенных пунктах, расположенных в труднодоступной горной местности, впоследствии активно применявшейся в годы Великой Отечественной войны – «...действовать приходится... спускаясь вниз, в ущелья, где расположены аулы и

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 376. Л. 63.

[2] Доклад о действиях маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в Нагорной Чечне. Л. 2 об. Более подробно обстановка к моменту начала операции представлена в приложении 12.

[3] Там же. Л. 31–32.

[4] Там же. Л. 96–97.

хутора... Такой маневр наиболее приемлем для осуществления внезапности действий (операцию горцы ждут всегда снизу)»[1].

Действия маневренной группы 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ, сыгравшего основную роль в ликвидации последствий восстания в Чечне 1932 г. были высоко оценены полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю (см. приложение 14).

Разгром выступления 1932 г. стал причиной для наращивания группировки войск ОГПУ на Северном Кавказе. На базе наиболее боеспособных воинских частей были сформированы кавалерийские полки, состоявшие из кавалерийских дивизионов, которые могли действовать в отрыве от пункта постоянной дислокации одновременно на нескольких направлениях.

Приказом полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 4 августа 1932 г. № 322/178 на базе 45-го Терского дивизиона войск ОГПУ был сформирован 81-й кавалерийский полк войск ОГПУ с пунктом дислокации в г. Пятигорск[2], а на базе 48-го Дагестанского дивизиона войск ОГПУ – 80-й кавалерийский полк войск ОГПУ (г. Махачкала)[3].

Одновременно руководством ОГПУ принимались меры по обеспечению войсковой охраной наиболее важных объектов, которые могли бы стать объектом нападения мелких бандгрупп. На основании приказа полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 8 октября 1932 г. № 436/242 для охраны объектов Северо-Кавказской железной дороги был сформирован 9-й Северо-Кавказский железнодорожный полк войск ОГПУ (с декабря 1932 г. – 23-й Северо-Кавказский железнодорожный полк войск ОГПУ)[4]. Для охраны Грозненских нефтяных промыслов в январе 1933 г. был сформирован 38-й полк войск ОГПУ с дислокацией в г. Грозный[5].

Однако в силу переформирования воинских частей, проведения в них боевого слаживания руководство ОГПУ для поддержания стабильной общественно-политической обстановки в регионе вернулось к практике применения маневренных отрядов, составленных из наиболее боеспособных воинских частей из центральных районов Советского Союза.

С осени 1932 г. в составе группировки войск ОГПУ на Северном Кавказе находился кавалерийский полк отдельной дивизии оперативного назначения ОГПУ им. Ф.Э. Дзержинского. На основании приказа полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 7 декабря 1932 г. из состава полка был выделен маневренный отряд (219 сабель, взвод станковых пулеметов, взвод связи, орудие и 5 бронемашин) под командованием командира полка Розена с целью борьбы с остатками банд в Чечне. «В этой операции полк имел ряд столкновений с бандитскими группами, в которых разгромил и уничтожил несколько бандгрупп и изъял несколько сот человек

---

[1] Доклад о действиях маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в Нагорной Чечне. – Л. 39.

[2] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 215. Л. 1.

[3] Там же. Д. 358. Л. 1.

[4] Там же. Д. 466. Л. 1.

[5] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 3835. Л. 1.

антисоветского и контрреволюционного актива. Полк также провел большую политическую работу среди населения Горной Чечни»[1].

При проведении операции в ауле Беной-Ведено в бою с бандой погибли командир сабельного дивизиона полка П.В. Спивак и командир взвода А. Толстов. На основании приказа ОГПУ от 20 июля 1933 г. № 120 военнослужащие были навечно зачислены в списки кавалерийского полка отдельной дивизии оперативного назначения[2].

С января 1933 г. личный состав вновь сформированных полков начал выделяться для проведения специальных операций против банд. Так, уже 16 января 1933 г. в распоряжение Центральной оперативной группы ОГПУ в Чечне для проведения чекистско-войсковой операции, направленной на ликвидацию отдельных мелких бандгрупп, был выделен личный состав кавалерийского дивизиона, сводный стрелковый дивизион и школа младшего состава. Всего к проведению операции было привлечено 470 человек, что составляло 34,8% от штатной численности полка[3].

Особенностью боевого применения подразделений 38-го полка войск ОГПУ в операции, проводимой до 31 марта 1933 г. стало то, что отсутствовал самостоятельный боевой участок, выделенный специально для полка, в результате этого подразделения действовали в отрыве друг от друга.

В результате операции подразделениями 38-го полка ОГПУ были нанесен существенный ущерб бандам Макала Газгиреева, Хусейна Истамулова, Мусы Хадисова. Большинство бандитов были уничтожены, но в основном всем руководителям удалось скрыться в районах Горной Чечни[4]. По результатам операции личный состав 38-го полка войск ОГПУ 29 апреля 1933 г. был награжден грамотой Чеченского областного исполнительного комитета.

Помимо этого, к операциям на территории Чечни в 1933 г. привлекались подразделения 80-го Дагестанского полка войск ОГПУ[5] и 23-го железнодорожного полка ОГПУ[6].

Результатом проведенных операций стало то, что в течение 1932–1934 гг. был ликвидирован основной состав бандгрупп, действовавших на территории Северного Кавказа. Большая часть бандитов была либо уничтожена, либо вернулась к мирной жизни, либо скрылась в труднодоступных горных районах (это в основном касалось руководителей банд).

Таким образом, проведенный анализ действий органов и войск ОГПУ в операциях 1929–1934 гг. позволяет сделать ряд выводов:

Во-первых, в рассматриваемый период полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю стали проводиться крупные самостоятельные операции, направленные на ликвидацию бандитизма и стабилизацию общественно-политической обстановки в регионе. Это

---

[1] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 10. Л. 44.
[2] История внутренних войск: в 5 т. Т. 2 (1917–1941 гг.). М., 2013. С. 319.
[3] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 3835. Л. 2 об.
[4] Там же. Л. 3–4.
[5] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 358. Л. 5.
[6] Там же. Д. 277. Л. 4.

объясняется рядом факторов: 1) невозможностью привлечения крупных армейских масс к операциям вследствие немногочисленности противника и его нахождением в труднодоступных районах; 2) постоянным увеличением войсковой составляющей в группировке ОГПУ на Северном Кавказе за счет изменения организационно-штатной структуры наиболее боеспособных воинских частей и привлечения маневренных групп из центральных районов Советского Союза.

Во-вторых, чекистско-войсковые операции против банд проводились одновременно с мероприятиями по очищению деревни от классово чуждых элементов (кулаков, священнослужителей, лиц, лишенных избирательных прав и др.). Причем эти мероприятия планировались как взаимно дополняющие друг друга (ярким примером является операция по депортации кулачества 1930 г.).

В-третьих, обращает на себя совершенствование организационно-штатной структуры войск ОГПУ Северного Кавказа. В рассматриваемый период на базе наиболее боеспособных воинских частей были созданы кавалерийские полки, дивизионы которых могли использоваться отдельно на разных направлениях. Именно на эти высокоманевренные воинские части, способные действовать в различных условиях обстановки и несколькими подвижными группами, была возложена задача борьбы с бандитизмом.

В-четвертых, войска ОГПУ в чекистско-войсковых операциях начали применять такие виды войсковых нарядов как разведывательно-поисковые группы, секреты, засады, посты наблюдения, дозоры, группы охраны и конвоирования, получившие свое дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период в ходе борьбы с националистическим подпольем в западных регионах СССР. Ряд тактических форм, получившие широкое распространение и в последующее время (например, проведение операций в горных районах путем спуска с гор в район операции, а не путем подъема с равнины) впервые были применены войсками ОГПУ на территории Северного Кавказа именно в 1930-е гг.

В-пятых, особого внимания заслуживает опыт усиления войсковой группировки в районе проведения операции в течение короткого времени. Для ликвидации крупномасштабных выступлений получила развитие практика переброски маневренных групп частей войск ОГПУ из различных регионов страны в район проведения операции. Причем маневренная группа составлялась из личного состава одной из наиболее боеспособных частей, имевшей опыт борьбы с бандитизмом, а не из сводных подразделений. Это позволяло сократить время боевого слаживания, осуществить переброску подразделений в сжатые сроки к району операции (от 2 до 7 дней) и сразу же приступить к действиям в указанном районе.

В-шестых, в ряде операций 1929–1934 гг. продолжалось совершенствование взаимодействия органов и войск ОГПУ с подразделениями Красной армии. Операции проводились совместно при наличии крупномасштабного вооруженного выступления в определенном районе. Основную роль в операциях стали играть войска ОГПУ, а подразделения Красной армии могли выделяться им в помощь, если действия полномочного представительства ОГПУ не позволяли стабилизировать обстановку.

2.3. Оперативно-служебная деятельность органов и войск НКВД по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в 1935 – июне 1941 г.

После подавления крупномасштабных выступлений населения против политики сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1929–1934 гг. обстановка в национальных районах Северного Кавказа в основном стабилизировалась. В большей степени этому способствовал ряд мероприятий советских и партийных органов, направленных на совершенствование административно-территориального деления Северного Кавказа. Так, в декабре 1936 г. статус автономной республики был предоставлен Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономным областям. По мнению Г.В. Марченко, после указанных событий «у части горского населения появились иллюзии, что это является реальным шагом к достижению подлинной независимости»[1]. Подобная деятельность государственных органов в целом привела к окончанию межнациональных споров и отрыву населения от лидеров банд практически во всех районах Северного Кавказа, за исключением труднодоступных горных районов Чечни, Ингушетии и Дагестана, оставшихся базой лидеров банд.

Одновременно предпринимались и меры по налаживанию жизни деревни. Особый упор здесь делался на развитие материально-технической базы колхозов и совхозов. Так, только в Чечено-Ингушетии к 1937 г. уже имелось 18 машинно-тракторных станций, в которых насчитывалось 680 тракторов, 177 автомашин и 175 комбайнов[2]. В республике к 1939 г. было создано 412 колхозов (чеченских – 321, ингушских – 67, русских – 23, еврейских – 1)[3].

Однако, несмотря на определенные сдвиги, горные районы Чечни, Ингушетии и Дагестана создавали определенные проблемы. Так, в течение 1934–1936 гг. здесь была сорвана займовая кампания, не выполнен план прополочных работ, неудовлетворительно развертывалась уборочная кампания. Многие колхозники не выходили на работу. Массовыми явлениями стали воровство хлеба на корню и при обмолоте, кражи колхозного скота[4].

«Краткая историческая справка об экономическом и политическом состоянии бывшей Чечено-Ингушской АССР за период с 1937 по 1944 г. включительно», подготовленная начальником управления МВД по Грозненской области полковником Дементьевым 27 августа 1956 г., подтверждает факт того, что в горных районах Чечни и Ингушетии колхозное строительство не получило распространения, а руководство в них заняли лица, склонные к

---

[1] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 278.

[2] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 274.

[3] Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). Сб. документов и материалов. М., 2011. С. 457.

[4] Россия и Северный Кавказ: история и современность. С. 273–274.

собственной наживе, тесно связанные с духовенством и скрывавшимися в горах лидерами банд.

По мнению автора документа, в указанных районах в колхозном строительстве получил распространение так называемый «Экажево-Сурхохинский метод», под которым подразумевался «...метод проведения крупных кулацких антиколхозных махинаций, при которых колхоз сохраняет только свою внешнюю видимую оболочку, при этом часто подрисованную, но теряет все колхозное содержание»[1].

Поддерживаемые отдельными категориями населения, банды вновь активизировали свою деятельность. Однако их деятельность теперь ограничивалась горными районами Чечни и Ингушетии и носила, в основном, террористический характер. Как отмечалось в докладе о положении дел с бандитизмом в Чечено-Ингушской АССР, подготовленном народным комиссаром внутренних дел Чечено-Ингушетии лейтенантом госбезопасности П.Н. Рязановым 25 февраля 1939 г., «Чечено-Ингушская республика является единственным местом в Советском Союзе, где сохранился бандитизм, тем более в... открытых, явно контрреволюционных формах»[2].

Именно в такой обстановке пришлось действовать органам и войскам НКВД[3], на которые в рассматриваемый период всецело была возложена борьба с бандитизмом.

Приказом начальника управления НКВД СССР по Северо-Кавказскому краю от 3 сентября 1934 г. № 75-32 в состав внутренней охраны НКВД СССР вошли следующие части, подчиненные Управлению внутренней охраны НКВД СССР по Северо-Кавказскому краю:

5-й Донской кавалерийский полк (г. Ростов-на-Дону);

16-й Дагестанский кавалерийский полк (г. Махачкала);

17-й Пятигорский кавалерийский полк (г. Пятигорск);

167-й полк по охране особо важных объектов промышленности (г. Грозный);

58-й Северо-Кавказский железнодорожный полк (г. Армавир);

59-й Северо-Кавказский железнодорожный полк (г. Ростов-на-Дону).

Кроме указанных частей, в состав внутренней охраны НКВД СССР по Северо-Кавказскому краю входили 20-й отдельный национальный

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 12–13.

[2] Там же. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[3] На основании постановления Центрального Исполнительного Комитета СССР от 10 июля 1934 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР, в состав которого вошло Объединенное государственное политическое управление. Постановление возложило на НКВД выполнение следующих задач: «обеспечение революционного порядка и государственной безопасности; охрана общественной (социалистической) собственности; запись актов гражданского состояния; пограничная охрана» (Цит. по: Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. М., 1997. С. 184). На основании приказа НКВД СССР от 28 июля 1934 г. № 0015 войска ОГПУ были переданы в состав внутренней и пограничной охраны Народного комиссариата внутренних дел, переформированной в 1938 г. в пограничные и внутренние войска НКВД СССР.

кавалерийский дивизион, 15-й авиационный отряд и 11-й отдельный противовоздушный дивизион[1].

Период 1935–1937 гг. в целом можно выделить как не имеющих активных боевых столкновений войск НКВД с бандами. Анализ документов, проведенный авторами, показал, что воинские части выделяли лишь небольшие розыскные группы, направляемые для поимки или ликвидации небольших банд. Так, из состава 16-го кавалерийского полка внутренней охраны (г. Махачкала) в рассматриваемый период было выделено лишь 15 видов войсковых нарядов (в основном поисковые группы в составе не более взвода) для действий против банд как на территории Дагестана, так и Чечни. Из указанного числа всего 4 группы имели боестолкновения, в результате которых было уничтожено 11 человек, изъято 2 винтовки, 360 патронов, 1 револьвер и бинокль[2].

Толчком для выхода банд из подполья стала «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов», проведенная на территории Северного Кавказа в 1937–1938 гг. Основой для ее проведения стал оперативный приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В числе лиц, арестованных в первую очередь, оказались, в основном бывшие рядовые участники банд, а также те, кто оказывал бандам материальную и моральную поддержку[3].

Одновременно был «раскрыт» «Буржуазно-националистический центр Чечни и Ингушетии» общей численностью 137 человек. В его состав вошли председатель правительства ЧИАССР А. Горчханов и его заместители, второй секретарь обкома партии Х. Вахаев, наркомы земледелия, здравоохранения, финансов, просвещения, председатель Верховного Суда, все члены ЦК Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) из числа чеченцев и ингушей, большинство председателей районных и сельских советов, секретарей райкомов партии. Главным обвинением против них в суде выдвигалось создание Северо-Кавказской федеративной республики под протекторатом Англии или Турции[4].

В других республиках Северного Кавказа в ходе операции также были репрессированы партийные и советские кадры. Так, был арестован первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Б. Калмыков. В Северной Осетии из 11 членов обкома было арестовано 9[5].

По данным ряда исследователей[6], в ходе операции только на территории Чечено-Ингушетии за период с августа 1937 г. по март 1938 г. было

---

[1] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 3835. Л. 27.

[2] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 358. Л. 6 об. – 8.

[3] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). С. 76.

[4] *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 279–280.

[5] Там же. С. 280.

[6] Например: *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.). С. 279 (указанные данные автором взяты из следующего источника: *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991).

репрессировано до 14 тыс. человек. Однако в сводке Главного управления государственной безопасности НКВД № 33 (составлена не ранее 1 марта 1938 г.) даны совершенно другие данные (таблица 3).

Таблица 3

Данные о проведении операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов по состоянию на 1 марта 1938 г.[1]

Наименование республики, края	*Утверждено*			*Всего арестовано на 1 марта 1938 г.*	*Осуждено*		
	1-я категория	*2-я категория*	*всего*		*всего осуждено*	*по 1-й категории*	*по 2-й категории*
Дагестанская АССР	2000	2800	4800	4976	5046	2242	2804
Кабардино-Балкарская АССР	1300	1200	2500	3024	3100	1900	1200
Северо-Осетинская АССР	850	1102	1952	1994	2002	856	1146
Чечено-Ингушская АССР	4410	5698	10 108	6719	6767	2888	3879

По состоянию на 1 июля 1938 г. численность репрессированных по приказу № 00447 достигла следующих цифр: Дагестанская АССР – 5008, Кабардино-Балкарская АССР – 3220, Северо-Осетинская АССР – 1815, Чечено-Ингушская АССР – 6753 человека[2].

Следует отметить, что к проведению операции активно привлекались воинские части внутренней охраны НКВД. Так, из личного состава 16-го кавалерийского полка с целью изъятия и охраны антисоветского и контрреволюционного элемента на территории Дагестана и Чечни было сформировано 8 оперативных групп (дислокация – Хунзах, Дербент, Хасавюрт, Кизляр, Буйнакск, Галанчож, Шатой, Курчалой). Основу оперативной группы составлял кавалерийский взвод[3].

Личный состав 59-го Северо-Кавказского железнодорожного полка и 5-го Донского кавалерийского полка на основании распоряжения начальника внутренней охраны НКВД по Северо-Кавказскому краю от 2 августа 1937 г. № 192296/1 для прикрытия операции по изъятию контрреволюционного элемента выделили 4 оперативные группы с задачей охраны мест концентрации изъятых лиц[4].

---

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5, кн. 1. М., 2004. С. 55–56.

[2] Там же. С. 161.

[3] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 358. Л. 8–9.

[4] Там же. Д. 466. Л. 14.

Одновременно с проведением операции по изъятию антисоветского элемента органами НКВД Северного Кавказа было принято решение о ликвидации оставшихся в регионе банд и изъятию оставшегося оружия у местного населения. На основании приказа начальника управления НКВД по ЧИАССР от 25 июля 1937 г. № 1 личный состав 167-го полка войск НКВД был привлечен к операции. Всего выделялось 245 человек, объединенных в 15 оперативных групп. Однако с 8 августа, в связи с уходом основных лидеров банд в подполье, на основании приказа начальника управления НКВД по ЧИАССР № 2/оп были сформированы 2 боевых участка и проведена перегруппировка подразделений полка. Первый боевой участок охватывал населенные пункты Гуни, Ялхой-Мохк, Гудермес и Курчалой; второй – территорию Ингушетии. Одновременно с этим, сводный пулеметный дивизион полка нес охрану трех временных домов предварительного заключения в Грозном[1]. Подразделения полка привлекались к операции до 25 сентября 1937 г., однако, результативность их действий оказалась довольно низкой. Большинство лидеров бандгрупп вновь ушли в труднодоступные горные районы.

Операция по изъятию оружия, проведенная оперативной группой Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР и Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД ЧИАССР в период с 15 декабря 1937 г. по 1 мая 1938 г. имела более значительные результаты. Всего в ходе операции было изъято: винтовок всех систем – 3348, револьверов и пистолетов – 2596, прочего нарезного оружия – 1534, ненарезного оружия – 3411, станковых пулеметов – 3, ручных пулеметов – 1, ручных гранат – 17, патронов – 5545 штук[2]. Более подробные данные по изъятому оружию в ходе операции представлены в приложении 15.

Всего же личным составом органов и войск НКВД при проведении чекистско-войсковых операций в период с 20 сентября 1937 г. по 1 июля 1938 г. было ликвидировано 82 банды общей численностью до 400 человек[3].

Таким образом, к 1939 г. основное ядро бандитских формирований на территории Чечни было ликвидировано. Об этом официально было заявлено даже руководством НКВД ЧИАССР[4]. Именно это утверждение дает основание ряду авторов считать, что с бандитизмом на территории Чечни было покончено[5]. Однако проведенный авторами анализ источников позволяет утверждать, что подобные заявления не имеют под собой оснований.

Так, докладная записка наркома внутренних дел Чечено-Ингушетии лейтенанта государственной безопасности П.Н. Рязанова от 25 февраля 1939 г. дает подробную характеристику банд, действующих в республике:

«На сегодняшний день в Чечне действуют следующие кадровые банды:

1. Политбанда Магомадова Саадулы...

2. Политбанда Бехоева Саида...

---

[1] ЦА ВНГ РФ. Коллекция исторических формуляров. Д. 691. Л. 26.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[3] Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 16.

[4] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-егг.). С. 76.

[5] Например: Россия и СССР в войнах XX века. С. 575.

3. Политбанда Асуева – Хатуева...

4. Политбанда Тарамова – Тамагова...

5. Кадровая банда Махмудова Сарали...

6. Террористическая банда Исмаиловых – Асабовых...

7. Банда Ахуева Тасу...

Особенность этих кадровых банд, имеющих сравнительно небольшую кадровую численность, заключается в том, что они, располагая широкими пособническими связями, легко пополняются переменным составом, привлекаемым на отдельные ограбления, при этом переменный состав, в большинстве случаев, работает в колхозах, живет на легальном положении и имеется у каждой банды в ряде селений и районов.

Это положение резко увеличивает фактическую численность бандитов, увеличивает опасность и значимость банд, затрудняя в то же время, борьбу с ними. Кроме того, переменники банд, будучи вооружены, являются агентурой банд в селениях, терроризируют население и актив, способствуют тому, что население о появлении банд не сообщает...»[1].

Основные усилия войск НКВД Северного Кавказа в 1939–1940-х гг. были сконцентрированы на ликвидации указанных выше бандгрупп. В результате операции, проведенной личным составом 16-го кавалерийского полка войск НКВД 7 марта 1939 г. была уничтожена банда Саида Бехоева. Для ликвидации банды было выделено несколько оперативных групп под общим командованием командира эскадрона капитана Нагасова. Всего в ходе операции было уничтожено 11 членов банды (в том числе и руководитель), изъято 7,62-мм винтовок – 8, английских винтовок – 1, турецких винтовок – 2, пистолетов – 1, 7,62-мм патронов – 232, иностранных патронов – 306, ручных гранат – 12, биноклей – 3. Потери оперативных групп составили 2 человека убитыми и 4 ранеными[2].

Проведенная в 1939 г. реорганизация войск НКВД негативно сказалась на служебно-боевой деятельности воинских частей. Так, приказом НКВД СССР от 8 марта 1939 г. было упразднено Управление внутренних войск Северо-Кавказского округа[3]. Вхождение в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии также потребовало выделения значительного количества воинских частей, чаще всего имеющих опыт борьбы с бандитизмом. В связи с этим 5-й Донской кавалерийский полк и 16-й кавалерийский полк были передислоцированы в новые районы (Западная Украина)[4]. Одновременно произошла и реорганизация воинских частей НКВД, осуществлявших охрану железнодорожных сооружений: 58-й Северо-Кавказский железнодорожный полк был переформирован в 14-й отдельный батальон, входивший в состав 3-й отдельной бригады, штаб которой располагался в Ростове-на-Дону[5].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

[2] ЦА ВНГ РФ. Ф. 2. Коллекция исторических формуляров. Д. 358. Л. 10.

[3] *Некрасов В.Ф.* На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. С. 88–89.

[4] ЦА ВНГ РФ. Ф. 2. Коллекция исторических формуляров. Д. 358. Л. 3.

[5] Там же. Д. 253. Л. 1.

Ослабление войск НКВД Северного Кавказа, непосредственно осуществлявших борьбу с бандами, по мнению авторов, стало причинной нового вооруженного выступления в Чечне в феврале 1941 г. Руководство им осуществлял Саадула Магомадов, находившийся в розыске с 1930 г. Выступление не носило такого массового характера, как в период 1929–1934 гг. и, скорее всего, не было поддержано местным населением, т.к. локализовалось только на территории Хельдихароевсого сельского совета Итум-Калинского района. Однако военных формирований, имевших опыт быстрой ликвидации вооруженных выступлений, у государственных органов уже не было. Вследствие этого, для ликвидации банд была выделена оперативная группа Управления НКВД по ЧИАССР и 106 человек из состава 14-го отдельного батальона войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. В результате проведенной операции к 7 февраля 1941 г. территория сельского совета была очищена от банды, а ее руководитель уничтожен[1].

Выступление С. Магомадова стало последним крупным проявлением действий банд на территории Чечено-Ингушетии перед Великой Отечественной войной. По данным Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР в течение 1941 г. здесь был зарегистрирован всего 31 случай мелких бандитских выступлений, связанных, в основном с уголовными преступлениями[2].

Всего же, в ходе чекистско-войсковых операций, проведенных в течение 1939–1941 гг. органами и войсками НКВД было арестовано 1778 человек, квалифицированных как «кулаков, участников бандгрупп и их пособников», изъято 5 пулеметов, 21 граната, 8175 винтовок, 6838 патронов[3].

Следует отметить, что с началом Великой Отечественной войны деятельность банд на территории Чечено-Ингушетии вновь активизировалась. В период с 22 июня по 3 сентября 1941 г. здесь было зарегистрировано 40 бандитских выступлений, в которых принимали участие как вышедшие из подполья кадровые банды, так и вновь создаваемые группы[4]. Это объяснялось значительным дезертирством чеченцев и ингушей из частей Красной армии, а также подрывной деятельностью агентов Германии (в марте–июне 1941 г. абвером на территорию Чечни было заброшено до 10 агентов-инструкторов)[5]. Подобная активность объяснялась подготовкой нового крупного вооруженного восстания против советской власти, назначенного на осень 1941 г.

Таким образом, деятельность органов и войск НКВД СССР, направленная на ликвидацию деятельности бандгрупп на территории Северного Кавказа в период 1935–1941 гг., несмотря на ряд достигнутых успехов, своих результатов не принесла. Об этом говорит тот факт, что большая часть руководителей банд вновь смогла укрыться в труднодоступных горных районах, сохранить свою базу и, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, с началом

---

[1] ЦА ВНГ РФ. Ф. 2. Коллекция исторических формуляров. Д. 253. Л. 21.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 8. Л. 151.

[3] *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995. С. 91.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 8. Л. 251.

[5] *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. С. 141.

Великой Отечественной войны, вновь развить активную деятельность. Причиной этого, по мнению авторов, стал отход советского руководства от принципов ведения борьбы с бандитизмом согласованными действиями государственных, военных и правоохранительных органов. Об этом свидетельствует уже упоминавшееся донесение народного комиссара внутренних дел ЧИАССР лейтенанта государственной безопасности П.Н. Рязанова от 25 февраля 1939 г., в котором прямо указывается, что невозможно решить проблему бандитизма в республике силами оперативных групп НКВД, которые не обеспечивают всего комплекса оперативных задач[1].

Немаловажным фактором стало и то, что органы НКВД, уничтожая кадровые действующие банды и надуманные террористические организации (как было в случае с «Буржуазно-националистическим центром Чечни и Ингушетии»), смогли пропустить действительную антисоветскую группировку, направленную на свержение советской власти. Руководителем этой организации стал Хасан Исраилов (Терлоев), вернувшийся в 1937 г. из мест лишения свободы и работавший адвокатом в Шатоевском районе[2].

Организация Исраилова, позднее получившая название «Особая партия кавказских братьев», строилась по принципу вооруженных отрядов, охватывавших своей деятельностью определенный район или группу населенных пунктов. Основным звеном были аулкомы (3–5 человек), проводившие работу на местах.

В архивах не обнаружено данных о том, принимали ли участие члены группировки Х. Исраилова в восстании на территории Итум-Калинского района в феврале 1941 г. Однако ряд авторов утверждает, что первую крупную самостоятельную операцию его банды провели еще осенью 1940 г. Подобные утверждения не верны, так как основываются на данных А. Авторханова, который склонен героизировать деятельность Х. Исраилова[3]. Причем приводятся данные о крупном вооруженном выступлении, подавленном двумя полками войск НКВД. Подобные данные опровергаются тем, что о выступлении Х. Исраилова осенью 1940 г. не упоминает ни один документ НКВД и тем, что двух полков войск НКВД, способных ликвидировать вооруженное выступление на Северном Кавказе не было в связи с их переброской в западные районы СССР. Следует упомянуть, что для ликвидации выступления С. Магомадова в феврале 1941 г. от войск НКВД была выделена всего лишь оперативная группа численностью в 106 человек.

Таким образом, именно незавершенность борьбы с бандитизмом, недостаточное внимание к действительно опасным группировкам со стороны правоохранительных органов, поддержка новых лидеров банд местным населением, отсутствие достаточного контингента войск НКВД послужили причиной активизации банд на территории Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 2. Л. 32

[2] Там же. Д. 55. Л. 9.

[3] *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991. С. 59–60.

Рассмотрение вопросов применения органов и войск НКВД в борьбе с бандитизмом в период 1935–1941 гг. позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, основной задачей для органов и войск НКВД в рассматриваемый период стало участие в специальных операциях по изъятию лиц, способных дестабилизировать обстановку в регионе (к ним относились в основном бывшие кулаки, уголовники и прочий антисоветский элемент). В ходе проводимых операций одновременно проводились мероприятия, направленные на ликвидацию действующих бандгрупп и их руководителей, а также изъятие оружия у местного населения.

Во-вторых, проводимые органами и войсками НКВД мероприятия, несмотря на высокую результативность, в целом не внесли изменения в общественно-политическую обстановку в регионе. Действия банд, в которые вливались лица, освобожденные или бежавшие из мест заключения, а также дезертиры, носили в основном террористический характер и вызывали поддержку местного населения.

В-третьих, действия войск в рассматриваемый период носили очаговый характер. Основной формой ведения операций являлось выделение немногочисленных оперативных групп, которые после выполнения конкретной задачи или перебрасывались в другой район или расформировывались.

В-четвертых, причиной широкого распространения бандитизма на территории Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны стала именно незавершенность борьбы с этим явлением. Недостаточное внимание к вновь возникающим террористическим организациям, поддержка новых бандгрупп со стороны местного населения, ослабление войск НКВД Северного Кавказа за счет переброски боеспособных частей, имеющих опыт борьбы с бандитизмом, в западные районы СССР вызвали активизацию деятельности различных банд (как политической, так и уголовной направленности) сразу же после начала боевых действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всестороннее изучение деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по борьбе с бандитизмом на территории Северо-Кавказского региона в 1920 – начале 1941 г. в настоящее время имеет большое историческое и практическое значение. Опасность терроризма, который сейчас превратился в общемировую проблему, требует всестороннего и полного осмысления предшествующего опыта борьбы с этим явлением.

Бандитизм, получивший широкое распространение в 1920–1930-е гг. XX в. на территории ряда регионов Советского Союза, вызвал к жизни целую систему борьбы с ним, включавшую в себя согласованные действия государственных, военных и правоохранительных органов. Главным достижением Советского государства по борьбе с бандитизмом стало то, что к началу Великой Отечественной войны он был практически ликвидирован на всей территории СССР.

Проведенный в ходе исследования анализ показал, что значительное место в борьбе с бандитизмом в 1920–1930-е гг. занимала деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД, которая в отечественной историографии не получила должного освещения. Именно в этот период органы государственной безопасности, правоохранительные органы и войска ВЧК – ОГПУ – НКВД приобрели опыт действий в борьбе с внутренним противником, который впоследствии получил дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны, в условиях борьбы с националистическим подпольем, а также в современной российской истории.

Результаты комплексного анализа деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по борьбе с бандитизмом на территории Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. позволили исследовать деятельность государственных, военных и правоохранительных органов по созданию системы борьбы с бандитизмом, раскрыть роль и место органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в ней, а также выявить особенности боевого применения войск в чекистско-войсковых операциях против банд.

На основе проведенного исследования авторами выявлены следующие **характерные черты** деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в 1920 – июне 1941 г. К ним относятся:

– обоснованность и целесообразность большинства принимаемых решений в отношении применения органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в борьбе с бандитизмом в рассматриваемый период, соответствие этих решений изменениями, происходившими в социально-политической и экономической жизни Северо-Кавказского региона;

– тесное взаимодействие с другими силовыми структурами при решении задачи борьбы с бандитизмом;

– выполнение служебно-боевых задач с опорой на поддержку населения.

В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим **выводам**:

1. Широкое распространение бандитизма на территории Северного Кавказа в период 1920–1930-х гг. обусловлено рядом причин, среди которых можно особо выделить следующие:

– незнание органами государственного управления специфических особенностей региона;

– невозможность быстрого разрешения экономических проблем населения;

– большая численность в местных органах управления лиц, негативно относящихся к советской власти;

– сильное влияние мусульманского духовенства и норм родового права на местное население;

– широкая поддержка банд со стороны иностранных государств, пытавшихся усилить свое влияние на территории Северного Кавказа (в начале 1920-х гг.).

Следует отметить, что на Северном Кавказе происходило тесное переплетение уголовного и политического бандитизма: так, в ходе широкомасштабных выступлений, поддержанных населением, провозглашались политические лозунги, а после разгрома банды совершали обычные уголовные преступления.

2. После окончания Гражданской войны в Советской России в связи с широким распространением бандитизма была разработана система мер по борьбе с ним, суть которой сводилась к объединенным действиям государственных, военных и правоохранительных органов.

Значительную роль в ее функционировании играли органы и войска ВЧК – ОГПУ – НКВД. Как показывают материалы исследования, их место и роль в обеспечении общественной безопасности на территории Северо-Кавказского региона постепенно увеличивались. Так, если в начале 1920-х гг. в силу широкого распространения бандитизма на Северном Кавказе, органы и войска ВЧК – ОГПУ в основном выполняли задачи обеспечения соединений и частей Красной армии, являвшихся основным войсковым ядром при проведении специальных операций, то в конце 1920-х – начале 1930-х гг. полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю уже проводились самостоятельные операции. Это было обусловлено, прежде всего, увеличением численности войсковой группировки ОГПУ на Северном Кавказе, а также невозможностью использования подразделений Красной армии для ликвидации мелких бандгрупп. В период 1935–1941 гг. задача борьбы с бандитизмом в полном объеме была возложена на органы и войска НКВД, находившиеся на территории Северного Кавказа.

3. Основными направлениями деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе являлись следующие:

– агентурная работа, направленная на выявление настроений местного населения в районах, пораженных бандитизмом;

– агентурная работа в бандах, ставящая целью разложение их изнутри, склонение наиболее неустойчивой части бандитов к сотрудничеству с властями или добровольной сдаче;

– разъяснительная работа среди местного населения, имевшая своей основной задачей лишение бандитов материальной поддержки и источников пополнения бандгрупп; немаловажное значение в работе с местным населением имела поддержка беднейших слоев населения с целью создания на местах прослойки, лояльно относящейся к деятельности государственных и правоохранительных органов;

– проведение специальных операций, направленных на изъятие лиц, активно поддерживающих бандитов, пополняющих их ряды и дестабилизирующих общественно-политическую обстановку в регионе (в этой связи особенно выделяются специальные операции по депортации кулачества и антисоветского элемента, проведенные в масштабах всей страны в начале 1930-х гг.);

– проведение чекистско-войсковых операций, направленных на изъятие оружия у местного населения, физическое уничтожение лидеров банд или мелких бандгрупп.

4. В ходе борьбы с бандитизмом войска ВЧК – ОГПУ – НКВД постоянно совершенствовали свою организационно-штатную структуру, приспосабливая ее к складывающейся обстановке. Еще в начале 1920-х гг. было выявлено, что в условиях борьбы с высокоманевренными силами банд нецелесообразно использовать пехотные подразделения. Именно этот фактор стал определяющим в совершенствовании организационно-штатной структуры войск ОГПУ Северного Кавказа, основной единицей которой стал кавалерийский дивизион, который мог проводить операции на значительном удалении от пункта постоянной дислокации. В силу малочисленности воинских частей ОГПУ в районах наибольшего распространения бандитизма в начале 1930-х гг. на базе наиболее боеспособных воинских частей были созданы кавалерийские полки, дивизионы которых могли использоваться отдельно на разных направлениях. Именно на эти высокоманевренные воинские части, способные действовать в различных условиях обстановки и несколькими подвижными группами, была возложена задача борьбы с бандитизмом.

5. Ведение борьбы с бандитизмом вело к совершенствованию тактических приемов и способов чекистско-войсковых операций. Так, уже в 1920–1930-е гг. на территории Северного Кавказа войсками ОГПУ – НКВД применялись такие виды войсковых нарядов как разведывательно-поисковые группы, секреты, засады, посты наблюдения, дозоры, группы охраны и конвоирования, получившие свое дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период в ходе борьбы с националистическим подпольем в западных регионах СССР.

Материалы исследования показывают, что некоторые тактические формы, получившие широкое распространение в последующее время (например, проведение операций в горных районах путем спуска с гор в район

операции, а не путем подъема с равнины) впервые были применены войсками ОГПУ на территории Северного Кавказа именно в 1930-е гг.

6. Особого внимания заслуживает опыт усиления войсковой группировки в районе проведения операции в течение короткого времени. Так, для ликвидации крупномасштабных выступлений получила развитие практика переброски маневренных групп частей войск ОГПУ – НКВД из различных регионов страны в район проведения операции. Причем, как показывают материалы исследования, маневренная группа составлялись из личного состава одной из наиболее боеспособных частей, имевших опыт борьбы с бандитизмом, а не из сводных подразделений. Это позволяло сократить время боевого слаживания, осуществить переброску подразделений в сжатые сроки к району операции (от 2 до 7 дней) и сразу же приступить к действиям в указанном районе.

7. В ходе борьбы с бандитизмом, особенно в 1920-е гг., был приобретен опыт взаимодействия органов и войск ВЧК–ОГПУ с подразделениями Красной армии. Основными формами действий в совместных операциях являлись: проведение разведывательных мероприятий, направленных на выявление настроений мирного населения в районе проведения операции, и чекистское обслуживание операций (изъятие лидеров банд, учет изъятого оружия, конвоирование арестованных). Ярким примером тесного и успешного взаимодействия могут служить совместные операции по разоружению областей Северного Кавказа, проведенные в 1925–1926 гг.

8. К сожалению, существовали и негативные тенденции в оперативно-служебной деятельности органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД. Это в основном относилось к вопросам оперативного применения войск, слаженности действий войсковых нарядов при проведении специальных операций и организации взаимодействия с органами местной власти при решении оперативно-служебных задач.

Несмотря на то, что еще в 1920–1930-е гг. были разработаны некоторые тактические способы действий против банд, именно их непредсказуемость и свобода действий предельно ограничивали возможность выработки универсальной системы действий войск ОГПУ – НКВД при борьбе с бандитизмом. Это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны общих принципов ведения боевых действий против внутреннего противника у войск НКВД не существовало. С началом войны перед руководством войск НКВД вновь стала задача выработки форм и способов действий против банд, получивших широкое распространение.

9. Исследование подтвердило вывод о том, что отечественный и мировой опыт борьбы с внутренним противником, требуя детального изучения, одновременно предостерегает от его механического перенесения в сегодняшний день. Необходимо выявить все лучшее, переработать его, и, с учетом настоящей общественно-политической обстановки, внедрить в практику контртеррористической борьбы всех государственных структур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Документальные материалы

1. *Буйский А.* Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями и бандитизмом. М.;Л., 1927. 118 с.

2. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). Сб. документов и материалов. М., 2011. 1094 с.

3. *Венцов С.* Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним // Красная Армия. 1921. № 9. С. 43–53.

4. В.И. Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917–1922 гг.). М., 1987. 642 с.

5. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства (1922–1941 гг.). Документы и материалы. М., 1977. 640 с.

6. Внутренние войска Советской республики (1917–1922 гг.). Документы и материалы. М., 1972. 712 с.

7. ГУЛАГ (1917–1960 гг.). Сб. документов. М., 2000. 888 с.

8. Директивы Главного командования Рабоче-Крестьянской Красной Армии (1917–1920 гг.). Сб. документов. М., 1969. 812 с.

9. Директивы командования фронтов Красной армии (1917– 1922 гг.): в 4 т. Т. 3 (апрель 1920 –1922 г.). М., 1974. 768 с.

10. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. Сб. документов. М., 1958. 522 с.

11. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917– 1921 гг.). Сб. документов. М., 1958. 512 с.

12. *Казаков А.* Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 29–42.

13. *Какурин Н.Е.* Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. Кн. 1. М., 1922. С. 81–98.

14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1970. 584 с.

15. Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928– 1933 гг.). Сб. документов из фондов РГВА. Неаполь, 1996. 384 с.

16. *Ленин В.И.* Новый подъем // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 13. С. 70–75.

17. *Ленин В.И.* Русская революция и гражданская война // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 214–228.

18. *Ленин В.И.* Телеграмма Г.К. Орджоникидзе от 15 апреля 1920 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 51. С. 178.

19. *Ленин В.И.* Телеграмма Г.К. Орджоникидзе и записка Л.Д. Троцкому от 2 апреля 1920 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 51. С. 175.

20. *Леонидов Б.* Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Война и революция. 1922. № 14–15. С. 163–172.

21. *Лихницкий Н.Т.* Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. 86 с.

22. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. М., 1997. 352 с.

23. Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ (1917–1991 гг.). М., 2003. 768 с.

24. *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи: в 2 т. Т. 1. М., 1956. 316 с.

25. *Павлович М.П.* На высотах Красного Дагестана. Из истории контрреволюции на Кавказе. М., 1921. 56 с.

26. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

27. Россия и Чечня. Документы свидетельствуют. М., 1997. 218 с.

28. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918– 1939 гг.). Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. М., 2000. 864 с.

29. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918– 1939 гг.). Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. М., 2000. 1168 с.

30. *Столяров Н.* Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920– 1921 гг. М., 1928. 74 с.

31. *Стройло Н.* Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. С. 54–67.

32. Съезды народов Терека (1918 г.): в 2 т. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. 236 с.

33. *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. 92 с.

34. *Тодорский А.И.* Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1924. 158 с.

35. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (1927–1939 гг.): в 5 т. Т. 1. М., 1999. 880 с.

36. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (1927–1939 гг.): в 5 т. Т. 2. М., 2000. 814 с.

37. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (1927–1939 гг.): в 5 т. Т. 5, кн. 1. М., 2004. 648 с.

38. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (1927–1939 гг.): в 5 т. Т. 5, кн. 2. М., 2006. 704 с.

39. *Трутко И.* Тактические приемы из опыта борьбы с бандитизмом. Уничтожение банды Богуславского // Красная Армия. 1921. № 3–4. С. 97–102.

40. *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение политического бандитизма // Война и революция. 1926. № 7. С. 3–24; № 8. С. 3–20; № 9. С. 3–16.

41. *Эйдеман Р.П.* Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом. Харьков, 1921. 62 с.

42. *Эйдеман Р.П.* К вопросу о борьбе с бандитизмом // Армия и революция. 1922. № 2. С. 55–60.

43. *Эйдеман Р.П.* Повстанчество и его роль в современной войне // Армия и революция. 1922. № 3–4. С. 97–108.

44. *Эйдеман Р.П.* Пятая годовщина одного урока // Война и революция. 1926. № 12. С. 33–39.
45. *Эйдеман Р.П.* Очаги атаманщины и бандитизма. Харьков, 1921. 44 с.

II. Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Ф. Р-130 – Совет Народных Комиссаров РСФСР – Совет Министров РСФСР (1917–1991 гг.).
Оп. 5. Д. 1.
Ф. Р-393 – Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (1917–1930 гг.).
Оп. 29. Д. 39.
Ф. Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917– 1938 гг.).
Оп. 3. Д. 20.
Оп. 7. Д. 20.
Оп. 121. Д. 149.
Ф. Р-1318 – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (1917–1924 гг.).
Оп. 1. Д. 143, 211, 661.
Ф. Р-3316 – Центральный Исполнительный Комитет СССР (1922–1938 гг.).
Оп. 13. Д. 2.
Ф. Р-9401 – Народный комиссариат внутренних дел СССР – Министерство внутренних дел СССР (1934–1960 гг.).
Оп. 2. Д. 512, 513, 517, 522, 523.
Ф. Р-9414 – Главное управление мест заключения МВД СССР (1930–1960 гг.).
Оп. 1. Д. 1944.
Ф. Р-9478 – Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР (1938–1950 гг.).
Оп. 1. Д. 1, 8, 55, 63.
Ф. Р-9479 – 4-й спецотдел МВД СССР (1931–1959 гг.).
Оп. 1. Д. 36, 925.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Ф. 17 – Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991 гг.).
Оп. 1. Д. 386.
Оп. 3. Д. 994, 1011.
Оп. 4. Д. 453.
Оп. 84. Д. 75.
Оп. 162. Д. 8.
Ф. 65 – Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) (1921–1924 гг.).
Оп. 1. Д. 219.
Ф. 85 – Орджоникидзе Г.К. (1886–1937 гг.).
Оп. 11. Д. 123, 131.
Оп. 12. Д. 110.

3. Российский государственный военный архив (РГВА).

Ф. 4 – Управление делами РВСР – Управление делами Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР – Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР (1918–1941 гг.).

Оп. 1. Д. 32.

Ф. 7 – Штаб Рабоче-Крестьянской Красной армии (1920–1935 гг.).

Оп. 2. Д. 38.

Ф. 9 – Политическое управление Красной армии (1918–1941 гг.).

Оп. 28. Д. 167.

Ф. 42 – Штаб войск внутренней охраны Республики – Управление по внутренней службе Штаба РККА (1919–1921 гг.).

Оп. 1. Д. 214, 1398.

Ф. 109 – Управление армиями Кавказского фронта (1920–1921 гг.).

Оп. 1. Д. 39.

Оп. 3. Д. 214, 238.

Ф. 16011 – Штаб Корпуса войск ВЧК – Штаб войск ВЧК – Управление войсками ВЧК (1918, 1920–1922 гг.).

Оп. 1. Д. 21.

Ф. 25896 – Управление войсками Северо-Кавказского военного округа (1920, 1921–1941 гг.).

Оп. 1. Д. 13.

Оп. 3. Д. 75, 76, 595, 599.

Оп. 9. Д. 37, 276, 277, 285, 286, 287, 303, 316, 350, 366, 376, 436, 454.

Ф. 33987 – Секретариат председателя РВСР – РВС СССР (1917– 1934 гг.).

Оп. 3. Д. 190.

4. Центральный архив войск национальной гвардии Российской Федерации (ЦА ВНГ РФ):

Ф. 2 – Коллекция исторических формуляров.

Д. 10, 149, 215, 244, 277, 358, 446, 466.

5. Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации (ЦМ ВНГ РФ):

Инв. № 3790 «Материалы по действиям 1-го стрелкового полка войск ОГПУ в оперативных командировках 1930 г.»;

Инв. № 3835 «Материалы о служебно-боевой деятельности 38-го полка войск ОГПУ»;

Инв. № 3839 «Очерк истории отдельного Северо-Кавказского национального кавалерийского дивизиона войск ОГПУ»;

Инв. № 3840 «Краткая боевая история Северо-Кавказского национального дивизиона войск ОГПУ (7 октября 1930 г. – 15 марта 1932 г.);

Инв. № 6136 «Доклад о действиях маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в Нагорной Чечне»;

Инв. № 6500 «Доклад о боевых качествах, общехозяйственном и политико-моральном состоянии и партийно-политической работе в Национальном кавдивизионе войск ОГПУ СКК».

III. Историография проблемы

а) монографии

1. *Авторханов А.* Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области: краткие очерки. Грозный, 1933. 108 с.

2. *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991. 80 с.

3. *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М., 1999. 390 с.

4. *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991. 312 с.

5. *Антонов-Овсеенко А.В.* Напрасный подвиг? М., 2003. 274 с.

6. Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность. М., 1997. 154 с.

7. *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1920–1924 гг.). Л., 1978. 160 с.

8. *Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С.* Курс уголовного права: в 5 т. Т. 4. М., 2002. 672 с.

9. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. 308 с.

10. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). М., 1998. 366 с.

11. *Верт Н.* Государство против своего народа // Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1998. С. 61–258.

12. Внутренние войска: Время. События. Люди. М., 2008. 480 с.

13. Внутренние войска. Исторический очерк / *Баранов В.П., Минер В.Л., Штутман С.М. и др.* М., 2007. 272 с.

14. Войска называются внутренними. М., 1982. 496 с.

15. *Гиоев М.И.* Ленинская аграрная политика в горном ауле. Орджоникидзе, 1969. 226 с.

16. *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975. 704 с.

17. *Даудов А.Х.* Горская АССР (1921–1924 гг.). СПб., 1997. 232 с.

18. *Дорошенко И.А.* Деятельность органов и войск государственной безопасности в период построения фундамента социализма и ликвидации эксплуататорских классов (1921–1932 гг.). М., 1960. 218 с.

19. *Железко И.М., Кривенок В.И.* История внутренних войск МВД России. Саратов, 2003. 216 с.

20. *Жупикова Е.Ф.* Борьба против бандитизма в Чечне в 1920–1925 гг. // Ученые записки МПГУ им. В.И. Ленина. Вып. 439. М., 1971. С. 29–46.

21. *Жупикова Е.Ф.* К вопросу о разоружении Чечни в 1920–1925 годах // Труды Московского государственного педагогического института. М., 1998. С. 93–99.

22. *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сб. трудов. Т. 1. М., 2007. С. 114–319.

23. *Жупикова Е.Ф.* Роль врангелевского «Комитета освобождения» в подготовке мятежа Н. Гоцинского // Из истории классовой борьбы в Чечено-

Ингушетии в период социалистического преобразования народного хозяйства (1917–1937 гг.). Грозный, 1979. С. 83–100.

24. *Змиев Б.* Уголовное право. Часть Особенная. Казань, 1925. 152 с.

25. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. 272 с.

26. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. 350 с.

27. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. 264 с.

28. История внутренних войск: в 5 т. Т. 2 (1917–1941 гг.). М., 2013. 528 с.

29. История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 5. М., 1960. 572 с.

30. История Дагестана: в 4 т. Т. 3. М., 1968. 428 с.

31. История Северо-Осетинской АССР: в 2 т. Т. 2. Орджоникидзе, 1966. 314 с.

32. История советского уголовного права / *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др.* М., 1947. 452 с.

33. *Калмыков Б.* Революционное движение в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1958. 166 с.

34. *Каратаева М.А.* Реакционная идеология мусульманского духовенства в Чечено-Ингушетии и борьба с ней в 1920–1931 гг. // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 1, вып. 1. Грозный, 1972. С. 87–112.

35. *Коротков С.П.* Участие внутренних войск в разгроме остатков сил внутренней контрреволюции в начале восстановительного периода (1921–1923 гг.). Л., 1980. 72 с.

36. *Кривец В.Д., Холоден В.Ф., Штутман С.М.* История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.): краткий очерк. М., 1978. 334 с.

37. *Кузьмин Ф.Н., Рунов В.А.* История военных действий российских и советских войск на Кавказе (XVII–XX вв.). М., 1995. 346 с.

38. *Лоов И.Р., Пархоменко М.М.* Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы новой экономической политики (1921–1925 гг.). Грозный, 1974. 218 с.

39. *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М., 2006. 640 с.

40. *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. 236 с.

41. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. М., 2004. 648 с.

42. Нам имя – Дзержинцы / *Поздняков А.П., Нечаев Е.А., Петраков С.П. и др.* М., 1984. 256 с.

43. *Некрасов В.Ф.* На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. М., 1983. 368 с.

44. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1977. 186 с.

45. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. 422 с.

46. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1970. 394 с.

47. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. 2. Грозный, 1972. 318 с.

48. *Пионтковский А.* Советское уголовное право: в 2 т. Т. 2. М., 1928. 282 с.

49. *Плеханов А.М.* ВЧК – ОГПУ в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.). М., 2006. 704 с.

50. *Плеханов А.М.* Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. 816 с.

51. *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923. 124 с.

52. *Полян П.* Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2000. 328 с.

53. *Портнов В.П.* ВЧК (1917–1922 гг.). М., 1987. 208 с.

54. *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? М., 2008. 480 с.

55. Россия и Северный Кавказ: история и современность. М., 2006. 464 с.

56. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. 608 с.

57. Солдат революции. Военная и политическая деятельность Ф.Э. Дзержинского. М., 1987. 192 с.

58. *Софинов П.Г.* Очерки истории ВЧК (1917–1922 гг.). М., 1960. 248 с.

59. *Софинов П.Г.* Страницы из жизни Ф.Э. Дзержинского. М., 1956. 82 с.

60. *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана: документальные очерки истории (1920–1945 гг.). Махачкала, 2000. 190 с.

61. *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1922 гг.). Ч. 1. Л., 1964. 312 с.

62. *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. 406 с.

63. Уголовный кодекс. Практический комментарий / Под ред. *М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина*. М., 1925. 276 с.

64. *Ципуренко Н.И.* Внутренние войска в период борьбы за победу и упрочение социализма в СССР (1926–1941 гг.). Л., 1978. 92 с.

65. *Шарапов Г.В.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., 1961. 302 с.

66. *Щетинов Ю.А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920–1921 г.). М., 1984. 152 с.

67. *Яблочкина И.В.* Рецидивы гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921–1925 гг. М., 2000. 496 с.

б) материалы периодической печати

1. *Аптекарь П.* Война без конца и края // Родина. 2000. № 1. С. 73–74.

2. *Аптекарь П.* Второе покорение Кавказа: большевики и чеченские повстанцы // Родина. 1995. № 6. С. 41–48.

3. *Аптекарь П.* Повстанцы // Родина. 2000. № 1–2. С. 154–156.

4. *Елисеева Н.Е.* С.С. Каменев о борьбе с басмачеством // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 40–45.

5. *Кашкаев Б.* Красная Армия в борьбе за победу советской власти в Дагестане (1917–1921 гг.) // Военно-исторический журнал. 1960. № 12. С. 45–57.

6. *Макоев Т.* Оружие не отбирать // На боевом посту. 2005. № 7. С. 39–40.

7. *Марченко Г.В.* Антисоветское движение в Чечне в 20–30-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.

8. *Пашков А.Ю.* 1925 год: спецоперация Красной Армии // Независимое военное обозрение. 2000. 21 апреля. С. 5.

9. *Полян П.* Коса и камень: конфликтный этнос в крепчающих объятьях советской власти // Звезда. 2007. № 12. С. 37–102.

10. *Симонова Т.М.* Беспощадное истребление, поголовное выселение. Такими мерами устанавливалась советская власть на Северном Кавказе в 1920-е гг. // Независимое военное обозрение. 2002. 15 марта. С. 5.

11. *Симонова Т.М.* «Просьба обезоружить весь Кавказ…» // Источник. 2001. № 6. С. 63–68.

12. *Симонова Т.М.* Установление советской власти на Северном Кавказе (1918–1921 гг.) // Диалог. 2001. № 12. С. 61–66.

13. *Симонова Т.М.* Черный передел // Родина. 2002. № 1. С. 63–68.

в) справочная литература

1. Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. 1-е изд.

2. Военная энциклопедия: в 8 т.

3. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. 720 с.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1956. 556 с.

5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка 4-е изд., доп. М., 2005. 944 стр.

6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т.

IV. Диссертационные исследования

1. *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. 42 стр.

2. *Жупикова Е.Ф.* Упрочение советской власти на территории Чечено-Ингушетии в период деятельности ревкомов (1920–1925 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1972. 214 с.

3. *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе. 1917–1945 гг.: военно-исторический аспект: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 564 стр.

4. *Моисеев В.В.* Партийное руководство внутренними войсками в борьбе с политическим бандитизмом в начале нэпа (1921–1922 гг.): дис… канд. ист. наук, 1979. 190 стр.

5. *Плеханов А.М.* Деятельность органов ВЧК – ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.): дис. … д-ра ист. наук. М., 1993. 386 стр.

6. *Савенко Г.П.* Терроризм на Северном Кавказе: исторические предпосылки и региональная специфика: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 32 стр.

7. *Савочкин А.А.* Массовые репрессии 30–40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 22 стр.

8. *Филин М.В.* Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918– 1922 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 24 стр.

9. *Черкасов А.А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2007. 56 стр.

V. Электронные ресурсы

1. *Петров Н.В.* Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ на Северном Кавказе и в Закавказье (1918–1934 гг.). URL: http: // http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/476870-1-prilozheniya-itogovomu-otchetu-proektu-rabota-obschestvennim-mneniem-rossii-dlya-sozda-niya-obektivnoy-sbalansirovannoy-o.php (дата обращения 13.07.2020).

2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 15.07.2020).

Приложение 1

Количество банд, действовавших на территории Северо-Кавказского военного округа, и их численный состав в 1921–1925 гг.[1]

Месяц, год	*Количество банд*	*Численность*			
		штыков	*сабель*	*пулеметов*	*орудий*
25 июня 1921 г.	84	1689	6073	63	–
25 августа 1921 г.	105	2401	4751	111	1
25 сентября 1921 г.	88	1411	4269	74	–
1 декабря 1921 г.	72	1454	2685	58	–
1 января 1922 г.	57	1134	1829	41	–
1 февраля 1922 г.	59	1001	1555	38	–
1 марта 1922 г.	50	336	1543	33	–
1 апреля 1922 г.	51	513	2041	51	–
1 мая 1922 г.	70	780	2529	49	–
1 июня 1922 г.	68	397	2186	43	–
1 июля 1922 г.	58	410	1551	49	–
1 августа 1922 г.	63	249	1632	43	–
1 сентября 1922 г.	57	333	1112	35	–
1 октября 1922 г.	37	257	570	24	–
1 ноября 1922 г.	33	159	493	23	–
1 января 1923 г.	31	106	491	20	–
1 апреля 1923 г.	24	59	564	17	–
1 июля 1923 г.	38	113	719	10	–
1 октября 1923 г.	31	78	653	8	–
1 января 1924 г.	24	17	283	8	–
1 февраля 1924 г.	35	75	435	8	–
1 марта 1924 г.	33	82	384	7	–
1 апреля 1924 г.	22	27	273	8	–
1 мая 1924 г.	28	52	226	7	–
1 июня 1924 г.	18	50	189	5	–
1 июля 1924 г.	15	29	102	5	–
1 августа 1924 г.	12	22	82	6	–
1 сентября 1924 г.	14	10	122	7	–
1 октября 1924 г.	14	69	122	7	–
1 января 1925 г.	14	49	66	4	–
1 февраля 1925 г.	13	20	82	8	–
1 марта 1925 г.	13	23	51	3	–
1 апреля 1925 г.	12	–	83	3	–
1 мая 1925 г.	12	–	55	3	–
1 октября 1925 г.	9	–	101	–	–

[1] Составлено авторами по: РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 276. Л. 7, 34 об., 40, 82, 83, 114, 114 об.; Д. 287. Л. 1, 17, 30, 45, 67 об., 93; Д. 436. Л. 54, 118 об., 147 об., 160, 160 об., 204, 204 об., 216 об., 238, 259, 279, 300 об., 316 об., 324 об., 330, 348, 348 об., 354 об., 362.

Приложение 2

Способы действий банд в Шаро-Чеберлоевском и Итум-Калинском районах Чечни в 1932 г.[1]

Характеристика контрреволюционного бандповстанчества в районах Нагорной Чечни

1. Бандповстанчество в условиях Нагорной Чечни является наиболее актуальной формой открытой вооруженной деятельности классового врага в период наибольшего обострения классовой борьбы в горах, когда контрреволюционный кулацко-мулльский антисоветский элемент от методов противодействия хозяйственно-политическим мероприятиям советской власти и партии переходит к открытой вооруженной борьбе с конечной целью свержения советской власти.

2. Открытому, организованному вооруженному выступлению предшествует деятельная подготовительная работа контрреволюционных организаций и группировок, в основном состоящих из крупных кулаков, зажиточных, антисоветского элемента и кадровых бандитов, с руководством – кулацко-мулльского актива и контрреволюционных идеологов – ученых арабистов.

3. Контрреволюционные организации и группировки, охватывая своей деятельностью целиком районы, строятся по принципу насаждения аульных ячеек, с выделением контрреволюционного авторитета от каждой ячейки, которые и составляют бандповстанческое руководство; последнее, из своей среды выделяет наиболее популярную фигуру, обычно родового авторитета – шейха или «имама» (имам – доморощенный святой, возделывается кустарным способом: наиболее подходящую кандидатуру в руководители бандповстанчества сажают в яму и закапывают где-либо в укромном месте, после чего «рождение имама» широко популяризируется среди населения и к новоявленному святому открывается массовое паломничество; непрезентабильность религиозного фанатизма населения не требует от своего имама даже шарлатанства – чудес, хотя и этот метод практикуется; так, «последний имам» Шамилев Мацу, по заверениям его мюридов «из камня делал воду»; после месячного пребывания в земле новый имам готов; он имеет право объявить «газават» (священную войну) и полностью годен в «народные вожди»).

4. В подготовительной к вооруженному выступлению работе бандповстанческое руководство широко использует искривления политики партии и советской власти местными партийными и советскими низовыми работниками, товарные затруднения кооперативной сети, всеми способами привлекая на свою сторону отдельных работников из случайного низового

[1] Приводится по: Доклад о действиях маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в Нагорной Чечне // ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 6136. Л. 97–102.

советского аппарата с контрреволюционным прошлым, провокационно действуя через них мерами материальных ограничений и отчуждений бедняцко-середняцкой прослойки, озлобляя ее и склоняя, таким образом, на свою сторону.

5. Всемерно используются религиозные побуждения, национальная, кровная, родовая и религиозная вражда (до сих пор павшим горцам от «руки неверного» (от красноармейцев тоже) становятся не обычные памятники – камни, а длинные шесты, призывающие к мести; на них воспитывается пресловутая кровно-религиозная вражда).

6. Бандповстанческое выступление[1] характеризуется охватом, по большей части, всей территории района с наличием солидарного повстанческого накала в сопредельных не пораженных районах, а подчас и областях. Отличительными признаками вооруженного выступления Чечни являются: организованность, массовое участие населения, ожесточенность повстанцев в боях. Так, в Ножай-Юртовском районе на действующие станковые пулеметы, несмотря на большие потери, в религиозном экстазе, беспрерывно бросались в атаку с кинжалами толпы фанатиков с участием женщин.

7. База бандповстанчества организуется из среды контрреволюционных кулацких, мулльских и антисоветских элементов. Широко используются контрреволюционные тейповые (родовые) группировки и кадровый бандитизм; последний прочно оседает в иных пунктах за счет традиционных абреческих идей.

Характеристика противника

1. Наиболее типичными свойствами противника являются: общая внешняя воинственность, наряду с наличием отрицательных черт – трусостью, растерянностью; при религиозной же агитации – упорство, беспредельная решимость и храбрость.

2. Малая моральная устойчивость и резкое колебание численности в зависимости от успешности хода боевых действий, и вместе с этим, в некоторых случаях – боевое упорство, с борьбой до последнего патрона и шанса.

3. При большой тактической подвижности – крайняя территориальная ограниченность действий, привязанность к базе, населенным пунктам; неумение действовать на плоскости.

4. Повсеместное наличие у противника соответствующего контрреволюционного подполья (пособников) и своеобразной разведывательной сети в виде «хабара»[2], молниеносно передающего необходимые сведения на большие дистанции.

5. Боевым оружием является винтовка-берданка, ручной пулемет, реже – станковый. Большая насыщенность старинного оружия (шамилевки); последнее, несмотря на примитивность – сильное средство в руках противника: в бою из 3-х шамилевок стреляет «снайпер»-«джигит», другие два – заряжают;

---

[1] 1932 г. – *Прим. авт.*

[2] Слух – *Прим. авт.*

и самодельным оружием, по качеству мало уступающим заводским образцам; встречается отличное снайперское оружие. Обеспеченность боеприпасами слабая, однако патроны мастерски изготавливаются в нужном количестве кустарным способом.

6. Со стороны противника длительный, непрерывный огонь ведется сравнительно редко, однако, это не исключает ведения подчас шквального огня при обороне населенных пунктов. Основными боевыми действиями противника являются излюбленные внезапные налеты (чаще ночные) на наши части, с действием в рукопашную, с захватом отдельных населенных пунктов, с действиями «врассыпную» при неудачах.

База противника и организация «среды сопротивления»

1. В период после разгрома бандповстанческого скопления, последнее распадается на составные части бандгруппы, примыкая к кадровому бандитизму, или уходит в подполье. Методы боевой работы таких бандгрупп, в основном, сводятся к внезапным налетам, засадам, рейдированию (непрерывному перемещению), распылению со сбором в условленном пункте для налета. Излюбленными местами засад являются кладбища.

2. Небольшие по численности бандгруппы обычно отличаются хорошей организованностью и вооруженностью, боевой выучкой, упорством в боях и метким огнем и большой спаянностью.

3. Пополнение «переменным» составом банды осуществляется за счет скрывающихся контрреволюционных объектов, антисоветского элемента, бежавших из ссылки кулаков, криминалов, при этом каждый из участников связан родственными, бытовыми, национальными и экономическими признаками, с определенным населенным пунктом, представляющим базу бандгруппы, последняя всячески помогает, пособничает банде…

Приложение 3

Характеристика районов проведения операции по разоружению Чеченской автономной области[1]

Район № 1

Район определяется с севера железной дорогой, с запада – границей Сунжи, с юга – линией хуторов Чишки – Гурчи и с востока – линией Закан-Юрт – Хеги и далее через Арджали до пересечения с линией Чишки – Гурчи.

Район насчитывает приблизительно 17 населенных пунктов.

Численность населения – до 15 тыс. человек.

Оружие: винтовок – 1500–2000, револьверов – 700–800.

В виду того, что этот район дважды разоружался в прошлом, с общего количества оружия необходимо скинуть 25%.

Сравнительно с горными районами Чечни этот участок имеет некоторый правопорядок в северной своей части.

Район является основной базой налетного чеченского бандитизма в сторону рек Терек и Сунжа, а в южной своей части, в районе сел. Ислам, Мереджой-Берем – базой политбандита Шипшиева. Постоянно действующих банд нет, но имеется распыленный кадр Шипшиева, объединяющийся при налетах.

Авторитетов нет, но возможно использование влияния Кунта-Хаджинского шейха Эйнова.

В район для проведения операции выделяется опергруппа (6 чел.) с придачей к ней 30 сабель. Основная задача – изъятие бандэлемента, разоружение базы Шипшиева в этом районе и возможное изъятие его персонально.

Эксцессы со стороны населения допускаем, в частности, со стороны сел. Мереджой, Ислам, Шалажи.

Район подлежит разоружению полностью.

Ответственный руководитель чекистской группы – Дейч.

Район № 2

Район определяется с севера линией Чишки – Арджали, с запада – Арджали – Гурчи, с юга – линией Гурчи – Гучум-Кале и с востока – шоссе Грозный – Шатой.

Район насчитывает до 32 селений с хуторами.

Численность населения – 15–16 тыс. человек.

Оружие: винтовок – до 5000, револьверов – 800.

Район имеет советский аппарат, мало авторитетный среди массы, но могущий быть использован отчасти при операции. В округе имеется в наличии сильная кулацкая группа в блоке с видными шариатистами из местного духовенства.

---

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 303. Л. 58–64 об.

Район проявляет себя бандитскими наступлениями, аналогичными последним, имевшим место у Чишек и в Шатое. Крупных бандитских ядер нет, равно как не имеется и постоянно действующих банд. Бандэлемент распылен по селениям.

Могущие быть использованными авторитеты – Эйнов и Некхетинский.

Не исключена возможность столкновения в районе сел. Вашиндарой, Дачу-Борзой, Дуба-Юрт и отчасти Ярыш-Марды.

Руководство чекистской стороной операции возложено будет на центральную группу с резиденцией в Шатое.

Основная задача группы – изъятие бандэлемента.

Район № 3 (Галанчоевский район)

Район определяется с севера линией Чишки – Хорсеной – Гучум-Кале, с запада – граница Ингушетии, с юга – грузинской границей и с востока – долиной реки Чанты – Аргун.

Район насчитывает 59 населенных пунктов с хуторами.

Численность населения – 8453 человека.

Оружие: винтовок – до 1500, револьверов – до 200.

Район характерен полным отсутствием советской власти и является источником банднaлетов в сторону Грузии. В Галанчоевском районе имеется база Шипшиева (Кий) и отчасти Гоцинского.

Постоянно действующих банд нет. Бандэлемент распылен по селениям.

Могущими быть использованными авторитетов нет. Со стороны власти и населения поддержки встретить не можем, тем более, что сам председатель РИК'а является укрывателем Шипшиева.

Не исключена возможность эксцессов со стороны жителей.

Для оперирования в Галанчоевском районе выделяется опергруппа (10 чел.) при 100 саблях, коими будет проведена основная их задача по изъятию базы Шипшиева и отчасти Гоцинского, а также и их персонально.

Район подлежит разоружению полностью.

Ответственный руководитель чекистской группы – начальник Владикавказского отдела ОГПУ т. Володзько.

Район № 4

Район определяется с севера линией Гучум-Кале – Цега-Корт – Хиндой, с запада – долиной реки Чанты – Аргун, с юга – грузинской границей и с востока – границей ДагАССР.

В Итум-Калинском районе насчитывается 122 населенных пункта, оружия и винтовок – до 2000, револьверов – до 400 шт. В Шароевском участке – 24 населенных пункта, численность населения – 11 028 человек, винтовок – 1500–2000, револьверов – 1000.

Район является основной базой Гоцинского, причем многие из предисполкомов являются его укрывателями. В прошлом этот район, в особенности его пограничная с Грузией часть являлся ареной работы Паритетного комитета в лице Челокаева. Район является очагом банднaлетов в сторону Грузии, причем из крупных его руководителей известны Атаби Шамилев (главный пособник и укрыватель Гоцинского), Батагов, Джелокаев и др.

Возможность использования в этом районе кого-либо из авторитетов мы не имеем и здесь мы ни чекистской, ни политической базы не имеем.

Не исключается возможность оказания сопротивления войскам со стороны Сумсоевского рода, руководимого Шамилевым, который может стать активным организатором вооруженного сопротивления. Местом концентрации рода Атаби является район Сумсоевских хуторов (6–8 верст северо-восточнее Итум-Кале).

Параллельно с введением в район войсковых соединений в таковой будет брошено 3 чекистских группы в составе 12 человек при 240 саблях. Основной задачей группы является изъятие бандэлемента, базы Гоцинского и его персонально.

Ответственный руководитель – т. Миронов.

Район № 5

Район – 12-верстная полоса по обе стороны дороги Шатой – Ботлих, определяется с запада – шоссе Шатой – Грозный, с востока – дагестанской границей.

Численность населения – более 15 000 человек.

Оружие: винтовок – до 5000, револьверов – 1000.

Район влияния контрреволюционного шейха Ансалтинского из Дая и Каим-Хаджи из Нижелоя. Очаг бандитизма в сторону Дагестана. Постоянно действующих банд нет, но имеется значительное количество бандэлемента, распыленного по селениям.

Могущими быть использованными нами авторитетов нет.

Возможно оказание вооруженного сопротивления со стороны Халкелоя, Келоя. Наибольшие опасения вызывает сел. Нижелой (более 1,5 тыс. человек) – резиденция Каим-Хаджи, и Дай (1600 человек) – резиденция Ансалтинского, сел. Макажой и мелкие населенные пункты, расположенные в непосредственной близости к дагестанской границе и Шарою.

В район выделяется 1 опергруппа (7 чел.) при 100 саблях, основной задачей которых является изъятие контрреволюционных шейхов, имеющейся здесь части базы Гоцинского и его изъятие в случае появления.

Руководитель чекистской группы – Курский, помощник – Федотов.

Район № 6а (Веденский округ)

Район определяется 10-верстной полосой к западу от шоссе Грозный – Ведено и к востоку от этого шоссе до р. Аксай и Хлам-Содой, ограниченная с севера линией Эрсеной – Мескеты, с юга – границей Дагестана и участка № 5.

Численность населения – 25 тыс. человек.

Оружие: винтовок – 3000–3500, револьверов – 750–800.

Отмечается наличие сильной реакционной группы мусульманского духовенства во главе с Шептухаевым. Имеется бандядро в районе Гордали и Центороя. Постоянных банд нет, имеется бандитский кадр, распыленный по селениям. Имеются связи Шипшиева с Харачоевским обществом по тракту Ведено – Ботлих.

Возможность эксцессов допускается в Гордали, Центорое и в Хорочое.

Возможно использование авторитетов Эйнова, Мекхетинского и отчасти (осторожно) Чумакова.

В районе оперирует чекистская группа Ножай-Юртовского района, одновременно с операцией в нем. основная задача – изъятие бандэлемента.

Руководитель чекистской группы – т. Коган, помощник – Алексеенко.

Район № 6б (Ножай-Юртовский район)

Район определяется границей Дагестана, долиной реки Аксай и ее притока Хлам-Содол.

В районе 64 населенных пункта с населением 28 355 человек.

Оружие: винтовок – до 5000, револьверов – до 1500, пулеметов – 3–4.

Власть в этом районе находится в руках бывшего наиба Гоцинского Гебертиева и советского характера не имеет. Район в целом является базой чеченского бандитизма в сторону ДАССР и базой банд Эстемирова и др. (переменного состава). Бандиты распылены по селениям, концентрируясь перед совершением налетов, кои совершаются как на Дагестан, так и на Терек и железную дорогу. Ряд неразрешимых земельных споров и бандитизма приводит к крайне обостренному отношению с Дагестаном.

Реальна возможность оказания населением вооруженного сопротивления под влиянием Гебертиева. Наиболее серьезным в смысле возможности оказания вооруженного сопротивления являются сел. Зандак, Беной, Даттах, Ножай-Юрт, Гендырген, Дарго, Саясан.

В район выделяется чекистская опергруппа в составе 10 человек при 70–80 саблях. Основной задачей группы является производство изъятий бандэлементов и разгром баз Эстемирова и др., их изъятие, а также изъятие и председателя РИК’а Гебертиева.

Ответственный руководитель чекистской группы – т. Коган.

Приложение 4

Инструкция по разоружению населения Чеченской автономной области[1]

а) Общие предпосылки

1. Производство операций по разоружению Чеченской автономной области в целом возлагается на военное командование под ответственность начальников всех степеней, выделяемых для названной операции войск, соединений и органов ГПУ через представителей ОГПУ, состоящих при войсках.

2. Разоружение аулов в каждом отдельном районе, поскольку это допускают условия местности, должно проводиться одновременно, избегая, однако, излишнего дробления войсковых средств, особенно в ночное время.

3. Распределение сил для одновременного разоружения нескольких аулов производится заранее, причем до начала операции командование тщательно ознакамливается с имеющимися у руководителей ОГПУ анкетами на каждый населенный пункт, а равно запрашивает от представителей ЧечЦИК'а характеристики районов разоружения (бытовые и политические стороны, особенности подступов и т.д.) и уже вместе с ними (представителями ЧечЦИК'а и ОГПУ) прорабатывают детали разоружения каждого населенного пункта в отдельности.

4. Сдаваемое населением оружие принимается специально назначаемой для этого комиссией при каждом действующем отряде в составе: председателя – представителя ОГПУ и членов – представителей ЧечЦИК'а и военного командования.

5. Бандитский элемент, изъятый в процессе операции, поступает в непосредственное распоряжение оперативных групп ОГПУ.

б) Порядок разоружения

6. Намеченный к разоружению аул окружается войсковой частью с таким расчетом, чтобы жители его были лишены возможности сноситься с непосредственно прилегающим к аулу районом. Посему особое внимание обращается на закрытие дорог и троп, ведущих извне к населенному пункту, подлежащему разоружению.

7. После полного окружения аула представители ЧечЦИК'а и ОГПУ, совместно с военным командованием и небольшим конвоем входят в аул и через представителей местной власти созывают аульный сход, на коем, излагая цель прихода (изъятие оружия в видах обеспечения чеченской властью

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 303. Л. 67–68. Инструкция подписана начальником штаба СКВО Алафузо и начальником секретно-оперативной части полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Кандыбиным, утверждена командующим войсками СКВО Уборевичем, членов РВС Володиным и полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Евдокимовым.

нормальной трудовой жизни трудящегося населения), предъявляют требование о немедленной сдаче всего имеющегося у населения огнестрельного оружия и припасов к нему.

Для сдачи оружия устанавливается определенный срок в зависимости от населенных пунктов и их протяжения, но не более 2-х часов, причем, в крайних случаях означенный срок может быть несколько удлинен.

Жители вместе с тем предупреждаются о последствиях за сокрытие оружия и противодействия операции разоружения.

Кроме того, населению объявляется точная цифра подлежащего изъятию огнестрельного оружия и припасов к нему, каковые берутся из ориентировочной оценки по данному аулу.

8. Если население аула в установленный срок целиком не выполнит требования о сдаче оружия или выполнит его частично, командование отрядом в качестве угрозы открывает артиллерийский огонь (а за отсутствием артиллерии – пулеметный) в течение 10 минут на высокие разрывы и полупоражения, а затем, после отбоя, вновь, совместно с представителями ОГПУ и ЧечЦИК'а, собирает сход и отдает вторичное приказание о сдаче в более краткий срок всего оружия.

По истечении означенного срока и сдачи самим населением части оружия, оперативная группа ОГПУ приступает к поголовному обыску и изъятию бандэлемента.

В случае выполнения условий сдачи оружия поголовный обыск не производится, а только изымается бандитский и порочный элемент.

Примечание: в зависимости от обстановки предупредительный огонь, как мера воздействия, может открываться и несколько раз, однако стрельба на поражение допускается лишь в случаях оказания населением (частью его) вооруженного сопротивления войскам или представителям командования, ОГПУ и ЧечЦИК'а.

9. После применения всех выше перечисленных мер воздействия операция в каждом ауле считается законченной даже в случаях несдачи предъявленной цифры оружия и безрезультатных обысков, причем представители ЧечЦИК'а имеют полномочия в местах, где это окажется нужным, распускать исполкомы и организовывать в новом составе ревкомы.

Примечания: 1. При разоружении не подлежат изъятию кинжалы, шашки и всех видов охотничье оружие, а равно огнестрельное оружие лиц, имеющих революционные заслуги.

2. Члены и кандидаты РКП(б), ВЛКСМ и лесная стража регистрируют свое оружие в оперативной группе ОГПУ, получая от нее именные особые удостоверения на право хранения.

3. Обыски и изъятие бандитского и порочного элемента производятся согласно инструкций, имеющихся в оперативных группах ОГПУ.

Приложение 5

Из «Отчета штаба Северо-Кавказского военного округа о ликвидации бандитизма на территории Чеченской автономной области»[1]

…Соответственно с важностью каждого района был произведен расчет войсковых средств, привлеченных для разоружения.

…Действующие части Округа распределялись:

1. Группа комдива 5 т. Апанасенко

3-я бригада 5-й кавдивизии

38-й стрелковый полк 13-й дивизии

82-й стрелковый полк 28-й стрелковой дивизии

84-й стрелковый полк 28-й стрелковой дивизии

Всего 2517 бойцов при 44 пулеметах и 6 горных, 2 легких орудиях с задачей разоружения Итум-Калинского и Шароевского обществ (район № 4).

2. Группа комдива 28 т. Козицкого

1-я бригада 5-й кавдивизии

83-й стрелковый полк

Всего 1136 бойцов при 26 пулеметах и 2 горных орудий с задачей разоружения Дайского района.

3. Группа комдива 13 т. Шуванова

37-й стрелковый полк

39-й стрелковый полк

1-й эскадрон 5-й кавдивизии

13-й артиллерийский полк

Всего бойцов 1449 при 17 пулеметах, 4 горных и 6 легких орудиях с задачей разоружения 6 и 7-го районов.

4. Группа комполка 66 т. Король

64-й стрелковый полк

66-й стрелковый полк

Эскадрон 22-й стрелковой дивизии

Всего бойцов 1207 при 20 пулеметах и 4 орудиях с задачей разоружения 2-го района.

5. Владикавказский отряд

Северо-Кавказская национальная школа

Владикавказская пехотная школа

Эскадрон 28-й стрелковой дивизии

Владикавказский дивизион ГПУ

Всего бойцов 288 при 12 пулеметах с задачей разоружения 3-го района.

6. Ботлихский отряд

Кавалерийский эскадрон 13-й стрелковой дивизии

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 284. Л. 3–3 об.

Дагестанская национальная кавалерийская школа

Всего бойцов 143 при 2 пулеметах с задачей прикрытия проходов из Чечни в Дагестан.

7. 2-я кавалерийская бригада 5-й кавалерийской дивизии

Взвод 28-го артиллерийского полка

Бойцов 450 при 18 пулеметах и 2 легких орудиях, первоначально использован как резерв и впоследствии производивший и самостоятельные операции на плоскости.

Кроме того, в распоряжении командования находились 3 и 5-й авиаотряды и бронепоезд № 11 и в каждой группе находились особые оперативные группы войск и сотрудников ГПУ.

Всего к операции в Чечне было привлечено 6183 бойца при 137 станковых и 102 легких пулеметах, 14 горных и 10 легких орудиях.

Приложение 6

Приказ полномочного представителя ОГПУ Северо-Кавказского края от 8 августа 1925 г. № 6/03234/кро[1]

§ 1. В развитие оперативного приказа ПП ОГПУ от 5 августа за № 4/132366/кро, предусматривающего использование кавалерийского состава частей войск ОГПУ в проведении операции в районе Чечни,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Начотделам немедленно произвести выделение сабель из состава прикрепленных дивизионов по нижеследующему расчету:

26-й Кабардино-Балкарский дивизион	15 сабель	
47-й Кубанский дивизион	90 сабель	В число 90 сабель входят ранее выделенные 22 сабли
48-й Дагестанский дивизион	28 сабель	
50-й Армавирский дивизион	25 сабель	
52-й Майкопский дивизион	15 сабель	
53-й Чеченский дивизион	23 сабли	
55-й Карачаево-Черкесский дивизион	16 сабель	
45-й Терский дивизион	26 сабель	

§ 2. 5-й Донской полк выделяет учебный эскадрон в полном составе. 46-й Горский дивизион получает задание в порядке оперативного приказа по войскам СКВО от 4 августа за № 376/66.

§ 3. Вследствие важности предстоящей операции начотделам надлежит произвести тщательный подбор выделяемого состава.

§ 4. Отряды возглавляются соответствующими командирами дивизионов; средний и младший начсостав назначается в соответствии с численностью отрядов и учитывается в общем количестве сабель.

В состав каждого отряда должен входить политработник или военком части.

§ 5. Отрядам 47, 50, 53, 52-го дивизионов и учебному эскадрону должны быть приданы по одному ручному пулемету Льюиса с достаточным запасом дисков.

§ 6. Порядок вооружения и снаряжения отрядов сообразно с обстановкой. Учесть потребность белья.

Длительность оперативной командировки определяется в пределах 30 суток.

Учитывая потребность в ковке, дивизионам выделить имеющихся кузнецов, включив таковых в общее количество всадников. Подтверждается необходимость наличия ковочного инструмента и материала.

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 303. Л. 94.

§ 7. Питание огнеприпасами, снабжение фуражным, провиантским и приварочным довольствием в процессе операции будет производиться силами и средствами полевых частей, совместно действующих. При выступлении отрядов подтверждается необходимость снабжения последних 7-ми дневными фуражными и пищевыми запасами (консервы, сухари).

§ 8. Выделяемым отрядам (исключая 26 и 53-й дивизионы) иметь при себе по одной тачанке.

§ 9. Отрядам 26, 45, 47, 52, 55-го дивизионов и учебного эскадрона погрузиться на железнодорожных станциях с точным расчетом прибыть в г. Грозный утром 21 августа, где поступить в распоряжение ПП тов. Евдокимова, непосредственно руководящего операцией в целом.

§ 10. Отряду 50-го дивизиона погрузиться на ст. Армавир с расчетом прибыть к утру 25 августа на железнодорожную станцию Хасав-Юрт, где поступить в распоряжение начальника опергруппы 3 тов. Дейч.

§ 11. Отрядам 48 и 53-го дивизионов на месте расквартирования перейти в подчинение: первому – начальнику опергруппы тов. Раеву, и второму – начальнику опергруппы тов. Миронову. 22 сабли 47-го дивизиона, ранее выделенные в распоряжение начальника Чеченского отдела, поступают в распоряжение начальнику опергруппы тов. Миронову.

§ 12. Частям, перебрасываемым по железной дороге, надлежит своевременно сделать заявки на подвижный состав.

§ 13. О принятых подготовительных мерах донести 15 августа.

§ 14. Получение настоящего приказа подтвердить.

ВрИО ПП ОГПУ СКК Кандыбин

Наччасти погранохраны и старший инструктор
войск ОГПУ СКК Коган

Приложение 7

Основные задачи особых оперативных групп ОГПУ при операции в Чеченской автономной области[1]

Массовая операция (частями полевого командования и силами органов ОГПУ) по разоружению Чечни в конечном своем результате должна принести общее умиротворение Чечне и создать соответствующую обстановку для мирного советско-хозяйственного строительства области.

Такая обстановка, помимо целого ряда других мероприятий, может быть создана при условии:

а) поголовного разоружения всей Чечни, в особенности горной ее части;

б) ликвидации контрреволюционных и бандитских баз;

в) изъятия наиболее активного контрреволюционного элемента.

В связи с этим конкретные задачи особых оперативных групп ОГПУ по каждому району в основном сводятся к следующему:

1.

а) общее руководство и наблюдение за наиболее успешным и безболезненным проведением всей операции по вверенному данной группе району. Ответственность за операцию в равной степени несут ОГПУ и военное командование, в связи с чем все вопросы, касающиеся операции должны быть тщательно совместно прорабатываемыми и согласованными;

б) с командованием полевых частей, производящих разоружение, группы ОГПУ обязаны иметь теснейший контакт, постоянно и своевременно информировать командиров частей об общественно-политическом состоянии района и характерных особенностях каждого населенного пункта. Все принципиальные вопросы предварительно согласовываются командованием с начальником оперативной группы ОГПУ. В действия и распоряжения командования чисто оперативного характера, связанные с делом разоружения, представители групп ОГПУ не вмешиваются;

в) группы должны иметь контакт и тесное сотрудничество с членами ЧечЦИК’а и парторганов, особенно в деле сохранения политического порядка в районе, улаживания всякого рода инцидентов и безболезненного проведения операции по разоружению и изъятию.

Примечание: Вопросы взаимоотношения с командованием и представителями ЧечЦИК’а предусмотрены в специальных инструкциях.

2.

Изъятие контрреволюционного, бандитского и прочего преступного антисоветского элемента (проходящих по особым спискам и др.), учет такового, ведение следствия и внесудебного разбирательства дел по ним и транспортирование их по месту назначения.

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 277. Л. 5–6.

3.

Руководство массовыми обысками в пунктах, где таковые будут производиться и производство специальных обысков (в домах арестованных и пр.).

4.

Специальная оперативная и оперативно-агентурная работа по заданиям центральной группы по проработке и ликвидации контрреволюционных и бандитских баз и изъятию главарей. Использование в этой работе особо выделенных отрядов войск ОГПУ и полевого командования.

Примечание: Операция производится параллельно с общей операцией по разоружению. С военным командованием она согласовывается лишь в оперативно-технической части.

5.

Ведение соответствующей разведывательной (агентурной и информационной) работы в части как выполнения специальных оперативных задач, так и выявление настроения населения в районе операции. Максимальное использование всех имеющихся в районе специальных агентурных и агентурно-информационных сил (в т.ч. и особых органов).

6.

Действия, направленные к безболезненной ликвидации могущих возникнуть инцидентов как политическими мероприятиями, так и агентурными (использование лояльных групп населения и отдельных лиц, проведение возможной работы по расслоению, использование агентуры и пр.).

7.

Установить и поддерживать регулярную непрерывную связь с центральной группой ОГПУ, своевременно исчерпывающе информируя ее о ходе операции и положении в районе. Поддерживать аналогичную связь с соседними органами ОГПУ.

8.

Каждая группа получает необходимый материал (анкеты, списки, агентурные и информационные данные и пр.) с общей и оперативной характеристикой соответствующего района и отдельных населенных пунктов его. Этот материал тщательно изучается и прорабатывается составом группы. С необходимыми данными тщательно ознакамливается командир воинской части и вместе с ним всесторонне прорабатывается вопрос об операции с учетом особенностей каждого населенного пункта.

ВрИД ПП ОГПУ СКК Кандыбин

Приложение 8

Инструкция о порядке производства массовых обысков по изъятию оружия и контрреволюционных и бандитских элементов при операции в Чеченской автономной области[1]

1. При решении вопроса о производстве массовых обысков по изъятию оружия в том или ином населенном пункте начальник особой опергруппы ОГПУ вместе с командиром войсковой части разрабатывает конкретный план массовых обысков, разбивает намеченный к операции аул на районы, намечая для каждого района соответствующие силы особой опергруппы ОГПУ с соответствующими силами войсковых частей.

2. Начальник особой опергруппы ОГПУ совместно с военным командованием обеспечивает неприкосновенность основного ядра войсковых сил и должное оцепление аула.

3. Обеспечивается регулярно действующая связь как между действующими в ауле группами, так и с основным ядром.

4. К участию в массовых обысках привлекаются и красноармейцы под надлежащим руководством комполитсостава.

5. Обеспечивается быстрая доставка изымаемого оружия в назначенный пункт сбора при содействии представителя ЧечЦИК'а и местной власти (получение подвод для каждой группы и т.д.).

6. К участию в массовых обысках привлекаются представители ЧечЦИК'а и местной власти.

7. Все противодействующие в той или иной мере успешному проведению массовой операции привлекаются к ответственности и арестовываются.

8. Злостные укрыватели оружия арестовываются.

9. Начальник особой опергруппы ОГПУ при проведении изъятия контрреволюционного и бандитского элемента по данному району и аулу должен иметь соответствующие (заранее заготовленные) персональные списки и ориентировочные материалы (местонахождение укрывателей и т.д.). Начальник группы обязан принять все зависящие от него меры для того, чтобы намеченные к изъятию лица не могли заранее скрыться.

Изъятие этих элементов по аулам производится попутно с проводимыми операциями по общему разоружению аулов, за исключением особых случаев по изъятию главарей и видных фигур и разгрому их баз, порядок чего предопределяется особыми оперативными заданиями Центральной группы ОГПУ.

10. Момент начала изъятия указанных выше элементов по аулу выбирается в зависимости от складывающейся политической и оперативной обстановки, а именно:

а) если население аула отказывается сдавать оружие или сдает не то количество его, которое требуется, и начальник группы ОГПУ совместно с

[1] РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 277. Л. 3–4.

командованием предрешает вопрос о повальных обысках по изъятию оружия, то одновременно с этим производится и изъятие указанных выше элементов;

б) в тех случаях, когда население аула добровольно сдает требуемое количество оружия, то для производства операции по изъятию преступных элементов выбирается удобный момент в соответствии с политической и оперативной обстановкой. Одним из таких моментов может являться момент окончания разоружения аула (до заключительного митинга), удобный по тем же соображениям, что он обещает наименьшую сопротивляемость уже разоруженного населения; при этом также необходим соответствующий мотив для производства такого изъятия.

11. Операцию необходимо (в том или другом случае) производить внезапно с непременным условием стремления к одновременности проведения операции по изъятию нескольких лиц, для чего операция обеспечивается достаточным количеством участвующих в ней, соответствующим их распределением и т.д.

12. Операция по изъятию преступных элементов обеспечивается конной связью, патрулирующих среди всех групп, обеспечивающих операцию.

13. Операция по изъятию преступного элемента обеспечивается участием представителей ЧечЦИК'а и к ней привлекаются представители местной власти, обязанные указать жилища лиц, подлежащих изъятию, а также тех лиц (родственники и проч.), где подлежащее изъятию лицо может укрываться.

14. Дома лиц, подлежащих изъятию, оцепляются. Все находящиеся в доме лица задерживаются, подвергаются тщательному обыску и фильтрации. После этого соответствующие объекты арестовываются и под усиленным конвоем направляются к сборному пункту.

В случае вооруженного сопротивления начальник группы ОГПУ действует сообразуясь с оперативной обстановкой, обеспечивая в случае начала боевых действий связь и поддержку остальных войсковых и чекистских сил, донося об этом немедленно своему руководителю.

Если при проведении изъятия будет установлено, что представитель местной власти сознательно содействует срыву операции, то в зависимости от обстановки и с согласия представителей ЧечЦИК'а такие представители подлежат аресту.

15. Порядок изъятия главарей, прочих контрреволюционных авторитетов и фигур (как указано выше в п. 9) предусматривается особыми указаниями Центральной группы ОГПУ.

16. При обысках и арестах забирается только лишь вся переписка, в т.ч. и переписка на арабском языке, а также все найденное при обыске оружие.

Никакие ценности в старой, бумажной и металлической валюте конфискации не подлежат.

17. По окончании обысков составляется протокол, подписываемый обязательно присутствовавшими при обыске представителями местной власти.

18. Списки арестованных с указанием причин ареста и других сведений сообщаются после операции по аулу в Центральную группу ОГПУ

(руководствоваться соответствующими формами и табелем срочных донесений).

19. Арестованные впредь до окончания следствия сосредотачиваются при штабе районной группы ОГПУ. Порядок ведения следствия и дальнейшее направление арестованного предусматривается в Положении о тройках по внесудебному разбирательству дел.

20. Арестованным рекомендовать брать с собой продукты на несколько дней. Им разрешается брать с собой одежду, постельные принадлежности и смену белья.

21. Охрана арестованных и их конвоирование производится силами особых опергрупп ОГПУ с использованием при надобности военного командования.

22. Места заключения в районах организуются руководителями особых опергрупп ОГПУ при содействии представителей ЧечЦИК'а с использованием для этой цели местных властей.

ВрИД ПП ОГПУ СКК Кандыбин

Приложение 9

Характеристика контрреволюционной кулацкой организации, действовавшей в октябре 1929 г. на территории Терского округа и Дагестана[1]

Терский округ и Дагестанская АССР. Третья ликвидированная контрреволюционная организация в СКК оформилась и активизировала свою деятельность также весной с.г. Эта организация являлась наиболее многочисленной по количеству членов и созданных ячеек. За короткий период времени организация создала 13 ячеек в Воронцово-Александровском, Козловском и Прикумском районах Терского округа с количеством 67 членов и 9 ячеек в аулах и хуторах Дагестанской АССР с количеством членов 37 человек. Всего организация имела в своем составе 104 действительных члена, 5 активных пособников и 29 человек, близко соприкасавшихся с активом организации и осведомленных о ее существовании и действиях – всего 153 человека.

Социальный состав		*В том числе:*	
кулаков	93	лишенных избирательных прав	74
середняков	46	ранее судившихся	17
кустарей	2	служителей религиозного культа	2
служащих	9	бывших белых офицеров	3
бедняков	3	бывших бандитов	4
		бывших карателей	12
	153		112

Организатором и руководителем являлся бывший председатель и агроном 1-го участка Павлодарского УЗУ, скрывшийся после произведенной растраты в 1927 г. В прошлом сын богатого мельника, родственники погибли во время гражданской войны.

Оформленной платформы организация хотя и не имела, но политическая платформа таковой определялась с достаточной ясностью; во-первых, социальным составом (преобладают крупные кулаки-овцеводы) и следующими основными положениями, выдвигаемыми организацией:

1. Организация вооруженного восстания против советской власти путем создания конспиративного объединения кулаков.

2. Восстановление права частной собственности.

3. Установление «демократического» образа правления (с президентом во главе) с преобладающим влиянием «крестьянства», организованного в земледельческую партию.

[1] Приводится по: Обзор политического состояния СССР за октябрь 1929 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918–1939 гг.). Т. 2. С. 1008–1009.

Вопрос о вооруженном восстании все время стоял в плане организации и при вербовке отдельным членам ставилось в обязанность иметь готовым к выступлению коня и седло, а оружие обещалось скоро достать. План этот был тесно связан с намерением начать работу в частях РККА. Для этой цели был завербован один красноармеец – переменник терполка. Намечено было обезоруживание раймилиции, захват оружия в сельсоветах… Кроме того, в целях изыскания средств была выделена террористическая группа из 3 человек, задачей которой ставилось производство грабежей совработников и связанных с денежными операциями учреждений и организаций.

Приложение 10

Директива ОГПУ от 27 марта 1930 г. «Об упорядочении использования войск ОГПУ в борьбе с бандитизмом и усилении политработы в частях»[1]

В текущих операциях по борьбе с бандитизмом важнейшие, решающие участки занимают войска ОГПУ. Интенсивность использования наших войск сейчас особенно велика. Вопросы боевой готовности и политической сознательности наших войск наряду с вопросами особо бережного, строго расчетливого их использования являются решающими в деле успешного выполнения поставленных перед нами задач.

Особое значение в условиях настоящих операций по борьбе с кулацко-белогвардейской и бандитской контрреволюционной активностью имеет политработа в наших войсках. Твердое и отчетливое понимание каждым командиром и бойцом настоящей политобстановки, условий классовой борьбы, задач, которые возлагаются на наши органы, полное понимание, против кого и почему мы проводим операции, наряду с твердым уяснением классовой линии наших мероприятий являются обязательными и решающими условиями работы.

Линия одних голых приказов, сухой политграмоты должна быть решительно отброшена, замена четкой, политически ясной и живой ориентировкой в обстановке, целях и задачах операций. Вопрос классовой линии наших мероприятий, решительной борьбы с классовым врагом, с перегибами и извращениями должен быть особо заострен.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Под личную ответственность полномочных представителей ОГПУ и начальников соответствующих окр- и облотделов обеспечить максимально бережное и гибкое использование наших войсковых сил. Твердо учесть, что только такое использование наших ограниченных войсковых сил дает нам возможность быстро и гибко маневрировать. Не допускать излишней трепки частей, распыления, лишних перебросок, загрузки их функциями, которые легко могут быть возложены на другие силы. От каждого оперработника, в распоряжение которого дана часть, требовать под личную ответственность бережного отношения, внимания к бойцам.

2. Немедленно поставить дело беспрерывной и неослабной политработы в частях. Добиться такой постановки этой работы, чтобы каждый боец совершенно отчетливо осознавал политический и оперативный смысл и значение обстановки и операций, классовое лицо врага.

---

[1] Приводится по: Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 266–267.

3. Строго следить за состоянием наших частей. Быстро и чутко реагировать на все болезненные явления в частях.

4. Тщательно проверять и разъяснять оперативную и техническую сторону боевых задач. Планы операций разрабатывать со всей тщательностью.

5. Поставить дело технического обеспечения операций на должную высоту.

Настоящую почтотелеграмму объявить всем оперативным работникам, в распоряжении которых находятся наши войсковые силы, а также всем командирам отдельных частей и их помощникам по политчасти.

Заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода

Приложение 11

Условия комплектования 20-го отдельного Северо-Кавказского национального кавалерийского дивизиона войск ОГПУ

(утверждены полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю 23 июля 1930 г.)[1]

1) Дивизион комплектуется добровольцами горских национальностей Северного Кавказа.

2) Срок обязательной службы рядового и младшего начсостава – 2 года, и основным начальником сроком устанавливается 1 октября 1930 года, а также устанавливается двухмесячный испытательный срок, после которого добровольцы, оказавшиеся пригодными во всех отношениях, зачисляются на службу с зачетом испытательного срока, а не выдержавшие испытательного срока – увольняются.

3) Поступающие добровольцы подвергаются обязательному медицинскому освидетельствованию и принимаются только безусловно годные к строевой кавалерийской службе и хорошо знакомые с конем.

4) Возраст от 18 до 34 лет, допуская исключение в отношении бывших красных партизан и лиц, имеющих заслуги перед советской властью.

5) Преимущество при приеме отдается бывшим красным партизанам, красноармейцам, служившим в РККА и остальным, хотя бы поверхностно знающим русский язык, если они на деле доказали свою преданность советской власти и не имеют отрицательных качеств.

6) Каждый принимаемый доброволец несет службу исключительно на своей лошади, которые должны быть пригодны к строевой кавалерийской службе в горных условиях.

Пригодность лошади определяется ремонтной комиссией и добровольцу оплачивается стоимость лошади по оценке комиссии и установленным ценам для частей РККА.

Добровольцы, не имеющие своих лошадей, обязаны предварительно наметить к покупке лошадь на местных рынках у местных жителей и по ходатайству добровольца деньги за лошадь уплачиваются командиром дивизиона, но не превышая установленных цен их в РККА, приемом лошади приемной комиссией;

7) Служба в Нацкавдивизионе основывается на всех принятых в РККА и кадровых частях войск ОГПУ уставах и особых положений.

8) Строевая, боевая и политическая подготовка с личным составом производится по планам и программам, разрабатываемым ПП ОГПУ в соответствии с боевым назначением дивизиона.

---

[1] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 3839. Л. 3–4.

Строевая и боевая подготовка проводится на общесоюзном языке. Общественно-политическая и внешкольная работа – на языке данной национальности.

Обучение русскому языку в пределах необходимых для строевой и боевой подготовок обязательно для всех добровольцев во время службы в дивизионе.

9) Весь рядовой и младший начсостав, за исключением старшины и помкомвзводов, обязаны казарменным размещением.

Семьи ни квартирами, ни квартирными деньгами не удовлетворяются.

10) Ношение гражданского платья за весь период службы не допускается.

11) Оклады зарплаты для добровольцев, применительно к ставкам приказа ОГПУ:

кавалерист	31 руб. 45 коп.
комотделения	43 руб. 50 коп.
помкомвзвода	54 руб. 00 коп.
старшина	68 руб. 50 коп.

Примечание: Остальной состав красноармейцев (мастеровые) и другие (каптенармусы) удовлетворяются применительно и соответственно приведенным выше ставкам.

Независимо от получаемого оклада, в качестве меры поощрения за беспорочную службу, по истечении срока службы в дивизионе выдается в полную собственность та лошадь, на которой нес службу.

Этого лишаются добровольцы, понесшие наказание (арест 20 суток) или преданные и осужденные судом.

При некомплекте лошадей выплачивается стоимость лошади по приемочной оценке.

Добровольцы, уволенные по каким бы то ни было причинам ранее окончания срока службы, этого лишаются. Но имеющим заслуги и увольняющимся по независящим от них причинам, по особому ходатайству и утверждению ПП, может быть выдана лошадь бесплатно.

При оставлении добровольца на вторые два года, за лошадь, если она годна, выплачивается стоимость, а по истечении четвертого года – переходит в собственность.

12) Бесплатное обязательное питание для рядового и младшего начсостава.

13) За каждый прослуженный год предоставляется 15-дневный отпуск в течение всего года (по определению командира дивизиона).

За неиспользованный отпуск и нежелании использовать в будущем году, получает в конце года денежную компенсацию в ½ месячного оклада.

14) Личному составу присваивается форма одежды, установленная для внутренних войск, а кроме того, вводится национальное обмундирование, являющееся парадным и принадлежащее дивизиону и состоящее из:

– бурки;

– кубанки;

– черкески с газырями;

– башлыка;
– бешмета;
– кавказского пояса;
– кавказской портупеи;
– кинжала;
– шашки.

15) Обмундирование выдается по табелям войск ОГПУ и по истечению срока носки переходит в собственность добровольца, за исключением национального обмундирования, которое является собственностью дивизиона.

16) Увольнение со службы производится по следующим причинам:

а) по окончании двухмесячного испытания – по несоответствии;

б) по истечению двухлетнего срока службы;

в) в случае болезни, подтвержденной врачебной комиссией;

г) по судебным определениям и предании суду;

д) по сокращению штата.

Полномочный представитель ОГПУ
по Северо-Кавказскому краю Р.А. Пилляр

Приложение 12

Частная обстановка к моменту начала операции по разоружению Итум-Калинского, Шаро-Чеберлоевского и Шатойского района (апрель 1932 г.)[1]

1. К моменту начала оперативно-войсковых действий маневренного отряда политическое состояние района – неблагополучное, неустойчивое.

Бандповстанческое руководство контрреволюционных группировок «Бух-Бисана» (Итум-Калинский район), «Знакомцы» и «Мудрецы» (Шаро-Чеберлоевский район) и «Террористы» (Шатойский район) вело бешеную подготовительную работу к всеобщему вооруженному выступлению.

2. Означенные контрреволюционные группировки, имея в своем руководящем составе хорошо вооруженных бандповстанцев, состоящих из кулацко-муллльского актива, контрреволюционных и антисоветских элементов из кадровых бандглаварей и бежавших из ссылки крупных кулаков, опирались на крепкую тейповую базу Гухоевского, Баулоевского, Никороевского (Итум-Калинский район), Сальбюринского, Нижелоевского (Шаро-Чеберлоевский район), Халикалинского (Шатоевский район) аулсоветов, население которых в основном было спровоцировано к вооруженному выступлению.

Бандповстанческий накал достигал в районах наивысшего предела.

3. Методы контрреволюционной деятельности бандповстанруководства в пунктах оперирования были тождественными с пораженным Ножай-Юртовским районом.

4. По агентурным данным, районы достаточно перенасыщены боевым оружием. Настроение населения – враждебное – не в нашу пользу, сочувственное к действующим в горах кадровым бандгруппам.

5. Труднодоступная горная местность, расположение бандповстанческих контрреволюционных объектов, все увеличивающееся количество атмосферных осадков (непрерывный дождь и снег), густой, не рассеивающийся туман, размытые дороги и тропы, испорченные обвалами, испорченные переправы, наводненные горными реками – все это усложняло обстановку к моменту начала чекистско-войсковой операции и требовало большой энергии, настойчивости, выносливости и решительности у личного состава отряда.

[1] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 6136. Л. 28–29.

Приложение 13

Состав сил и средств маневренного отряда 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в операции по разоружению районов Нагорной Чечни[1]

6. Маневренный отряд 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ в 12.00 1 апреля поступивший в оперативное подчинение начальника Западного боевого участка Дементьева имел следующий состав:

1) Штаб отряда.

Начальник маневренного отряда – командир 6-го кавалерийского полка войск ОГПУ Н.И. Кулеша.

Комиссар маневренного отряда – А.И. Сенькин.

Уполномоченный особого отдела ГПУ УССР – Любочко.

Секретарь парторганизации отряда – Иванов.

Помощник начальника отряда по снабжению – помощник командира полка по хозяйственной части Пониманский Г.Н.

Исполняющий должность начальника штаба – Миловский.

Помощник начальника штаба по оперативной части – Федоров.

2) Подразделения отряда.

Полковая школа – 170 сабель, начальник школы – Беседин, политрук – Петров.

3-й дивизион – 107 сабель, командир дивизиона – Карпов, политрук – Лускатов.

Связистов – 9. Хозяйственная команда – 17 человек. Старший врач отряда – Добрускин (санинструктор – 1 и 2 лекпома).

Ветврач – Шехватов (ветфельдшеров – 2, ковочных кузнецов – 7).

3) Конский состав отряда.

Штаб – 14 лошадей; полковая школа – 172; 3-й дивизион – 116; связь – 7; хозяйственная команда – 11. Всего – 320 лошадей.

4) Вооружение отряда.

Станковых пулеметов – 8 (8 тачанок); ручных пулеметов – 12; автоматов (Томпсон) – 3; ружейных гранатометов – 6.

5) Боеприпасы.

Патронных двуколок – 2; ружейных гранат – 90; ручных гранат – 560; патронов 7,62-мм – 85 000; патронов к «Томпсону» – 2000; ракетниц – 3; сигнальных ракет – 60.

6) Связь.

2 рации «ДП-34», 1 – приданная Новороссийской мангруппы, «РП-1», 3 телефонных аппарата.

Оперативных машин «Форд» – 3, легковая – 1.

7. Обоз.

Парных повозок – 5; кухонь походных – 2; санитарная линейка – 1.

---

[1] ЦМВВ. Инв. № 6136. Л. 33–35.

Партийно-социальный состав маневренного отряда

Наименование подразделений	*Всего людей*	*Партийность*			*Социальное положение*			
		членов и кандидатов ВКП(б)	*комсомольцы*	*беспартийные*	*рабочие и батраки*	*крестьяне (не колхозники)*	*то же (колхозники)*	*прочие*
Полковая школа	172	67	85	20	120	46	–	6
3-й дивизион	108	47	33	28	48	53	7	–
Автобронедивизион	6	6	–	–	6	–	–	–
Трубвзвод	3	–	3	–	–	3	–	–
Хозкоманда	16	7	6	3	3	13	–	–
Связь	9	2	6	1	6	3	–	–
Штаб	17	13	4	–	6	2	4	7
Итого по отряду	331	142	137	52	192	115	11	13

К моменту выступления маневренного отряда политико-моральное состояние всего отряда хорошее, боевое. Бойцы и начальствующий состав в пути к месту следования всемерно знакомятся с особенностями работы в горных условиях. С маневренным отрядом следует походная отрядная многотиражка «Начеку» и постоянный фотокорреспондент.

Приложение 14

Приказ Центральной оперативной группы полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 25 апреля 1932 г. № 3[1]

§ 1. К участию в чекистско-войсковой операции по ликвидации контрреволюционной бандповстанческой активности и ликвидации кадрового бандитизма на территории Чеченской автономной области Северо-Кавказского края был привлечен 6-й Харьковский кавалерийский полк ОГПУ СССР.

§ 2. На полк полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Центральной оперативной группой возлагались оперативно-боевые задачи, выполнение которых было связано с преодолением исключительно сложной оперативно-политической обстановки, когда значительная часть населения горного аула, спровоцированная контрреволюционным кулацко-мулльским подпольем, умело использовавшим перегибы в хозполиткампаниях местных парторганизаций и органов советской власти и извращений генеральной линии партии в вопросах социалистического строительства, жила уверенностью в близкой гибели советской власти.

§ 3. Всей своей оперативной работой с преодолением чрезвычайно трудных горных условий местности, действиями в наиболее высокогорных и трудных участках Итум-Калинского и Шаро-Чеберлоевского районов, боевой работой в Дышне-Хаки, Зерхи, Гехи-Чу, полк показал высокие политические, боевые и физические свои качества и безукоризненно четко справился с боевыми задачами.

Все действия подразделений полка свидетельствуют о достаточной боевой сколоченности части в целом, умении начсостава управлять подчиненными частями, быстро и правильно ориентироваться в весьма трудных условиях чекистско-войсковой операции, тем более в новой для полка обстановке.

На должной высоте было и политико-моральное состояние части.

§ 4. Политаппарат и парторганизация полка провела в районах операции большую массовую, разъяснительную работу, что явилось основной предпосылкой к перелому политических настроений бедняцко-середняцких масс аула в нашу пользу, к убеждению этих масс в крепости и незыблемости советской власти и к широкому уяснению ими сущности контрреволюционной кулацко-мулльской агитации и провокационных действий. Бедняцко-середняцким массам разъяснена действительная политика советской власти в горах, до них доведены решения ЦК и крайкома ВКП(б), принятые в связи с допущенными перегибами и извращениями генеральной линии на местах.

Наряду с разъяснительной работой полком была оказана населению значительная практическая помощь: участие в весеннем севе, санитарное и

[1] ЦМ ВНГ РФ. Инв. № 6136. Л. 111–113.

ветеринарное обслуживание и т.д. Все вместе взятое обеспечило успех операции и создало полку среди бедняцко-середняцких масс населения вполне заслуженные симпатии и авторитет.

§ 5. Командиру полка т. Кулеша, военкому т. Сенькину и всему личному составу 6-го Харьковского кавалерийского полка ОГПУ СССР за проявленную боевую энергию в операции, высокую политическую сознательность и преданность интересам рабочего класса и партии от имени полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю объявляю благодарность.

§ 6. Командованию 6-го полка представить в Центральную оперативную группу списки наиболее отличившихся бойцов и командиров для соответствующего награждения.

§ 7. Приказ прочесть всему личному составу полка.

Начальник Центральной оперативной группы
полномочного представительства ОГПУ
по Северо-Кавказскому краю Курский